

Д $\frac{21}{24}$
N 4/8

Курс
всеобщей
истории

ас
Т

955

IV

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Е. и В. Борша.

ТОМЪ IV.

ВЫПУСКЪ ОСЬМОЙ:

ОТЪ КОНЦА СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

11905
619

202
ДЗК
24
№4/8

2005

45 4/71

СВЕРЬМО
1966 г.

ГЕНТАБ СС РН СССР
Г. с. пу
техничес... года

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ гвмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 21-го дня 1860 года.

Цензоръ *Н. Гилъровъ-Платоновъ.*

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІИ.

СО РА Н

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ.

А. ПРЕДВѢСТІЯ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Литература вольномысленнаго просвѣщенія (Aufklärung).

1) АНГЛІЙСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ (ДЕИСТЫ).

§ 670. Удары, нанесенные въ теченіе 18-го вѣка религіи и церкви, существующему государственному порядку и перешедшимъ отъ среднихъ вѣковъ условіямъ гражданскаго быта, произвели полный переворотъ во взглядахъ и образѣ мыслей высшихъ сословій. Суевѣріе и церковная исключительность исчезли; но при этомъ потерпѣли религія и благочестіе. Старая форма правленія и патріархальный порядокъ были поколеблены; но противодѣйствіе излишествамъ и злоупотребленіямъ вытѣснило изъ сердца народовъ и самое благоговѣніе къ государямъ и властямъ; сословныя права считались незаконно пріобрѣтенными и сохраненными по предразсудку благами, которыя, какъ добытыя насиліемъ, могутъ быть и отняты силою. Религія христіанскаго откровенія противопоставили основанную на чувственномъ познаніи вѣру разума; мѣсто божественнаго права государей заступило народовластіе, и сословныя права дворянства и духовенства были подорваны ученіемъ о правахъ человека и природномъ равенствѣ всѣхъ людей. То была громадная борьба противъ вѣковаго рабства и закоренѣлыхъ злоупотребленій; но, къ сожалѣнію, при этомъ не умѣли соблюсти мѣру.

Борьба противъ церковнаго вѣроученія началась въ Англіи. Локкъ (1632—1704), воспитатель и другъ талантливаго графа Шафтс-

бери, — съ которымъ дѣлилъ онъ политическую судьбу, съ которымъ убѣждалъ въ Голландію (§ 622), — подвергнувъ оцѣнкѣ своего остраго, критическаго ума религію и науку. Въ своемъ «Опытѣ о разумѣ ній человѣческомъ», онъ представилъ систему, которая, опираясь на одинъ чувственный опытъ, отрицала всякое познаніе сверхчувственныхъ предметовъ, по скольку они не созданія нашей собственной духовной дѣятельности, и старался цѣлымъ рядомъ сочиненій внести въ область церкви мыслительность (раціонализмъ) и религіозную терпимость, впрочемъ не выступая враждебно противъ самой церкви. Его ученіе проникло во Францію чрезъ посредство Кондильяка. Возбужденный Локкомъ, даровитый и остроумный Шафтсбери († 1713), внукъ вышеназваннаго, предался системѣ сомнѣнія (скептицизму), выработанной Бейлемъ (§ 630) и другими Французами въ Нидерландахъ, и направилъ свою тонкую иронию, свое остроуміе и насмѣшку противъ церковнаго ученія, противъ всякой, основанной на откровеніи, религіи. Его сочиненія, вышедшія подъ заглавіемъ «Характеристики людей, нравовъ, мнѣній и временъ», гдѣ онъ выставляетъ религію разума и нравственный законъ вѣрнѣйшими руководителями въ жизни, произвели своимъ легкимъ слогомъ, своимъ остроумнымъ и яснымъ изложеніемъ величайшее впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ и навели Вольтера и энциклопедистовъ на ту же дорогу. Въ Моралистѣ и въ разсужденіи «О заслугѣ и добродѣтели» онъ доказывалъ, вопреки богословамъ, что міръ, каковъ онъ есть, совершенъ (оптимизмъ), и какъ ни паѣнило многихъ его воодушевленное оправданіе (еодицея) Творца, однако болѣе проникательные люди видѣли въ его вѣрѣ въ Бога нѣчто похожее на фатализмъ. — Не по склонности къ насмѣлкѣ и сатирѣ, какъ Шафтсбери, и не изъ тщеславія, какъ многіе Французы, въ послѣдствіи вторившіе этому направленію, вывелъ такіе же результаты ученый другъ Локка, Коллинсъ († 1729), изложившій ихъ не языкомъ и манерою утонченно-образованнаго общества, а въ серьезной формѣ основательно-ученаго изслѣдованія. Вмѣшавшись въ школьный споръ двухъ церковныхъ ригористовъ, онъ пришелъ къ системѣ сомнѣнія. Между многими дѣльными его сочиненіями, изъ которыхъ въ послѣдствіи черпали Французы, наиболѣе извѣстны «Рѣчь о свободѣ мысли» и «Изслѣдованіе библейскихъ пророчествъ». Смѣлье, но отчасти съ меньшимъ остроуміемъ напалъ на существующее церковное вѣроученіе рядъ писателей, извѣстныхъ подъ именемъ деи-

стовъ: они оспаривали христіанское ученіе о тріединствѣ Божіемъ и допускали поклоненіе только одному высшему духовному существу, какъ Богу (Deus). Они защищали доводами обыкновеннаго человѣческаго разсудка, а въкоторыя и съ помощію ученыхъ пособій ту мысль, будто естественное богопознаніе и совѣсть даютъ вполне удовлетворительную религію, и потому одни изъ нихъ уважали христіанство лишь по столѣкѣ, по скольку признавали въ немъ зародышъ этой естественной религіи, другіе же отвергали его, почитая вымысломъ духовенства, и всѣ одинаково отказывали ему въ историческомъ значеніи и историческихъ основахъ. Однимъ изъ самыхъ яростныхъ противниковъ христіанства и всего того, что съ нимъ связано, былъ пошлый, тупоумный Толандъ († 1722), который въ своемъ «Разоблаченномъ христіанствѣ» и другихъ сочиненіяхъ оспаривалъ подлинность новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, приписывалъ іудейскій характеръ христіанству, и такъ упорно ратовалъ противъ всякой положительной вѣры, что сочиненія его были запрещены, а самъ онъ подвергся преслѣдованію. Для него существуетъ только пантеизмъ; а вѣра въ личнаго Бога, въ безсмертіе души и т. п. представляется ему суевѣріемъ. — Имѣя болѣе въ виду существующій въ Англіи церковный порядокъ, легкомысленный насмѣшникъ Тиндалъ († 1733) напалъ, въ своей книгѣ «о лжецерквахъ», на всякое, связанное съ государственнымъ бытомъ и требующее мірскихъ благъ церковное устройство, а въ своемъ «Столь же древнемъ, какъ и міръ, христіанствѣ» училъ, будто христіанство не что иное, какъ первобытная религія разума, очищенная отъ сдѣланныхъ Евреями прибавокъ и переработокъ. Скромнѣе и умѣреннѣе старался честный Волластонъ († 1724) въ своемъ «Изображеніи естественной религіи» утвердить начала вѣры чистаго разума (которая, по его мнѣнію, состоитъ въ стремленіи къ счастью посредствомъ ревностнаго исканія истины и развитія разума, и не нуждается будто ни въ откровеніи, ни въ отпущеніи грѣховъ). Его основательныя и весьма распространенныя сочиненія, подобно сочиненіямъ Коллинса, были переведены и еще болѣе распространены Французами, которые воспользовались ими и для своихъ собственныхъ трудовъ. Вульстонъ († 1733) объяснялъ чудеса Спасителя аллегорически, и за это умеръ въ темницѣ. Морганъ († 1743) считалъ все историческое въ христіанствѣ за вымыселъ и хотѣлъ замѣнить религію моралью; а безнравственный Мандевилль († 1733) въ своей Баснѣ о пчелѣ и въ коментаріи

къ ней представилъ даже страсти и пороки необходимыми для процвѣтанія государства: — это была «сатира на нравственность и на идеалы церкви». — Ученый богословъ Чоббъ († 1747), въ своемъ «истинномъ Евангеліи», утверждалъ, будто христіанство не понято и будто въ сущности оно есть не болѣе какъ откровеніе естественно-нравственнаго закона, нарушеніе котораго искупается покаяніемъ и будетъ наказано грядущимъ судомъ.

Важнѣе этихъ писателей-действовъ, какъ государственный чело-вѣкъ и политическій партизанъ, — извѣстный другъ Вольтера Болин-брокъ († 1751). Это былъ остроумнѣйшій изъ всѣхъ Британцевъ, мастеръ владѣть языкомъ, знатокъ высшаго свѣта и тона ему свойст-веннаго, но чело-вѣкъ безъ всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій. Наиболѣе извѣстны его «Письма объ изученіи исто-ріи», гдѣ, противъ сторонниковъ церковнаго воззрѣнія, онъ доказывалъ, что тотъ же міровой разумъ, который нынѣ направляетъ исторію, и все-гда управлялъ ею; противъ школьныхъ ученыхъ — что свѣтлый взглядъ свѣтскаго чело-вѣка глубже проникаетъ въ жизнь народовъ, чѣмъ уче-ность, а противъ тѣхъ, которые считаютъ вышшимъ благомъ спокой-ствіе, — что борьба и волненіе нераздѣльны съ свободой. Но онъ въ тоже время поколебалъ и вѣру въ добродѣтель и безкорыстную любовь къ отечеству, ибо съ свѣтскою холодною выставялъ своекорыстіе и самолюбіе главными пружинами всѣхъ поступковъ. На плечахъ его стоятъ величайшіе историки Англіи: Гиббонъ (даровитый творецъ «Исторіи упадка и паденія Римской имперіи», — сочиненія, на-писаннаго съ искусствомъ и ловкостью, но и съ риторическими при-красами, † 1794) и Юмъ († 1776), остроумный авторъ «Исторіи Англіи», и въ тоже время скептикъ въ житейской философіи. Оба были люди французскаго образованія и стояли въ тѣснѣйшей связи съ Вольтеромъ и умными парижскими кружками; обоимъ было недоступно глубокое пониманіе всей высоты историческаго христіанства. — Напро-тивъ, шотландскій пасторъ Робертсонъ († 1793), стоящій на ряду съ Гиббономъ и Юмомъ, какъ историкъ, хотя и уступающій имъ обо-имъ въ умѣ, талантѣ и смѣлости, не раздѣлялъ съ ними ни француз-скаго образованія, ни враждебнаго церкви направленья. Свободномы-слящій и склонный къ терпимости богословъ благороднаго образа мы-слей и гуманныхъ стремленій, онъ имѣлъ большое вліяніе на цер-ковныя и политическія воззрѣнія своихъ современниковъ въ Шотландіи. Его весьма распространенныя сочиненія («Исторія Шотландіи при

Маріи Стуртъ», «Исторія императора Карла V, «Исторія открытія Америки») — добросовѣстные и заслуживающіе довѣрія, но сухіе, написанные безъ воодушевленія труды. — Напротивъ поэтъ Попъ († 1744), передавшій Англичанамъ Гомера (§ 560), ра-зумѣется съ ущербомъ величавости и возвышенности античнаго пѣвца, поклонялся французскому лоску и Болинброковой мудрости, по которой люди, руководимые эгоизмомъ въ жизни, должны въ религіи слѣдовать только собственному разуму; наконецъ, въ сатирахъ Свифта († 1745) церковность и церковное вѣроученіе осмѣиваются точно такъ же, какъ и нечеловѣчности общества и слабыя стороны государства¹.

2) Противощерковная литература во Франціи.

§ 671. Вольтеръ. Монтескьё. Руссо. Литературная дѣя-тельность этихъ трехъ писателей, которыхъ остроумныя сочиненія, украшенныя всеми чарами языка и изложенія, читались всею образован-ною Европой, наиболѣе способствовала къ пересозданію господствова-вшихъ дотолѣ понятій въ церкви, государствѣ и судебной части, а также къ искорененію предрасудковъ и устарѣлыхъ порядковъ и обычаевъ въ общественномъ быту. Хотя пути ихъ были весьма различны, однакожь они сходились между собою въ окончательныхъ выводахъ. Вольтеръ (1694—1778) поражалъ оружіемъ насмѣшки и здраваго смысла всѣ господствующія понятія, не заботясь о томъ, что послѣ замѣнить ихъ; Монтескьё (1689—1755), полный содержанія и болѣе серьезный писатель, доказывалъ ошибочность и безобразіе существующаго порядка съ цѣлью улучшить его и преобразовать заблаговременно, а Жанъ-Жакъ Руссо (1712—78) громилъ настоящее привлекательнымъ изо-браженіемъ противоположнаго быта, стараясь противопоставить господ-ствующему церковному порядку религію сердца, поколебать абсолютную монархію ученіемъ о договорѣ между народомъ и правителемъ², а не-равенство сословныхъ правъ и имущества — ученіемъ о первоначаль-

¹ А между тѣмъ Свифтъ преспокойно пользовался доходами отъ своихъ церковныхъ должностей, и только благочестивое сомнѣніе королевы Анны помѣшало ему сдѣлаться епископомъ.

² Это несостоятельное ученіе было также напередъ развито Локкомъ, а во Франціи прежде всего употреблено въ дѣло побочнымъ потомствомъ Людовика XIV, такъ-назы-ваемыми «узаконенными принцами», при подачѣ ими регенту защитительной записки въ пользу своихъ правъ, которыхъ они были лишены по смерти Людовика XIV (1717).

номъ равенствѣ всѣхъ людей, подрывая въ то же время неестественность нравовъ и запутанныхъ, условныхъ общественныхъ отношеній описаніемъ восбращаемыхъ прелестей простаго, естественнаго состоянія. Жесточайшими врагами настоящаго были Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты, которые принимали за истину только познанія, приобретаемая посредствомъ пяти плотскихъ чувствъ, выставляли себялюбіе высшимъ началомъ всякой дѣятельности, и полагали цѣль жизни только въ наслажденіи и счастіи.

Вольтеръ (срв. § 628). Изъ всѣхъ писателей, дававшихъ направление своему времени, никто не оказалъ такого сильнаго вліянія какъ Вольтеръ. Возросши въ высшихъ кругахъ общества, у которыхъ легкая и острая насмѣшка принадлежала къ модному тону, этотъ даровитый человѣкъ при своемъ первомъ появленіи на литературномъ поприщѣ избралъ именно тотъ родъ литературы, который наиболее соотвѣтствовалъ его насмѣшливой природѣ и общалъ ему наиболѣе успѣха, — избралъ сатирическую поэзію, но смѣлою насмѣшкой надъ правительствомъ навлекъ себѣ заключеніе и преслѣдованіе; это побудило его удалиться на нѣкоторое время въ Англію, когда литературная извѣстность его уже основалась. При существовавшемъ тогда сходствѣ образованія и литературы, нравовъ и религіозныхъ началъ между Англіею и Франціей, остроумный Вольтеръ нашелъ себѣ тамъ восторженный приемъ, которымъ онъ отлично умѣлъ воспользоваться въ своихъ видахъ при новомъ изданіи «Генріады» (§ 629). Опытность, приобретенная имъ здѣсь въ высшихъ, проникнутыхъ французскимъ образованіемъ кругахъ, и знакомство съ писателями-деистами укрѣпили его воззрѣнія и дали ему новыя средства къ борьбѣ съ господствовавшими учрежденіями и понятіями. По возвращеніи во Францію, онъ такъ смѣло, но при этомъ и такъ талантливо и остроумно познакомилъ своихъ соотечественниковъ въ Англійскихъ письмахъ съ литературными и религіозными вопросами и особенно съ скептической религіозною философіею Англичанъ, что навлекъ себѣ новыя преслѣдованія со стороны правительства, но за то приобрѣлъ и удивленіе высшихъ классовъ, государей и царедворцевъ всей Европы. Онъ поселился теперь въ помѣстьи своей пріятельницы, маркизы де Шателе, въ Лотарингіи, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь литературными трудами, даже математическими и физическими науками. Когда слава его достигла высшей степени, онъ по приглашенію Фридриха II (1750) поѣхалъ въ Берлинъ (§ 654), но вскорѣ разошелся съ нимъ и возвратился во Францію. Тутъ онъ

купилъ себѣ на швейцарской границѣ, близъ Женевского озера, прелестное имѣніе Ферней, гдѣ жилъ въ завидной независимости большимъ состояніемъ, добытымъ своею авторскою дѣятельностью. — Вольтеръ проводилъ свои воззрѣнія въ разнообразнѣйшихъ литературныхъ трудахъ: въ стихотвореніяхъ, сатирахъ и романахъ, въ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ знаменитѣйшими государями Европы, съ государственными людьми, полководцами и учеными, и имѣніе его вездѣ имѣло вѣсь. Острое перо его было направлено противъ всего, чему міръ поклонялся прежде какъ святыни, что уважалъ какъ освященное столѣтіями и чему повиновался, какъ закону. Религія и церковь, духовенство и народная вѣра подверглись самымъ рѣзкимъ нападеніямъ. Отъ «Генріады», гдѣ онъ славилъ терпимость къ иномыслящимъ, онъ дошелъ мало-по-малу до вольнодумной поэмы въ эпической формѣ — «Дѣвы Орлеанской», гдѣ соединилъ все, что только можетъ придумать самое дерзкое остроуміе и злѣйшая насмѣшка противъ религіи и нравственности, противъ лицъ и дѣлъ, къ которымъ прежде относились не иначе какъ съ уваженіемъ. Все, что не вдругъ дается простому здравому смыслу, было объявлено поповскимъ обманомъ, суевѣріемъ и предрасудкомъ и побивалось всѣми средствами остроумія и сатиры, и хотя неоспоримо, что Вольтеръ поставилъ преграду фанатизму, дѣйствительно уничтожилъ нѣкоторые предрасудки, устранилъ не одно суевѣріе, отнялъ нѣсколько жертвъ у религіозной ярости и нетерпимости (семейство Кала въ Тулузѣ)*; но съ другой стороны несомнѣнно и то, что онъ искоренилъ въ иномъ сердцѣ и самое религіозное чувство, посѣялъ сомнѣніе и невѣріе во многихъ умахъ и выставилъ холодную, житейскую мудрость, а съ нею себялюбіе, своекорыстіе и эгоизмъ, высшими двигателями человѣческихъ

* Жанъ Кала, протестантскій купецъ въ Тулузѣ, былъ обвиненъ въ умерщвленіи своего сына, — который самъ повѣшенъ въ отцовскомъ домѣ, въ припадкѣ помѣшательства, — при чемъ проводомъ къ убійству выставлялось намѣреніе сына перейти въ католическую церковь. Фанатическіе священники и монахи возбудили народную смуту и этимъ такъ напугали тулузскій парламентъ, что онъ, не смотря на явные доказательства ложности этого слуха, приговорилъ несчастнаго Кала къ колесованію и конфисковалъ его имущество (1762). Кала перенесъ казнь съ большою твердостью, заявляя свою невинность до послѣдней минуты. Вдова его удалилась въ Швейцарію, гдѣ умѣла заинтересовать Вольтера въ своемъ дѣлѣ, и онъ написалъ сочиненіе sur la Tolérance (о терпимости, 1765), слѣдствіемъ котораго было то, что процессъ былъ пересмотрѣнъ, несправедливый приговоръ отмененъ, и семейству Кала возвращены честное имя и имущество.

поступковъ. Какъ религія и церковь, ихъ защитники и установленія подвергались его насмѣшливымъ нападамъ, такъ равно подвергались имъ и всѣ другія, освященныя давностію и обычаемъ учрежденія, государственное устройство, королевская власть, судопроизводство, права сословій, система народнаго просвѣщенія и т. д. Онъ устранилъ нѣкоторыя злоупотребленія и рутинные порядки, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывалъ чувство благочестиваго уваженія и самую добродѣтель. Суетность и безмѣрное самолюбіе были главными пружинами дѣйствій этого человѣка. Какъ въ знаменитой надписи на фернейской церкви: «Voltaire egressit Deo»¹, такъ и вездѣ, дерзаетъ онъ ставить себя на ряду съ высшимъ существомъ. Онъ низвергаетъ всѣ кумиры только съ тѣмъ, чтобы самому занять ихъ мѣсто. — Всего важнѣе историческія сочиненія Вольтера, гдѣ въ обширномъ размѣрѣ и въ цѣломъ отважился онъ примѣнить манеру Болдинброка. Его Исторія Карла XII Шведскаго, Петра I Русскаго, хваленый Вѣкъ Людовика XIV и написанный въ придворномъ тонѣ Вѣкъ Людовика XV, хотя и не были результатомъ основательныхъ изслѣдованій и не отличались ни безпристрастіемъ, ни достовѣрностью, но все-таки составили собою эпоху, потому что легкость и занимательность изложенія, примѣненіе прошедшаго къ вопросамъ жизни и смѣлая критика вытѣснили педантскую и сухую исторіографію школьныхъ ученыхъ и сдѣлали доступными образованному кругу поучительныя историческія занятія. Всего замѣчательнѣе его очеркъ всемірной исторіи, подъ заглавіемъ: «Опыты о нравахъ и духѣ народовъ», какъ противоположность творенію Боссюэта (§ 630). Ибо какъ послѣдній основывалъ все на вѣрѣ, такъ Вольтеръ начинаетъ напротивъ сомнѣніемъ, и какъ Боссюэтъ обращаетъ все во славу христіанской религіи, такъ Вольтеръ старается указать въ христіанствѣ и въ порокахъ духовенства все зло среднихъ вѣковъ.

Монтескьё. Въ «Персидскихъ Письмахъ» Монтескьё съ такою же легкою насмѣшкой, какъ и Вольтеръ, возстаетъ противъ церковнаго вѣроученія, противъ всей учебной и правительственной системы, противъ формы правленія во Франціи, и такъ же остроумно и иронически осмѣиваетъ нравы и общественныя отношенія своихъ современниковъ. Непонятныя ученія схоластическаго богословія, іерархія, монашество и церковныя учрежденія унижены у него сравненіемъ со сходными могомеданскими и восточными явленіями и выставлены

¹ Вольтеръ воздвигнулъ Богу.

какъ суевѣріе и глупость. Обличивъ такимъ образомъ недостатки существующаго порядка, онъ старался въ остроумныхъ Соображеніяхъ о причинахъ величія и упадка Римлянъ и ихъ державы показать, что любовь къ отечеству и довѣріе къ собственнымъ силамъ сообщаютъ величіе государству, а деспотизмъ ведетъ его къ гибели. Третье сочиненіе: О духѣ законовъ, написанное позже, когда Монтескьё уже ознакомился съ Англіею и другими европейскими странами, отличается болѣе умѣреннымъ и серьезнымъ тономъ. Но тѣмъ большее дѣйствіе оказывало спокойно и ясно изложенное ученіе его о разумной свободѣ. При описаніи различныхъ государственныхъ формъ, республиканская поставлена высшимъ идеаломъ, но она возможна только подъ условіемъ высокой гражданской доблести. За нею слѣдуетъ конституціонное устройство Англіи, съ рѣзкимъ разграниченіемъ трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной, и съ признаніемъ сословныхъ и корпоративныхъ правъ, а въ заключеніе—абсолютная форма, которая, по словамъ Монтескьё, легко переходитъ въ деспотію, выставлена имъ какъ причина всякаго упадка и всякой порчи нравовъ. При этомъ сильно порицались судопроизводство, податная система и другія господствовавшія во Франціи дурныя установленія, и указывались недостатки образа правленія во всѣхъ государствахъ европейскаго материка; но религія и церковь щадились уже болѣе чѣмъ въ «Персидскихъ Письмахъ». Монтескьё составляетъ противоположность маркизу д'Аржансону, который, хотя тоже хотѣлъ обновить и подкрѣпить монархію демократическими учрежденіями, и распространить подати на дворянство и духовенство, однакожъ, подавая голосъ противъ общихъ собраній земскихъ чиновъ и за ограниченіе или отмену всѣхъ корпоративныхъ привилегій, въ тоже время старался вновь утвердить независимость королевской власти.

Руссо. Величайшее вліяніе на переворотъ въ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ той эпохи оказалъ Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ родился въ Женевѣ и назначался къ ремеслу своего отца, часоваго мастера; но бѣжалъ отъ строгости своего хозяина, и съ тѣхъ поръ велъ жизнь, полную тревогъ и испытаній, то въ Савойѣ и Верхней Италіи, то въ Парижѣ или въ сельской тиши Монморанси, то преслѣдуемымъ изгнанникомъ на островѣ св. Петра на Бильскомъ озерѣ, въ Нѣшательскомъ кантонѣ, подъ защитой Фридриха II, или въ Англіи у историка Юма, пока подавленный тоскою и пресытившись жизнію, внезапно умеръ

въ имѣніи одного изъ своихъ почитателей, близъ Парижа. Онъ самъ повѣдалъ міру съ рѣдкою искренностью и правдивостью все подробно-сти своей внутренней и внѣшней жизни въ своихъ «Признаніяхъ»— автобіографіи, которая тѣмъ важнѣе, что вполне уясняетъ направленіе его ума. Рано лишился матери, онъ получилъ недостаточное воспитаніе. Онъ читалъ съ отцомъ множество романовъ безъ всякаго выбора, что не въ мѣру раздражало его чувства, наполнило его воображеніе ложными и идеальными картинами, между тѣмъ какъ умъ его оставался безъ надлежащихъ познаній и настоящаго образованія. По происхожденію и воспитанію, онъ привыкъ къ простотѣ и быту средняго класса, и потому былъ врагомъ роскоши и неравенства имуществъ всю свою жизнь. Въ своихъ страстіяхъ онъ насмотрѣлся на гнетущую бѣдность, на дурное обращеніе богатыхъ и знатныхъ съ прислугою и рабочимъ классомъ, и душа его была возмущена этою несправедливостью. Гражданскія отношенія съ ихъ сословнымъ различіемъ и великимъ неравенствомъ званій и имуществъ представлялись ему извращенными и неестественными; онъ находилъ причину этихъ золъ въ успѣхахъ цивилизаціи, и потому въ двухъ первыхъ своихъ сочиненіяхъ указалъ на искусства и науки какъ на гибельнѣйшія блага человѣчества. Вымышленное естественное состояніе превозносилъ онъ какъ пріютъ невинности и свободы, и ожидалъ спасенія міру только отъ возвращенія къ этому состоянію и отъ готовности сбросить съ себя все пути, наложенныя образованіемъ, воспитаніемъ и привычкой. Въ другой книгѣ, начала которой имѣли величайшее вліяніе на ходъ французской революціи, въ «Общественномъ договорѣ» (Contrat Social), онъ выставляетъ равенство всехъ людей необходимымъ условіемъ каждаго государства, и не въ конституціонномъ устройствѣ, какъ опровергаемый имъ Монтескьё, но въ полной демократіи съ законодательными народными собраніями, видитъ онъ достойнѣйшую государственную форму, а въ вещественномъ благосостояніи народа—высшую цѣль общества. Какъ въ этомъ сочиненіи Руссо поколебалъ существующія формы правленія, такъ въ знаменитѣйшихъ своихъ твореніяхъ: «Новой Элоизѣ» и «Эмилѣ» поколебалъ онъ нравы, привычки, образъ жизни и воспитаніе того времени. Въ первомъ онъ описываетъ поэтическимъ языкомъ, и въ формѣ эпистолярнаго романа, преимущества сентиментальной естественной жизни предъ уродливыми условіями дѣйствительности, а послѣднимъ онъ старался положить начало основанному на природѣ и родительской любви, разумному воспитанію.

Его слова — выраженіе глубокаго внутренняго чувства и проникаютъ въ самое сердце, потому что исходятъ изъ его глубины: оттого-то дѣйствіе его сочиненій, особенно на женщинъ, было можно сказать безгранично. Ихъ вліянію обязана Франція тѣмъ, что въ ней опять явились матери, что любовь и домашняя жизнь снова возвратились въ семейства, и что въ среднихъ классахъ естественная простота и нравственность выступили противъ безобразія, безнравственности и пресыщенія высшихъ круговъ. Этимъ Руссо искупилъ свой грѣхъ относительно собственныхъ дѣтей, которыхъ предоставилъ попеченію воспитательнаго дома. Даже въ музыкѣ, о которой высказаны имъ очень остроумныя мысли, стремился онъ возвратиться къ природѣ и простой естественности. Онъ оспаривалъ мнѣніе, что гармонія—единственная основа музыкальнаго искусства, и указывалъ на первоначальное мелодическое искусство, «которое нераздѣльно съ природою и, какъ другой языкъ, черпаетъ свое выраженіе въ естественныхъ переливахъ души, а отнюдь не изъ правилъ генералбаса». Какъ мало Руссо уважалъ церковность и ея догматы, видно уже изъ того, что онъ два раза перемѣнялъ вѣру. Однако онъ не относился къ вѣрѣ съ легкомысленною насмѣшкой Вольтера, но училъ религіи сердца и чувствъ. Онъ старался устранить отъ христіанства все несущественное, чтобы спасти самую сущность, и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, стремился возвратиться къ простотѣ, природѣ и разуму. Но какъ ни доказывалось уваженіе Руссо къ религіи вѣроисповѣданіемъ савойскаго викарія въ «Эмилѣ», однако свободное отношеніе его къ господствующей церкви навлекло ему преслѣдованія со стороны строгихъ католиковъ и протестантовъ. Книга была сожжена рукою палача по судебному приговору, а самъ онъ принужденъ бѣжать изъ Франціи.

Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты. Нѣсколько даровитыхъ писателей, часто собиравшихся у нѣмецкаго барона Гольбаха въ Парижѣ, дальше всехъ простерли свое разрушительное рвеніе, соединивъ отрицательныя стороны ученій Кондильяка и Локка и отбросивъ положительное ихъ содержаніе. Многія сочиненія, какъ напр. Система природы, авторомъ которой почитался самъ Гольбахъ, и книга главнаго откупщика Гельвеція «О духѣ», доказывали вѣчность матеріи (матеріализмъ) и выставляли самолюбіе и эгоизмъ единственными двигателями человѣческой дѣятельности. Въ соединеніи этихъ двигателей съ общественною пользою видѣли они мѣру нравственности и истины. Идеи о Богѣ, безсмертіи и свободѣ не имѣли

у нихъ никакого значенія; вѣчная, вѣчно подвижная природа была для нихъ первоначальною причиною всѣхъ вещей. Подобныя ученія, грозившія сокрушить все высшее, объявлявшія добродѣтель и мораль глупостью, убивавшія духъ и фантазію и восхвалявшія удовлетвореніе чувственности какъ высшую мудрость, возбудили неудовольствіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Однако высшее общество, не только во Франціи, но и во всей Европѣ, удивлялось таланту и легкому остроумію этихъ писателей, съ восторгомъ читало ихъ сочиненія и болѣе или менѣе раздѣляло ихъ правила. Такое же разрушительное направленіе имѣли такъ-называемые энциклопедисты, то есть, составители изданнаго даровитымъ, легкомысленнымъ Дидро и остроумнымъ математикомъ и философомъ д'Аламберомъ, Энциклопедическаго Словаря, — творенія, которое, какъ очеркъ всего человѣческаго знанія, было ясно, грандіозно и свободно, но, какъ враждебное всякому высшему стремленію, представлялось выраженіемъ чувственныхъ (сенсуалистическихъ) ученій. Энциклопедисты привели испорченные нравы высшаго французскаго общества въ систему эпикурейской философіи, въ которой результаты ученія о зависимости духа отъ чувствъ были поставлены на первомъ планѣ во всей наготѣ своей, случай — представлялся творцомъ міра, фатализмъ — его руководителемъ, а человѣкъ — чистою машиной.

3. Вліяніе литературы.

§ 672. Вліяніе этихъ людей на образъ мыслей всей Европы было тѣмъ значительнѣе, что тогда Парижъ задавалъ тонъ во всемъ, что въ высшихъ кругахъ говорили только на французскомъ языкѣ и читали однѣ только французскія книги, а эти сочиненія возбудили всеобщій интересъ своею привлекательною формою и талантливымъ изложеніемъ. Правители, какъ Фридрихъ II, Густавъ III шведскій, Карлъ III испанскій, Екатерина II русскія; государственные люди, какъ Помбаль, Шуазель, Аранда и другія значительнѣйшія лица всѣхъ сословій и націй состояли въ личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ большинствомъ этихъ писателей, и удивлялись ихъ произведеніямъ. Отъ этого въ большей части государствъ была введена вѣротерпимость, стали заботиться объ искорененіи суевѣрія и предразсудковъ, и многіе государи и министры предприняли смѣлыя преобразованія въ существующемъ порядкѣ вещей; но дальнѣйшимъ послѣдствіемъ было то, что французскій народъ утратилъ благоговѣніе къ святынямъ и уваженіе ко

всему завѣщанному предками, къ закону и государственному устройству, и потому при отмианіи вѣковыхъ злоупотребленій не остался въ границахъ права и гражданскаго порядка. — Торжество просвѣтительныхъ идей повело къ упраздненію іезуитскаго ордена. Духовное общество, исключительно стремившееся препятствовать народному просвѣщенію, держать народъ въ опекѣ и противиться всякимъ преобразованіямъ и нововведеніямъ, должно было подвергнуться сильнымъ нападкамъ въ такое время, когда весь образованный міръ стремился въ противоположную сторону. Поэтому, когда Помбаль въ Португаліи (1759) и Аранда въ Испаніи закрыли іезуитскія коллегіи и отправили членовъ этого ордена въ Церковную Область (§§ 679, 680), и когда примѣръ ихъ вызвалъ подражаніе во Франціи, при другихъ бурбонскихъ дворахъ и на островѣ Мальтѣ, то папа Климентъ XIV, благоразумный и умѣренный государь, нашелся вынужденнымъ, «по внушенію и при помощи Святаго Духа», упразднить іезуитское общество (1773) и закрыть іезуитскія коллегіи даже въ Церковной Области. Это побудило согласиться на его уничтоженіе и Марію Терезію, которая долго старалась сохранить орденъ, но при этомъ уменьшить его вліяніе; папское повелѣніе было исполнено также въ Баваріи и въ другихъ нѣмецко-католическихъ земляхъ. Только Фридрихъ II горделиво терпѣлъ нѣкоторое время этотъ орденъ въ Силезіи, а Россія благопріятствовала ему въ польскихъ провинціяхъ, подчинивъ его власти особаго генераль-викарія. Іезуиты, какъ нѣкогда тамплиеры, подверглись горькой участи не безъ вины, но подобно тамплиерамъ они были осуждены мимо правильнаго суда и закона, и многіе заслуженные люди награждены за свои полезныя дѣла безпомощною старостью. Съ упраздненіемъ ордена не прекратилась однако дѣятельность его отдѣльныхъ членовъ. Экзъ-іезуиты съ неуклонною настойчивостью преслѣдовали цѣль своего общества и противодѣйствовали духу времени (хотя въ началѣ и малоуспѣшно) до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ измѣнился и повсемѣстное возвращеніе къ старому дало возможность воскресить самый орденъ. — Для противодѣйствія стремленію и вліянію экзъ-іезуитовъ, Адамъ Вейсгауптъ (1777), профессоръ каноническаго права въ Ингольштадтѣ, вмѣстѣ съ Книгге, фонъ-Цвакомъ и др., основалъ по образцу масонскаго ордена тайное общество такъ-называемыхъ иллюминатовъ, которые поставили себѣ цѣлью просвѣщеніе народа и совершенствованіе человѣка вообще, помимо всѣхъ церковныхъ разногласій. Они старались сколько можно противодѣйствовать прои-

скамъ эксъ-іезуитовъ и дѣятельности монаховъ и духовныхъ лицъ, но вскорѣ подверглись преслѣдованіямъ со стороны баварскаго и другихъ правительствъ.—И въ средѣ католическаго духовенства поднялись тогда сильные голоса противъ папскихъ захватовъ въ ущербъ правамъ земскихъ церквей, голоса за своевременныя преобразованія въ церковной системѣ и за отпаденіе отъ Рима чрезъ основаніе нѣмецкой національной церкви. Объ этихъ стремленіяхъ всего лучше свидѣтельствуетъ латинская книга трирскаго викарнаго епископа Гонтгейма, который подъ именемъ Юстина Фебронія, въ изданномъ 1763 года сочиненіи «о состояніи церкви и законной власти папы», изложилъ систему церковнаго права, противоположную папско-іезуитской. Вынужденное у умирающаго старика отреченіе не могло ослабить дѣйствія его указаній о происхожденіи папской власти. Слѣдствіемъ этой книги можно считать Эмскій съѣздъ (25 августа 1785), на которомъ четыре архіепископа (майнцскій, трирскій, кельнскій и зальцбургскій), недовольные усиленіемъ власти папскихъ посланцевъ, именно новоучрежденной нунціатуры въ Баваріи, въ ущербъ правамъ нѣмецкой церкви, согласились между собою въ такъ-называемой эмской пунктаціи * о началахъ свободной національной церкви и объ устраненіи чужеземнаго духовнаго суда въ нѣмецкой землѣ. Стремленіе вѣка къ освобожденію земской верховной власти отъ всѣхъ стѣснительныхъ ограниченій, способствовало этой преобразовательной дѣятельности. Архіепископы противодѣйствовали римскому вліянію, потому что желали освободить отъ папы свою верховную власть въ дѣлахъ духовныхъ, точно такъ же, какъ свѣтская ихъ власть освободилась отъ императора. Но другіе прелаты, предпочитавшіе дальній римскій судъ близкому суду архіепископовъ, отказались приступить къ эмскимъ заключеніямъ, и отчасти этотъ отказъ, отчасти приверженность баварской династіи къ папскому престолу, изъ благосклонности котораго она всегда умѣла извлекать для себя преимущества надъ земскою церковью, отчасти несогласіе между императоромъ и имперскими чинами, и наконецъ грозныя волненія во Франціи, лишили предпріятіе всякаго успѣха. Тоже самое случилось и съ опредѣленіями Пистойскаго синода (1786), на которомъ нѣсколько тосканскихъ прелатовъ, въ

* Пунктаціей называется письменное изложеніе предварительныхъ условій соглашенія или договора, не имѣющее юридической силы до тѣхъ поръ пока не подписано договаривающимися.

достохвальное правленіе эрцгерцога Леопольда, требовали ограниченія папскаго церковнаго права, отміны суевѣрныхъ церемоній, распространенія священнаго писанія и введенія народнаго языка въ богослуженіи. Въ этихъ стремленіяхъ еще разъ проявился духъ Костницкаго и Базельскаго соборовъ; тутъ снова ожило старое соперничество епископской іерархіи съ папскою, такъ сильно волновавшее 15-й вѣкъ. Пруссія, опасаясь, что архіепископское движеніе поведетъ къ тѣснѣйшему союзу духовныхъ государей съ Австріей, старалась уладить раздоръ съ Римомъ и за свои старанія добила назначенія просвѣщеннаго Карла Теодора фонъ Дальберга майнцскимъ коадьюторомъ *.

II. Борьба Съвероамериканцевъ за независимость.

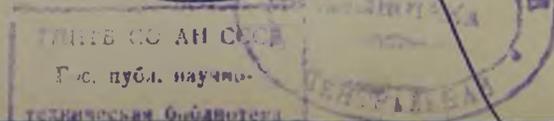
§ 673. Введеніе. Съ тѣхъ поръ какъ въ Виргиніи, при дѣвственной королевѣ Елисаветѣ, основано было Вальтеромъ Ралеємъ первое поселеніе Англичанъ (1585), и до того времени, когда квакеръ Вильямъ Пеннъ сталъ искать защиты въ Пенсильваніи отъ религіознаго гоненія старой Англіи (1682), расцвѣли въ Сѣверной Америкѣ многія поселенія, такъ что въ первой половинѣ 18 вѣка англійскія колоніи заключали въ себѣ слѣдующія 13 штатовъ: 1) Массачузетсъ (съ главнымъ городомъ Бостономъ); 2) Коннектикѣтъ; 3) Родейландъ; 4) Нью-Гампширъ (съ Конкордомъ): всѣ четыре назывались Новою Англіей; 5) Нью-Джерсей; 6) Мариландъ; 7) Нью-Йоркъ (съ Альбани); 8) Пенсильванія (съ Филадельфіей); 9) Делаваръ; 10) Виргинія (гдѣ нынѣ союзный городъ Вашингтонъ); 11) и 12) Сѣверная и Южная Королины; 13) Георгія. Каждый изъ этихъ Штатовъ былъ подчиненъ назначенному англійскимъ правительствомъ губернатору, какъ намѣстнику короля; за тѣмъ, они управлялись въ собственныхъ, болѣе или менѣе демократическихъ формахъ, и не были соединены между собою узамъ общаго уложенія или представительства. Войны европейскихъ народовъ обыкновенно влекли за собой соответственныя борьбы въ колоніяхъ, пробуждавшія самосознаніе послѣднихъ, выяснившія имъ ихъ собственныя силы и потребности. Такъ были онѣ вовлечены въ войну за испанское наслѣдство, вслѣдствіе которой Французы, по Утрехтскому миру (§ 636), уступили англійскимъ колоніямъ

* Товарищемъ архіепископа.

Акадію (Новую Шотландію и Новый Брауншвейгъ). Но какъ, по незнанію мѣстности, границы не были опредѣлены точно, то отсюда произошли споры, и когда наконецъ Французы тоже предъявили свои притязанія на область Миссисипи (Луизиану) и построили укрѣпленія на виргинской границѣ, то между Англійей и Франціей дошло до войны, въ которой потомъ приняла участіе и Испанія (1761), состоявшая въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей со времени фамильнаго договора. Это происходило въ то самое время, когда Европа была потрясена Семилѣтнею войной, и потому превратности послѣдней отозвались также въ Восточной и Западной Индіи и въ Америкѣ. Этой войнѣ положилъ конецъ Парижскій миръ (1763), заключенный одновременно съ Губертсбургскимъ и еще усилившій могущество Англичанъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ какъ они приобрѣли Канаду отъ Французовъ и Флориду отъ Испаніи (§ 669).

§ 674. Поводъ къ войнѣ. Расширенія своихъ колониальныхъ владѣній по Парижскому миру (1763), Англія достигла только большимъ напряженіемъ силъ и увеличеніемъ бремени своего государственнаго долга. Оттого правительство почло себя въ правѣ разложить часть своихъ издержекъ на тѣ колоніи, которыя наиболѣе выиграли отъ изгнанія Французовъ. Вскорѣ по заключеніи мира оно обложило многія статьи торговли ввозными пошлинами и затруднило контрабанду съ испанскою Вестъ Индіей. Но самосознаніе колоній развилось подъ вліяніемъ войны. Американцы стали понимать, что Англія обязана своимъ торжествомъ преимущественно ихъ энергіи и усиліямъ, и когда учрежденіе штемпельнаго сбора 22 марта 1765 усилило неудовольствіе, еще прежде громко высказанное по поводу таможенныхъ пошлинъ, то вскорѣ возникло опасное волненіе. Американцы объявили, что парламентъ, въ которомъ они не имѣютъ своихъ представителей, не можетъ предписывать имъ налоги; что ихъ собственныя подати, при бѣдности ихъ, и безъ того довольно высоки, что представляемый парламентомъ англійскій народъ не имѣетъ никакого права поступать съ Американцами, какъ съ безправными подданными и обременять ихъ произвольными поборами. Жалобы ихъ нашли отголосокъ въ значительной части англійскаго народа, и сильная оппозиція, съ великимъ ораторомъ и государственнымъ челоуѣкомъ Вильямомъ Питтомъ (лордомъ Чатамомъ) во главѣ, боролась въ Верхней и Нижней Палатѣ противъ мѣръ правительства относительно колоній. Отчасти эти нападенія, но еще болѣе одновременныя, энергическія дѣйствія Аме-

риканцевъ, которые не подчинились штемпельному сбору, запретили привозъ обложенныхъ пошлиной издѣлій и въ превосходномъ адресѣ къ королю и парламенту самымъ яснымъ образомъ изложили право колоній, — вотъ что вызвало увольненіе министерства и отмену штемпельнаго сбора (1766). Но какъ дополнительнымъ биллемъ (1767) за парламентомъ было оставлено право облагать колоніи податями, и въ слѣдующемъ же году наложена небольшая пошлина на чай, стекло, бумагу и краски, предназначавшаяся впрочемъ на жалованье американскимъ же чиновникамъ, то духъ оппозиціи сохранился попрежнему и демонстраціи противъ всякаго рода налоговъ повторялись все чаще и чаще. Бостонскіе купцы положили не впускать ни одной изъ подлежащихъ пошлинѣ статей привоза; примѣру ихъ вскорѣ послѣдовали другія провинціи, и это такъ чувствительно повредило англійской торговлѣ, что общественное мнѣніе въ Англии настояло на отменѣ билля о правѣ налагать подати (1770), послѣ того какъ открытое сопротивленіе таможеннымъ чиновникамъ въ Бостонѣ побудило правительство поставить войско въ этомъ городѣ. Основанный пуританами штатъ Массачузетсъ, повидимому всѣхъ больше остался вѣренъ настойчивому духу предковъ. Англійское правительство упорствовало между тѣмъ въ своемъ правѣ налагать пошлины, стараясь однако сдѣлать его какъ можно болѣе легкимъ для Американцевъ. Но озлобленіе противъ податной системы уже возрасло до того, что въ Бостонѣ нѣсколько молодыхъ людей, переодѣтыхъ въ дикарей, выбросили въ море три груза чая (18 декабря 1773). Это вызвало парламентскіе акты, которые вскорѣ раздули волненіе въ открытый мятежъ. Однимъ изъ этихъ актовъ запертъ Бостонскій портъ, другимъ — значительно ограничено свободное устройство Массачузетса, третьимъ — расширены предѣлы Канады на счетъ штатовъ и тѣмъ распространено господствовавшее тамъ неограниченное правленіе и на новоприсоединенную къ ней часть. — Между тѣмъ журналы, рѣчи и парламентскія пренія подерживали не меньшее волненіе въ англійскомъ народѣ, и какъ само общество раздѣлилось въ мнѣніи насчетъ мѣръ правительства и справедливости распри, то возникла такая сильная вражда партій, что эти годы носили на себѣ характеръ страстно взволнованной революціонной эпохи. Усиленію этого волненія больше всего способствовали знаменитыя Юніевы Письма (1769—72), памфлетъ, замѣчательный силою языка, изяществомъ стили и изложенія и энергіей полемики, и котораго

авторъ не извѣстенъ достоверно до сихъ поръ. Англійскій демократъ Томасъ Пёнъ тоже писалъ въ интересъ Американцевъ.

§ 675. Военныя событія. Билль о Бостонскомъ портѣ и остальные два парламентскія рѣшенія, обнародованныя въ американскихъ газетахъ съ черными траурными коймами, произвели общее негодованіе и вызвали систематическое сопротивление. Въ Филадельфіи собрался (14 сентября 1774) конгрессъ выборныхъ отъ всѣхъ колоній (только штатъ Георгія позднѣе примкнулъ къ другимъ) и положилъ не допускать болѣе никакихъ товаровъ и произведеній изъ Англій и британской Вестъ-Индіи и, по прошествіи опредѣленнаго срока, прервать всѣ сношенія Америки съ метрополіей. Сверхъ того конгрессъ составилъ нѣсколько мастерскихъ, спокойныхъ и умѣренныхъ посланій къ королю, къ англійскому народу, къ жителямъ Канады и др., въ кофорухъ убѣдительно было доказано, что Американцы стараются только защитить свои естественныя, въ потѣ лица добытыя права отъ произвола и распоряженій англійскаго правительства и парламента. Эти посланія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе и обратили вниманіе всей Европы на страну, гдѣ простые и спокойные люди съ величайшимъ благоразуміемъ и рѣшимостію защищали свободу и права человека отъ насилія. — Англичане объявили Массачузетсъ мятежнымъ, запретили всякія сношенія съ американскими областями, а также привозъ туда оружія и военныхъ принадлежностей. Американцы, съ своей стороны, усилили милицію, захватили англійское оружіе и боевые снаряды и учредили въ городѣ Конкордѣ складъ военныхъ запасовъ. Чтобы разрушить его, начальникъ бостонскаго гарнизона выступилъ съ своимъ войскомъ, но на пути туда и обратно былъ атакованъ при Лексингтонѣ (19 апрѣля 1775), гдѣ пролилась первая кровь въ междуусобной войнѣ. За этою схваткой вскорѣ послѣдовалъ бой при Бѣнкерсгиллѣ (16 іюня 1775), гдѣ хотя и было отражено троекратное нападеніе Американцевъ, однакожь Англичане потеряли такъ много людей, что должны были очистить Бостонъ (17 марта 1776). Этимъ успѣхомъ Американцы были обязаны своему благородному, равно замѣчательному государственнымъ и во-

енными дарованіями согражданину Вашингтону, посвятившему и всю свою энергію и свое состояніе высокой цѣли освобожденія отечества. Какъ онъ дѣйствовалъ мечомъ въ полѣ на пользу своихъ согражданъ, такъ изобрѣтатель громоотвода, извѣстный авторъ и распространитель полезныхъ народныхъ сочиненій и первый учредитель публичной библіотеки въ Америкѣ, бывший типографщикъ Бенджаминъ Франклинъ, дѣйствовалъ словесно и письменно, какъ умный агентъ своего отечества при дворахъ лондонскомъ и парижскомъ. Появленіе простаго умнаго человека, въ незатѣйливой квакерской одеждѣ, произвело во впечатлительной столицѣ Франціи такой восторгъ къ свободѣ и демократіи, что молодой, богатый маркизь Лафайеттъ и другіе единомыслящіе дворяне въ благородномъ увлеченіи переправились за море, чтобы жертвовать достояніемъ и кровью въ американской борьбѣ за свободу, видя въ ней осуществленіе идеаловъ Руссо. Въ надеждѣ на такое господствующее настроеніе во Франціи, выборные тринадцати Соединенныхъ Штатовъ провозгласили независимость американскихъ колоній отъ Англій (4 іюля 1776).

Это объявленіе независимости, обработанное умнымъ американскимъ государственнымъ человекомъ Джефферсономъ, выставило право Американцевъ въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что борьба ихъ нашла себѣ общее сочувствіе въ Европѣ, что къ ихъ дѣлу примкнули либеральные люди разныхъ странъ (Кальбъ, Штѣйбенъ, Косцюшко, Ларошфукд, братья Ламетъ, Рошамбо и мн. др.), и что всѣ впечатлительныя къ свободѣ сердца ожидали съ надеждой и трепетнымъ сочувствіемъ исхода этой войны, которая считалась борьбою разума и человѣческихъ правъ противъ устарѣлыхъ своевольныхъ притязаній.

Но не смотря на это сочувствіе, которое раздѣляли вожди англійской оппозиціи—Питтъ, Фоксъ и др., не смотря на усилія благородныхъ вождей юнаго государства, дѣло Американцевъ, повидимому, стало принимать дурной оборотъ, когда англійское правительство заключило договоры со многими нѣмецкими князьями, и большое войско Гессенцевъ, Ганноверцевъ, Вальдекцевъ и другихъ, позорнымъ образомъ набранныхъ вербовщиками и за деньги проданныхъ

Англи Нѣмцевъ, было отправлено за море, чтобы тамъ испытать дѣйствіе европейскаго военнаго искусства на свободныхъ сынахъ Новаго Свѣта. Англійскому полководцу Гоу (Howe), отлично снабженному людьми и военными запасами, удалось теперь овладѣть Нью-Йоркомъ и вытѣснить непріятеля изъ пограничныхъ областей, между тѣмъ какъ другіе вожди въ Канадѣ съ успѣхомъ боролись противъ Американцевъ, которые думали склонить и этотъ край къ отпаденію и потому двинули туда часть военной силы. Но, благодаря безопасности Гоу, который въ теченіе зимы предался своимъ привычнымъ удовольствіямъ, бдительный Вашингтонъ успѣлъ къ Рождеству (1776) незамѣтно перейти черезъ замерзшій Делаваръ, полонить (при Трентонѣ) отрядъ гессенскихъ войскъ и разбить Англичанъ подъ Принстауномъ. Хотя достигнутыя этимъ выгоды снова были утрачены, потому что Вашингтонъ былъ разбитъ храбрымъ англійскимъ генераломъ Корнуэльсомъ при рѣкѣ Брандивайнѣ (осенью 1777), и потомъ взята Филадельфія; но послѣдовавшая вскорѣ капитуляція Саратоги (15 октября 1777), по которой 7,000 чел. англійскаго войска, до сихъ поръ совершавшаго весьма трудный походъ въ Канадѣ, подъ начальствомъ Бургойна, попались въ руки американскаго генерала Гетса со всеми военными запасами, — эта капитуляція до того измѣнила положеніе дѣлъ въ пользу юной республики, что Французы, издавна смотрѣвшіе съ завистью и досадою на возрастающее процвѣтаніе англійскихъ колоній, уже не колебались болѣе заключить съ Американцами союзъ, который далъ совсѣмъ новый оборотъ дѣлу.

§ 676. Расширеніе войны. Послѣ капитуляціи Саратоги, съ восторгомъ принятой во Франціи, французское правительство, руководясь болѣе общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ благомъ собственнаго государства, признало независимость Сѣверной Америки (6 февраля 1778) и въ своемъ союзномъ договорѣ съ конгрессомъ обѣщало всеми средствами поддерживать Соединенные Штаты до тѣхъ поръ, пока твердо упрочится ихъ независимость. При этомъ Франція великодушно отказалась отъ всякихъ собственныхъ выгодъ въ этомъ дѣлѣ, сколько ни угрожала новая война тяжкому и безъ того состоянію ея финансовъ.

Попытка англійскаго министерства разстроить союзъ открытіемъ прямыхъ переговоровъ съ Америкой, не удалась благодаря вѣрному такту конгресса, который очень хорошо понималъ, что при воодушевленіи французскаго юношества къ идеѣ свободы и идеальнаго естественнаго состоянія, продолженіе войны доставитъ ему гораздо больше выгодъ, чѣмъ сколько уступили бы ему Англичане въ настоящій періодъ борьбы. Франклинъ возбуждалъ въ Парижѣ такой восторгъ, что вездѣ можно было встрѣтить портретъ его. и появленіе его въ простомъ платьѣ съ бѣлыми отъ одной старости волосами посреди напудренныхъ, разодѣтыхъ и звѣздоносныхъ вельможъ, повсюду возбуждало пламенное сочувствіе.

Сначала Французы помогали своимъ союзникамъ только деньгами и кораблями, пока Лафайеттъ не отправился во Францію и не настоялъ на посылкѣ арміи (іюль 1780), при которой находились волонтерами многія лица, замѣчательныя происхожденіемъ, богатствомъ и дарованіями. Теперь Англичане перешли обратно изъ Пенсильваніи въ Нью-Йоркъ, и положили перенести войну въ южныя области Каролину и Георгію, гдѣ было еще много приверженцевъ англійской королевской власти (роялистовъ, лоялистовъ). Они взяли Саванну и Чарльстаунъ и, подъ начальствомъ храбраго Корнуэльса, выиграли два сраженія. Всѣ эти неудачи, вмѣстѣ съ нуждою въ деньгахъ, которую только на короткое время могла устранить щедрость нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, съ бунтами въ непривычномъ войскѣ и съ измѣною американскаго генерала Арнольда (2 октября), при чемъ игравшій роль парламентаря англійскій майоръ Андрѣ претерпѣлъ позорную смерть отъ руки палача, поставили юную республику въ самое бѣдственное положеніе.¹ Но оно внезапно измѣнилось, когда французско-американское войско подъ начальствомъ Вашингтона и Лафайетта заперло въ Йорктаунѣ генерала Корнуэльса, намѣревавашагося изъ Виргиніи соединиться съ англійскимъ полководцемъ Клинтонемъ въ Нью-Йоркъ, и принудило его къ сдачѣ (19 октября 1781), вслѣдствіе которой семитысячный отрядъ его со всею артиллеріей и военными запасами достался побѣдителямъ. Это несчастіе храбраго Корнуэльса

¹ Арнольдъ хотѣлъ выдать англійскому генералу Клинтону важную крѣпость Вестъ-Пойнтъ, ключъ стратегической линіи Американцевъ.

имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ войны. Англичане, принужденные обратить оружіе противъ своихъ европейскихъ враговъ, съ тѣхъ поръ уже не такъ энергически вели войну за моремъ; къ тому же новое министерство, составленное изъ прежнихъ членовъ оппозиціи: Шеридана, Борка и Фокса, было больше расположено къ миролюбивому соглашенію съ Америкой, чѣмъ прежде, имѣвшее лорда Норта во главѣ.

Питтъ умеръ еще въ маѣ 1778 года. Сильная рѣчь противъ правительственныхъ мѣръ, произнесенная имъ по полученіи вѣсти о союзѣ Америки съ Франціей, до того потрясла его ослабѣвшее здорье, что ему сдѣлалось дурно въ парламентѣ, и онъ вскорѣ умеръ въ своемъ помѣстьи, куда перевезли его. Передъ его гробомъ несли изображеніе скорбящей Британіи.

§ 677. Вооруженный нейтралитетъ. Голландія. Заключенный между Франціею и Америкой союзъ, къ которому вскорѣ приступила и Испанія (26 іюня 1779), имѣлъ слѣдствіемъ ожесточенную морскую войну съ Англіей. Пока однѣ только эти державы воевали съ моревластнымъ островомъ, британское могущество не ослабѣвало. Но когда планъ Російской императрицы Екатерины II — соединить неучаствующія въ войнѣ морскія государства для поддержанія вооруженнаго нейтралитета, увѣнчался быстрымъ успѣхомъ, тогда морскому владычеству Англіи повидимому угрожала большая опасность, чѣмъ когда либо прежде.

Чтобы ограничить преобладаніе Британцевъ, которые нарушали свободу морской торговли, своими каперами властвовали на всѣхъ моряхъ и отягощали суда всѣхъ націй притѣнительнымъ осмотромъ, пѣтъ ли на нихъ запрещенныхъ товаровъ (контрабанды), императрица Екатерина II заключила со многими морскими націями договоръ, по которому вошло въ силу правило: «на нейтральномъ кораблѣ нейтраленъ и грузъ», и положено было допустить торговлю нейтральныхъ народовъ на берегахъ и въ гаваняхъ воюющихъ державъ (за единственнымъ исключеніемъ оружія и военныхъ запасовъ).

Къ этому нейтральному союзу приступили поочередно: Россія, Данія, Швеція, Пруссія, императоръ, Неаполь и даже Португалія; но Голландія, присоединеніе которой было бы особенно важно по ея положенію и могуществу на морѣ и одно могло бы доставить надлежащій вѣсъ союзу въ Атлан-

тическомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, медлила до тѣхъ поръ, пока Англія узнала объ этомъ намѣреніи и успѣшила объявить войну Голландіи, прежде чѣмъ послѣдняя успѣла сообщить въ Петербургъ о своемъ присоединеніи, на которое она подъ наконецъ рѣшилась (ноябрь 1780). Черезъ это Голландія выбыла изъ числа нейтральныхъ державъ и слѣдовательно уже не могла приступить къ союзу.

Поводами къ объявленію войны Англія выставила то, что Голландцы отказывали ей въ помощи, выговоренной по прежнимъ трактатамъ, и что городъ Амстердамъ сносился съ Америкой для заключенія дружественнаго и торговаго договора, что доказывали бумаги, попавшіяся въ руки Англичанъ.

Для Генеральныхъ Штатовъ война пришла очень некстати, такъ какъ при постоянномъ соперничествѣ аристократовъ-республиканцевъ (патріотовъ) съ Оранскимъ домомъ и его приверженцами, войско и флотъ находились въ самомъ печальномъ состояніи. Герцогъ Эрнстъ Брауншвейгскій, управлявшій дѣлами нидерландскихъ штатовъ сначала какъ опекунъ малолѣтняго статгаудера Вильгельма V (1751—95, † 1806), а потомъ, когда тотъ достигъ совершеннолѣтія, продолжавшій завѣдывать ими по незаконно заключенному съ нимъ уговору (консультационному акту, съ 1759), былъ совершенно преданъ англійскимъ интересамъ, тогда какъ аристократы, имѣвшіе въ виду однѣ только торговыя выгоды, слѣдовали политикѣ, враждебной Британскимъ островамъ. Этотъ разладъ привелъ къ упадку государство, особенно же его военную силу, отъ чего Голландія и вынесла изъ борьбы однѣ только невыгоды. Ибо при раздорѣ между правительствомъ и патріотами, продолжавшемся и во время войны, силы республики были до того парализованы, что не смотря на рѣшительную морскую битву на Доггерсбанкѣ у береговъ Англіи (5 августа 1781), прежняя слава Голландцевъ потерпѣла значительный ущербъ. Но всего прискорбнѣе для народа, думавшаго только о торговлѣ и наживѣ, былъ великій уронъ, который причинилъ имъ англійскій адмиралъ Родней завоеваніемъ острова Св. Евстахія и конфискаціей всего, находившагося тамъ, частнаго имущества; и хотя Французы черезъ нѣсколько времени помогли имъ возвратить этотъ

островъ, однако весь ходъ войны въ Восточной и Западной Индіи былъ до того невыгоденъ для Голландцевъ, что они утратили на морѣ весь свой вѣсъ, ихъ остъ-индскія и вестъ-индскія компаниі потерпѣли невознаградимые убытки, и всей торговлѣ ихъ нанесенъ былъ такой тяжкій ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. Уступка остъ-индскаго города Негапатнама англійскому правительству по Версальскому миру (1783) была еще самою меньшею утратой, вынесенною Голландцами изъ этой бѣдственной войны. Зато Голландія вступила съ тѣхъ поръ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Франціей, что и доставило ей потомъ возможность энергически противустать воинственнымъ движеніямъ, посредствомъ которыхъ императоръ Іосифъ II надѣялся вынудить себѣ свободное плаваніе по Шельдѣ (1784), такъ что онъ отказался отъ своего требованія и удовольствовался денежнымъ вознагражденіемъ и отмѣною стѣснительнаго договора (§ 636), по которому въ бельгійскихъ пограничныхъ городахъ должны были стоять голландскіе гарнизоны.

Эти событія до того усилили народную ненависть къ наследственному статгаудеру и его незаконному руководителю, что послѣдній счелъ нужнымъ сложить съ себя все свои званія и покинуть страну (1784). Но этимъ не удовлетворился народъ, къ которому тоже проникли новыя идеи демократической свободы и правъ челоуѣка, а напротивъ излил свой гнѣвъ и на самого статгаудера. Вильгельмъ V принужденъ былъ сначала выѣхать изъ Гааги; потомъ возсталъ вся область Голландія подъ управленіемъ патриотовъ, отняла у статгаудера главное начальство надъ войскомъ и приступила къ измѣненію государственнаго устройства (1785). Области Утрехтская и Зеландская послѣдовали ея примѣру, и вскорѣ враждебно стали другъ противъ друга штаты, поддерживавшіе статгаудера, и другіе, въ которыхъ имѣла перевѣсъ партія патриотовъ и гражданская милиція. Даже въ сѣверныхъ провинціяхъ, считавшихся преданными Оранскому дому, обнаружались революціонныя волненія. Простой народъ во многихъ мѣстахъ уже позволилъ себѣ грабежи и насилія, между гражданами и солдатами уже доходило до кровавыхъ схватокъ, когда супруга статгаудера, женщина энергическая и рѣшительная, отправилась изъ Гельдерна, гдѣ находился тогда дворъ, въ столицу Гаагу (іюнь 1787), но была остановлена на границѣ и принуждена гражданской милиціей воротиться

назадъ. Этотъ случай, представленный принцессою и англійскимъ посланникомъ какъ тяжкое оскорбленіе законной власти, повидимому налагалъ на брата ея, Пруссакаго короля Фридриха Вильгельма II, царственную и рыцарскую обязанность защитить оскорбленную сестру. Онъ двинулъ въ Голландію значительную армію подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго (сентябрь 1787), чтобы возстановить принца въ правахъ его сана. Патриоты, застигнутые врасплохъ и не имѣя возможности противиться Пруссакамъ съ своимъ неопытнымъ гражданскимъ ополченіемъ, тшетно обратились къ Франціи; возрастающее безденежье не позволяло теперь этой державѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла; Утрехтъ и Амстердамъ были заняты безъ большаго затрудненія, и прежнее государственное устройство возстановлено. Король великодушно отказался отъ вознагражденія за военныя издержки; однако тѣсный союзъ Пруссіи съ Англіею и Голландіею былъ уже самъ по себѣ достаточнымъ вознагражденіемъ. Быстрая и легкая побѣда наполнила прусскую армію и особенно высокоблагородныхъ ея офицеровъ излишнею самоувѣренностью, наглымъ высокоуміемъ и величайшимъ презрѣніемъ къ сословію простыхъ гражданъ.

§ 678. Гибралтаръ. Мирныя трактаты. Успѣшнѣе шла борьба Испаніи и Франціи съ Англіею. Французско-испанскій флотъ завоевалъ остр. Минорку (авг. 1781), который подобно Гибралтару находился 80 лѣтъ во власти Англичанъ и въ началѣ Семилѣтней войны мимоходомъ попалъ въ руки Французовъ (§ 669). Этотъ счастливый успѣхъ подалъ союзникамъ надежду овладѣть точно такъ же Ямайкою и Гибралтаромъ. Для достиженія перваго, французскій адмиралъ де Грассъ хотѣлъ соединиться съ испанскимъ флотомъ, но Родней напалъ на него внезапно близъ остр. Доминики (12 апр. 1782), прорвалъ его линію, и Грассъ попалъ въ руки непріятели вмѣстѣ съ адмиральскимъ кораблемъ. Съ болѣею увѣренностію надѣялись взять Гибралтаръ, блокируемый съ сухопутной стороны уже почти три года; теперь направили противъ него и съ моря усиленную осаду посредствомъ такъ-называемыхъ пловучихъ баттарей (ноябрь 1782). Это изобрѣтеніе французскаго инженера д'Арсона состояло въ томъ, что извѣстное число кораблей, по снятіи съ нихъ мачтъ, покрывали откоснымъ упругимъ щитомъ изъ мокрыхъ кожъ, отъ котораго, какъ надѣялись, должны отпрядывать непріа-

тельскія ядра, такъ что можно будетъ безопасно приблизиться къ крѣпости. Однакожь это предпріятіе, стоившее огромныхъ издержекъ, вскорѣ оказалось ничтожнымъ. Пловучія батареи съ ихъ щитами загорѣлись отъ каленыхъ ядеръ и были истреблены. Нападеніе не удалось, и безуспѣшность осады, на которую были обращены взоры всей Европы, покрыла вѣчною славою англійскаго комманданта Эллиота и его, большею частію, ганноверскія войска.

Вскорѣ послѣ неудавшагося нападенія на Гибралтаръ, Американскіе Штаты, видя, что Испанія и Франція затягиваютъ переговоры о мирѣ въ долгій ящикъ, заключили съ англійскимъ министерствомъ предварительное условіе (provisional article), по которому юная республика выговорила себѣ не только признаніе своей независимости, но сверхъ того выгоднѣйшія границы и участіе въ Ньюфоундлендскомъ рыболовствѣ. Последнее предоставлено было и Франціи въ силу заключенныхъ въ Версалѣ (20 янв. 1783) предварительныхъ статей; Франція сверхъ того приобрѣла еще остр. Табаго и получила обратно свои утраченныя владѣнія въ Остѣ-Индіи и въ Африкѣ. Испанія отказалась отъ притязаній своихъ на Гибралтаръ за возвращеніе ей Флориды и Минорки. Въ Англии заключеніе этихъ прелиминарій возбудило въ народѣ и въ парламентѣ такое неудовольствіе, что министры вынуждены были подать въ отставку (2 апр. 1782 — 20 дек. 1783) и мѣсто ихъ заступило такъ-называемое коалиціонное министерство, составленное изъ вождей противоборствующихъ партій. Норта и Фокса. Однакожь и этотъ кабинетъ счелъ необходимымъ утвердить первоначальныя условія мира, такъ какъ бремя англійскаго долга возрасло въ теченіе войны до непомерной степени.

Такимъ образомъ Америка завоевала себѣ свободу; Вашингтонъ могъ возвратити конгрессу данное ему главное военачальство (дек. 1783) и удалиться, вторымъ Цинциннатомъ, въ помѣстье свое Моунтъ Вернонъ въ Виргиніи. Но Америкѣ предстояло еще выдержать много бурь прежде чѣмъ достигъ того государственнаго устройства, какимъ она теперь пользуется. Только въ 1788 г. всѣ штаты согласились между собою насчетъ того, чтобъ верховное правительство союза предоставить конгрессу и отвѣтственному президенту, избираемому вновь каждое четырехлѣтіе. Конгрессъ распадается на сенатъ, куда каждый изъ штатовъ посылаетъ по два депутата и гдѣ председательствуетъ вице-президентъ союза, и на палату представите-

лей, избираемыхъ каждые два года вновь всѣми гражданами союзной республики въ такомъ размѣрѣ, что на каждыя 70,000 жителей приходится по одному депутату. Право выбора не обусловлено ни какимъ ценсомъ¹ и печать пользуется совершенною свободою. Высшая инстанція судебной власти находится въ рукахъ верховнаго союзнаго суда, который состоитъ изъ главнаго судьи и осьми товарищей (засѣдателей), постановляетъ рѣшенія по политическимъ процессамъ и спорнымъ союзнымъ дѣламъ и въ то же время служитъ судомъ аппелляціоннымъ. Ниже его стоятъ 35 окружныхъ (постоянныхъ) судовъ, въ каждомъ штатѣ по одному или по нѣсколькимъ, которые судятъ съ помощію присяжныхъ, и сверхъ того есть еще такъ-называемые объѣзжіе суды, дѣйствующіе также съ участіемъ присяжныхъ. Судебная власть отдѣлена отъ административной, и вездѣ узаконена полная религіозная свобода безъ господствующей церкви. У каждаго штата есть свое самостоятельное правительство для завѣдыванія его внутренними дѣлами и свой частный выборный сеймъ. Конгрессу принадлежитъ право издавать законы, налагать подати, устанавливать общія таможенныя и торговыя мѣры, объявлять войну и проч.; президентъ, получающій 25,000 долларовъ въ годъ жалованья, есть главноначальствующій сухопутною и морскою силою; онъ назначаетъ всѣхъ служащихъ, исполняетъ рѣшенія сената и палаты представителей, отправляетъ и принимаетъ пословъ, заключаетъ договоры и т. под. Восемь лѣтъ (до 1797) занималъ это почетное званіе достойный Вашингтонъ, призванный къ тому общою признательностью своихъ согражданъ. Франклинъ умеръ въ 1790 г. къ общему сожалѣнію 84 лѣтнимъ старцемъ. Это былъ практически умный человекъ безъ идеаловъ, у котораго во всѣхъ его поступкахъ, равно какъ и въ литературной дѣятельности, всегда оставалось много мелочнаго и матеріальнаго отъ первоначальнаго его ремесла. Въ своемъ «Календарѣ бѣднаго Ричарда» является онъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя убѣждены, что человекъ «бываетъ живъ о хлѣбѣ единомъ». Не смотря на многія его преимущества и хорошія свойства, онъ отнюдь не можетъ служить представителемъ того, что нужно для человѣческой природы въ широкомъ ея значеніи, и тѣхъ высшихъ цѣлей, которыхъ осуществленія она въ правѣ отъ себя надѣяться и ожидать.

¹ Но право быть избраннымъ подчинено многимъ ограниченіямъ, которыя въ различныхъ штатахъ опредѣлены весьма разнообразно.

III. Преобразовательныя попытки государей и министровъ.

1. Западъ и югъ.

§ 679. а) Португалія при Помбаль. Подъ державою короля Петра II (§ 606) и слабыхъ его преемниковъ Португалія быстро приближалась къ своему совершенному упадку. Колоніи перешли въ чужія руки, торговля и мореплаваніе остановились, внутренняя промышленность изнемогла, именно съ тѣхъ поръ какъ вслѣдствіе такъ-называемаго Метьюновскаго договора (1603, § 606 примѣч. 2), доставившаго англійскимъ шерстянымъ издѣліямъ свободный доступъ въ Португалію, утвердилось въ этой странѣ торговое господство Британцевъ, и съ тѣхъ поръ какъ нѣкогда столь дѣятельный португальскій народъ пришелъ въ совершенную зависимость отъ Англій. Король Іоаннъ V (1706—50), слѣпо преданный духовенству, употреблялъ государственные доходы на стройку церквей и монастырей (соединенный съ королевскимъ дворцомъ францисканскій монастырь Мафра стоилъ одинъ около 25 милліоновъ рублей!) и предоставлялъ все управленіе духовнымъ лицамъ. За это папа даровалъ ему титулъ вѣрнѣйшаго, но бѣдная страна стонала подъ владычествомъ монаховъ. Такому бѣдственному положенію старался существенно пособить деспотически-властительный Помбаль, всемогущій министръ извѣженнаго, малодушнаго, боязливаго короля Іосифа I Эмануила (1750—77). Главными виновниками зла считалъ онъ іезуитовъ, которыхъ сопротивленіе подвергало опасности всякую реформу, а потому на это богатое и могущественное братство и направилъ онъ прежде всего свои нападенія. Споръ за земли въ южной Америкѣ, гдѣ орденъ учредилъ въ Парагваѣ свое собственное патріархальное государство, недоступное для чужестранцевъ, подалъ желанный поводъ къ первымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Но на изгнаніе іезуитовъ Помбаль рѣшился только тогда, когда они возбудили противъ себя общее негодованіе таинственнымъ посягательствомъ на жизнь короля, которое было совершенно преданною имъ дворянскою фамиліей Тавора и, разумѣется, приписано внушеніямъ мстительнаго ордена (1758). Безъ всякой пощады посадили престарѣлыхъ членовъ его силою на корабли и отправили въ Церковную область (1759). Патеръ Малагрида, котораго чтили какъ святого, погибъ на кострѣ, осужденный за еретичество тою самою инкви-

зиціей, которую Помбаль сначала употреблялъ во зло, а потомъ самъ же и ослабилъ. Изданіемъ книгъ для общаго просвѣщенія, улучшеніемъ народныхъ школъ и высшаго преподаванія, вызовомъ иностранныхъ учителей и типографчиковъ, учрежденіемъ академіи и т. д. надѣялись навсегда положить преграду возвращенію духовнаго преобладанія. Все имущество, розданныя церкви королемъ Іоанномъ, были опять отобраны въ казну. Сокращеніе числа праздниковъ и ограниченіе папской власти должны были основать новую эру въ Португаліи.

Изгнаніе іезуитовъ готовилось цѣлые два года. Сначала многими изданіями старались обличить передъ свѣтомъ, до какой степени выродился и измѣрился іезуитскій орденъ, занимавшійся барышничествомъ, невольничьимъ торгомъ и обширными коммерческими предпріятіями въ Восточной и Западной Индіи—что совпадало съ тогдашними стремленіями французской просвѣтительной литературы, которой возрѣнія раздѣлялъ и Помбаль. Потомъ удалили іезуитовъ отъ двора, гдѣ долготѣ они были единственными духовниками, и запретили имъ всякую исповѣдь и проповѣдь подъ тѣмъ предлогомъ, что они возстановляютъ противъ министровъ простой народъ. Въ теченіе начатаго противъ нихъ слѣдствія по дѣлу о покушеніи на жизнь короля, съ обвиняемыми поступали крайне жестоко, отняли у нихъ все имущество и доходы, заперли все ихъ учебныя заведенія.

Также настойчиво старался Помбаль и объ устраненіи недостатковъ государственнаго управленія, сельскаго хозяйства, военнаго дѣла и судебной части. Когда страшное землетрясеніе разрушило въ Лиссабонѣ 30,000 домовъ (ноябрь 1755), когда отчаяніе и злодѣйства грозили расторгнуть общественныя узы, онъ неутомимо заботился объ исцѣленіи всѣхъ этихъ ранъ. Строгимъ правосудіемъ остановилъ онъ воровъ и злодѣевъ, пособилъ общей нуждѣ открытіемъ королевскихъ запасныхъ магазиновъ и подвозомъ хлѣба изъ-за границы, а возстановленіемъ водопроводовъ удовлетворилъ ближайшей, насущной потребности жителей. При отстройкѣ города онъ настоялъ на проложеніи широкихъ улицъ, на возведеніи приличныхъ, удобныхъ жилыхъ домовъ, чтобы пріучить народъ къ опрятности, и украсилъ Лиссабонъ великолѣпными общепольными зданіями, каковы биржа, гостинный дворъ, арсеналь. Когда, въ Семилѣтнюю войну, союзной съ Англій Португаліи угрожали Испанцы и при этомъ оказалось жалкое положеніе арміи, Помбаль вызвалъ извѣстнаго полководца, графа Вильгельма фонъ Липпе-Шаумбургга, и съ его помощію вскорѣ поставилъ пор-

тугальское войско на такую ногу, что оно ни в чем не уступало другим армиям. При этом государственная казна всегда была полна, потому что он удалил много придворных дармоедов. Помбал также о земледелии и промышленности, чтобы возродить благосостояние, трудолюбие и самостоятельность народа; но рядом с высокою отвагой смелого преобразователя, обнаруживал он жестокосердие и произволь деспота. Все тюрьмы были наполнены духовными и дворянами, и против него раздались страшные голоса, когда, по смерти Иосифа (1777), в царствование слабой и суеверной дочери его Марии († 1816), люди эти стали целыми сотнями выходить из темниц, бывших до того их могилами, и все завопили о мести. Помбал удался от дел и издал в защиту своего управления энергическую апологию; но этим он до того раздражил своих врагов, что не смотря на свои восемьдесят лет был призван к суду и удален от королевской резиденции. В короткое время все его нововведения исчезли; при дворе господствовали опять монахи и попы; суеверие, непопулярность и невежество попрежнему водворились у народа, и он впал в то же печальное положение, из которого хотела вырвать его сильная рука Помбала. Мария под конец сошла с ума, так что сын ее Иоанн VI должен был возложить на себя регентство (1792). Только по кончине ее (1816) принял он титул короля.

§ 680. б) Испания и Неаполь под управлением Карла III и его министров. Карл III (1759—88), просвещенный, преданный французской философии государь, старался сперва, как король Неаполитанский (с 1735), через искусного и либерального государственного мужа Тануччи, а потом, как король Испанский, через подобных же министров — Аранду, Гримальди, Скилачи и друг., преобразовать и церковный и государственный порядок в смысле благоприятном для народного просвещения и для благосостояния края. Но как орден иезуитов препятствовал всем их стремлениям, то бурбонские дворы последовали примеру Помбала. Во Франции скандальный процесс по торговым делам, вчиненный против иезуитов парижским парламентом, снова обличил шаткую нравственность и пагубные правила ордена и до того усилил общее нерасположение к его членам, что когда орденский генерал отказал во всяком изменении его уставов знаменитым изречением *sint ut sunt aut non sint* (пусть будут, каковы есть, а не то так пусть вовсе не будут), то министр Шуазель склонил короля объ-

явить существование ордена несомнительным с государственным благом и предписать закрытие иезуитских коллегий (1764). Это ободрило испанского министра Аранду к смелой расправе с иезуитами. После происшедшего в Мадрид и будто бы иезуитами поднятого мятежа против финансовых распоряжений правительства, он приказал захватить в одну ночь (31 марта 1767) до 5000 членов ордена во всех провинциях королевства, посадить их, не разбирая лет и званій, на суда и отослать как преступников в Церковную область (ноябрь 1767). Имущество их было конфисковано, заведения закрыты. Подобны же насильственные меры были приняты в испанских и португальских колониях Америки, далее — в Неаполе, где при малолетнем сыне Карла III, Фердинанде VI (1759 — 1825), управлял Тануччи почти неограниченно, и в Парме, где папа думал энергическою буллою удержать Бурбона-герцога и его французского министра от всяких церковных нововведений.

Церковные преобразования Тануччи были очень благотворны для Неаполя. В этом королевстве, с которым папы обращались как с своим ланом, церковь и духовенство взяли наконец такой перевес, что совершенно обезвредили светское правительство. 112,000 клириков были освобождены от власти закона не только сами за себя и за свои имущества, но и за всех тех, кто искал убежища в черте их владений; папа смотрел на духовных мста как на свою собственность и получал с них доходы, пока они оставались праздными. Тануччи отменил это право папы, придал трону и светскому правительству гораздо больше власти, сократил преимущества и число духовных лиц и упразднил множество излишних монастырей в пользу государственных доходов. — В Америке изгнание иезуитов было в отношении к Индейцам величайшим злом. По Мараньону, в восточных равнинах вышнего Эквадора, расцветавшие прежде иезуитские миссии зачали и захирели, в Калифорнии исчезли они совсем; на Парагвае, за удалением их, наступила беззастенчивость и одичалость; туземцы лишились обычных наставников, а с ними и поощрения своей деятельности, узды благочиния и нравов; их училища упали даже и в городах. Но сколько вредно было удаление иезуитов собственно для Индейцев, еще не способных ни к какому другому порядку общежития, столько же благотворным явилось оно для развития и прогресса белых, которые только теперь стали заниматься учением и принимать участие в умственной жизни Европы.

Преобразовательная дѣятельность Аранды простерлась на все учрежденія церкви и государства. Онъ ограничилъ права ужасной инквизиціи и ея судовъ надъ еретиками; умалилъ власть папской куріи, сдѣлалъ преподаваніе независимымъ отъ духовенства; онъ пекася объ общепользныхъ учрежденіяхъ и благоустройствѣ администраціи; онъ поручилъ своему другу Олавиде су заселеніе пустынной, невоздѣланной Сіэрры Морены¹. Но когда духовенство снова пріобрѣло власть надъ старѣющимъ Карломъ III, то Аранда былъ удаленъ отъ дѣлъ (1773). Онъ уѣхалъ въ Парижъ, а друга его Олавидеса усилившаяся опять инквизиція вытребовала къ себѣ на судъ за то, что въ новой колоніи (Ла Каролинѣ) онъ водворилъ протестантовъ изъ Германіи и Швейцаріи, и ему пришлось просидѣть много лѣтъ въ тюрьмѣ, пока онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Генуу; здѣсь онъ отложилъ мало-помалу свои либеральныя убѣжденія и тѣмъ добился разрѣшенія воротиться на родину.—Такою же переиначенъ въ образѣ мыслей обнаружилъ другой испанскій министръ, Флорида-Бланка, прославленный какъ Меценатъ въ царствованіе Карла IV (1788—1808), потому что онъ благосклонствовалъ наукѣ и ученымъ, ободрялъ искусство и украсилъ Мадридъ.

2. Сѣверъ европы.

§ 681. а) Данія. Штруэнзѣ. Благодаря государственному перевороту 1660 года (§ 569) королевская власть въ Даніи стала неограниченна, и положеніе края обусловливалось съ тѣхъ поръ одними личными качествами правителя. Фридрихъ VI (1700—1730, § 640) подражалъ пышности французскаго двора, но при этомъ былъ однако хорошимъ хозяиномъ, такъ что оставилъ по себѣ край въ довольствѣ и казну въ изобиліи. Преемникъ его Христіанъ VI (1730—46) былъ государь въ высшей степени благочестивый, строго державшійся богослужебныхъ обрядовъ и церковнаго благочинія; но при заботливости ввухить своимъ подданнымъ такой же образъ мыслей, онъ до того пренебрегалъ государственною экономіей, что королевство впало при немъ въ долги. Конечно, этому способствовало и то, что онъ выстроилъ одинъ великолѣпный замокъ въ Копенгагенѣ, а другой за городомъ. Однакожь не мало сдѣлано было имъ на пользу промышленности, торговли и зем-

¹ Сіэрра Морена (собственно «черная пила») — горный хребетъ между покатыми Тага и Гвадалквивира, съ серебряными, свинцовыми, мѣдными и ртутными рудниками.

ледѣлія, а равно и для улучшенія учебной части. Золотымъ вѣкомъ науки и искусства въ Даніи славится правленіе Фридриха V (1746—66). При немъ возникли великолѣпныя зданія, учреждены академіи, устроенъ ботаническій садъ; театръ и опера, запрещенныя въ предшествовавшемъ царствованіи, снова услаждаютъ дворянство и жителей столицы; нѣмецкому поэту Клопштоку назначена пенсія для окончанія его «Мессиады», и употреблены большія суммы на путешествіе по Востоку, предпринятое извѣстными учеными (въ томъ числѣ Нибуромъ Старшимъ); за то для улучшенія быта простонародія, ремесленниковъ и крестьянъ, правительствомъ сдѣлано было мало. Только старшій графъ Бернсторфъ († 1772), во всехъ отношеніяхъ образцовый вельможа, котораго дѣятельность была столько же обращена на пользу торговли, промышленности и наукъ, сколько и на пользу земледѣлія, освободилъ крѣпостныхъ людей въ своихъ имѣніяхъ съ предоставленіемъ имъ достаточнаго земельного надѣла и этимъ далъ такой примѣръ, которому вскорѣ вынуждены были послѣдовать и казна, и все остальное дворянство.—Христіанъ VII (1766—1807) былъ слабодушный государь, сбитый съ толку превратнымъ воспитаніемъ. Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ онъ предпринялъ такое безразсудное, многостоящее и обременительное для бѣдной страны путешествіе, что на покрытіе издержекъ понадобилось обложить поголовной податью даже домашнюю прислугу. Изъ этого путешествія сластолюбивый король возвратился разслабленный тѣломъ и духомъ. Поэтому сопровождавшему его нѣмецкому врачу Штруэнзѣ, который былъ теперь назначенъ лейбмедикомъ, легко было сдѣлаться у него совершенно необходимымъ лицомъ и, съ помощью королевы Каролины Матильды, сестры Георга III Англійскаго, возвыситься постепенно до званія имперскаго графа и всемогущаго министра, управлять по своему произволу государствомъ и государемъ и получить такую неслыханную власть, что все повелѣнія за его подписью и съ приложеніемъ королевской печати исполнялись точно такъ же, какъ и подписанныя самимъ королемъ.—Штруэнзѣ удалилъ бывшихъ министровъ и собесѣдниковъ монарха, доставилъ гораздо болѣе вліянія веледушной королевѣ, чувствовавшей къ чужеземцу необыкновенное расположеніе, и окружилъ государя, котораго слабоуміе становилось все очевиднѣе, благонадежными людьми; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны своимъ вліяніемъ и потомъ своимъ трагическимъ концомъ былъ одинъ изъ прежнихъ товарищей короля, Брандъ, подобно Штруэнзѣ возведенный въ графы Штруэнзѣ,

который из воспитаннаго въ строгомъ правовѣрїи и благочестїи пасторскаго сына сдѣлался вольнодумцемъ въ смыслѣ Вольтера и энциклопедистовъ (§ 671), произвелъ теперь въ Данїи цѣлый рядъ важныхъ нововведенїй. До сихъ поръ болшую часть должностныхъ мѣстъ дворянство раздавало, — высїя своей братья, низїя своимъ прислужникамъ, — первая съ огромнымъ содержанїемъ, послѣднїя — съ ничтожнымъ окладомъ. Этому коренному злу Штруэнзѣ положилъ рѣшительный конецъ и распорядился такъ благоразумно, что управленїе улучшилось, а расходы уменьшились. Такъ же точно упростилъ и удешевилъ онъ судопроизводство, отмѣнилъ множество титуловъ и почетныхъ отличїй и уничтожилъ монополїи, гильдїи и цехи. Этими и подобными тому мѣрами (благодаря которымъ должны были усилиться правительственная власть, утвердиться гражданское равенство и сократиться государственные расходы) Штруэнзѣ сильно раздражилъ могущественное дворянство; въ то же самое время употребленїемъ нѣмецкаго языка въ своихъ указахъ, въ администраціи и въ судебныхъ дѣлахъ онъ оскорблялъ національное чувство Датчанъ, и безъ того уже всегда ревнивыхъ къ нѣмецинѣ, а отмѣною трехдневныхъ праздниковъ и смягченїемъ строгой церковной дисциплины возстановилъ противъ себя изувѣрныхъ лютеранъ. При такихъ обстоятельствахъ упраздненїе цензуры было дѣломъ очень рискованымъ, потому что освобожденная печать направила свои нападенїя преимущественно на самихъ министровъ. Надъ головою Штруэнзѣ и неразрывно связанной съ нимъ королевы собралась страшная гроза и разразилась тѣмъ скорѣе, что онъ самъ содѣйствовалъ къ тому недостаткомъ мужества и рѣшимости. Смятенїе, произведенное какими нибудь 300 матросовъ, перепугало его до того, что онъ убѣждалъ вмѣстѣ съ дворомъ и согласился на все требованїя буйной ватаги. Конная гвардія, которую онъ хотѣлъ размѣстить по другимъ полкамъ, взбунтовалась и настояла на своемъ увольненїи съ выдачею денежныхъ наградъ. Малодушіе и нерѣшительность, выказанныя Штруэнзѣ при этихъ и другихъ случаяхъ, возбудили во властолюбивой мачихѣ короля, Юліанѣ, и въ повѣренныхъ ея, Гульдбергѣ и Ранцау Амебергѣ, мысль низвергнуть перваго министра. Приступивъ къ королю ночью врасплохъ и живо изобразивъ ему предстоящїя опасности, они заставили его подписать заготовленные уже повелѣнїя о взятїи подъ стражу Штруэнзѣ, Бранда и еще двѣнадцати вліятельныхъ и близкихъ министру лицъ, а королеву, собственноручнымъ рескриптомъ, сослать въ крѣпость Кроненбургъ. Потомъ Штруэнзѣ и Бранда заковали въ

цѣпи и бросили въ смрадную тюрьму; послѣ пятинедѣльнаго заточенїя среди всехъ возможныхъ ужасовъ и лишенїй призвали ихъ въ чрезвычайный судъ, составленный болшею частїю изъ ихъ противниковъ, и, какъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ, казнили отсѣченіемъ головы и правой руки. Королева Каролина Матильда, выданная слабостїю Штруэнзѣ, была разведена съ своимъ супругомъ (28 апр. 1772). Съ тѣхъ поръ она жила въ Целле, расточая полную любви помощь бѣднымъ и злополучнымъ, однако умерла спустя три года жертвою печали и тоски (1775). По сверженїи Штруэнзѣ, правленїемъ завладѣла Юліана и черезъ Гульдберга отмѣнила все ненавистныя нововведенїя. Только спустя двѣнадцать лѣтъ оба они были удалены наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ, который потомъ управлялъ государственнымїи дѣлами отъ имени своего отца, а главное завѣдыванїе министерствомъ и администраціей поручилъ младшему Бернсторфу († 1797), племяннику выше упомянутаго. Этотъ отличный государственный мужъ до самой смерти несъ энергически и умно обязанности своего высокаго сана и ревностно заботился объ успѣхахъ земледѣлія, промышленности, торговли и науки. Онъ доказалъ, что свобода печати возможна и въ абсолютной монархіи, если администрація находится въ способныхъ рукахъ и правительство добросовѣстно имѣетъ въ виду народное благо.

Договоръ съ Россїей, по которому великій князь Павелъ Петровичъ, въ качествѣ герцога Голштинскаго, уступилъ Данїи свои права на этотъ край и все прїтязанїя на Шлезвигъ и получилъ за то возведенныя вкорѣ потомъ въ герцогство графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, былъ конечно выгоденъ для Данїи, но упрочилъ тамъ вліанїе русскаго двора. Не долго спустя великій князь передалъ новое герцогство Ольденбургъ князю-епископу Фридриху Августу Любекскому младшей линїи Голштинскаго дома.

§ 682. 6) Швеція подъ державой Густава III. Вельможевланїе, введенное въ Швеціи по убїенїи Карла XII, съ сохраненїемъ королевскаго правительства только для вида (§ 649), было эпохою позора и стыда. Господствующая аристократїя или олигархїя состояла изъ людей безъ чести и патріотизма, которые продавались иноземнымъ державамъ и служили тѣмъ дворамъ, отъ которыхъ болше получали денегъ; слава и благоденствїе страны уже не принимались въ соображенїе. По заключенїи упомянутыхъ прежде постыдныхъ договоровъ (§ 649), одинъ съ графомъ Гюлленборгомъ во главѣ, прода-

лись Франціи, другіе, подъ водительствомъ графа Горна, — Россіи. Первыхъ прозвали шляпами, а послѣднихъ колпаками¹. Обѣ партіи ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга на смерть и дѣлали сеймъ позорищемъ своихъ враждебныхъ схватокъ. Когда началась война за австрійское наслѣдство, французскому правительству нужно было занять чѣмъ-нибудь Россію, чтобъ удержать ее отъ союза съ Маріей Терезіей, и партія его въ Швеціи настояла, чтобъ государственные чины объявили войну Россіи, къ чему удобнымъ поводомъ послужило то, что незадолго до этого одинъ шведскій агентъ былъ убитъ русскою командой². Но какъ господствующая знать подѣлила между собой отпущенныя Франціей вспомогательныя деньги, то армія находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Поэтому Шведы разбиты были на голову въ Финляндіи подъ Вильманстрандомъ, а при Гельсингфорсѣ такъ тѣсно окружены (1742), что въ своемъ отчаянномъ положеніи они уступили бы Россіи всю Финляндію, еслибы при заключеніи мира въ Або (1743) императрица Елисавета не смягчила своихъ требованій съ тѣмъ, чтобы возстановлены были нарушенныя права родственной императорскому дому Голштейнъ-Готторпской линіи. Шведы назначили наслѣдникомъ престола ближайшаго родню русскаго великаго князя, герцога Голштейнъ-Готторпскаго Адольфа Фридриха, и отдали Русскимъ часть Финляндіи до р. Кюмене. Подъ державою слабаго Адольфа Фридриха (1757 — 71), женатаго на сестрѣ короля Прусскаго Фридриха II, шведскому дворянству удалось еще болѣе ограничить королевскую власть и совершенно отнять у короны всякій вѣсъ и значеніе. Государственный совѣтъ вмѣшивался во внутреннія дѣла королевской фамиліи и въ воспитаніе принцевъ; онъ присвоилъ себѣ право замѣщать важнѣйшія государственныя должности и собственноручно снабжать королевскимъ утвержденіемъ тѣ заключенія совѣта, которыя король дважды задерживалъ своимъ отказомъ. Попытка «колпаковъ» измѣнить въ пользу короля конституцію не удалась и доставила полнѣйшую побѣду «шляпамъ». Слѣдствіемъ было то, что вопреки желанію родственнаго съ Пруссіею короля Швеція, какъ союзница Французовъ, вовлечена была въ Семилѣтнюю войну, отчего скудный и безъ того край пришелъ въ самое печальное положеніе. Хотя это и привело

¹ Шляпы стояли за войну, колпаки хотѣли мира. Франція назначила 300,000 талеровъ ежегоднаго пособія на военныя издержки.

² Майоръ Малькольмъ Спиклеръ, вздвигшій съ тайнымъ порученіемъ изъ Стокгольма въ Константинополь и захваченный на Саксонской землѣ (1739).

къ низверженію французской партіи, но новая олигархія такъ-называемой русской партіи властвовала надъ королемъ и народомъ столь же своевольно, какъ и ея предшественница такъ что Адольфъ Фридрихъ грозилъ наконецъ сложить съ себя корону и тѣмъ принудилъ своихъ верховниковъ созвать чрезвычайный сеймъ (1769). Государственные чины удалили большую часть членовъ совѣта, противившихся королю, и тѣмъ возвратили трону нѣкоторое значеніе; но, благодаря миролюбію и строгому уваженію къ законамъ Фридриха Адольфа, полное преобразование существующаго порядка, какого желалъ смѣлый и умный наслѣдный принцъ, все-таки не состоялось.

Когда Фридрихъ Адольфъ скончался, сынъ его Густавъ III (1771—92) былъ въ Парижѣ. Онъ вскорѣ составилъ планъ ниспровергнуть конституцію и получилъ отъ французскаго двора совѣты и средства для исполненія этого замысла, но не смотря на то присягнулъ въ вѣрности существующему порядку. Густавъ былъ человекъ, предубѣжденный въ пользу французскихъ нравовъ и образованія, краснорѣчивый, умный, рѣшительный и отважный и, какъ природный (т. е. рожденный въ Швеціи) государь, пользовался особенною любовью шведскаго народа. Раздоры высокоумной знати, ненависть безправнаго большинства къ самовластной олигархіи, и печальное положеніе страны утвердили юнаго, но уже опытнаго въ притворствѣ монарха, по возвращеніи его на родину, въ памѣтеніи снова усвоить коронѣ прежнюю ея власть. Вскорѣ послѣ многостойшей, пышной его коронаціи, одинъ капитанъ съ своей ротой въ Христианстадтѣ объявилъ, по тайному уговору съ королемъ, что не будетъ повиноваться собранію земскихъ чиновъ безъ королевскаго повелѣнія, и когда тѣ принимали мѣры наказать его за такую дерзость, рыцарственному королю удалось убѣдительною рѣчью привлечь къ себѣ бывшую въ столицѣ гвардію и склонить ее на такую присягу, которая поставляла гвардейцевъ въ зависимость отъ одного его. Легко перетянулъ онъ къ себѣ и народъ, столько же преданный привѣтливому королю, сколько нерасположенный къ кичливой аристократіи, тогда какъ его братья успѣли между тѣмъ овладѣть умами остальныхъ войскъ въ провинціяхъ. При такихъ обстоятельствахъ собравшемуся 20 августа государственному сейму не осталось болѣе ничего какъ принять предложенную королемъ конституцію, тѣмъ болѣе что зала засѣданій окружена была солдатами и артиллеріей. Этою безкровною революціей, при которой Густавъ велъ себя очень умѣренно и осторожно, шведскому престолу были

возвращены его власть и всё. — Состоящий из 17 вельмож государственный советъ былъ введенъ въ болѣ скромные предѣлы совѣщательной думы и за нимъ оставлено только право предлагать кандидатовъ на упраздняющіяся въ немъ мѣста. Чины могли собираться только по королевскому призыву и заниматься только тѣмъ, что предлагалъ на ихъ разсмотрѣніе король; за то онъ обязывался не начинать ни какой войны безъ ихъ согласія. Вся исполнительная власть, распоряженіе сухопутною и морскою силою, назначеніе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ и право заключать договоры съ иноземными державами, вполне принадлежали монарху. Самое даже обложение податями почти совершенно предоставлено было на его волю; для этого ему достаточно было посоветоваться только съ зависящимъ отъ него комитетомъ земскихъ чиновъ. Надо сознаться, что при такомъ роскошномъ и расточительномъ государѣ какъ Густавъ III, мѣра эта представлялась очень опасною.

§ 683. Конецъ Густава III. Изъ числа распоряженій, сдѣланныхъ Густавомъ III по перемѣнѣ конституціи, нѣкоторыя очевидно клонились къ народному благу; таковы были улучшенія судебного вѣдомства (причемъ отмѣнена пытка), учрежденіе больницъ, сиротскихъ домовъ и т. д.; но по большей части распоряженія его истекали изъ любви къ роскоши, изъ подражательности французскимъ нравамъ и изъ преданности къ исчезнувшимъ рыцарскимъ временамъ. Основаніе академіи по французскому образцу, учрежденіе драматическихъ и оперныхъ театровъ, возстановленіе турнировъ и каруселей не принесли ни малѣйшей пользы странѣ и стоили гораздо больше того, что было сбережено устраненіемъ прежнихъ злоупотребленій. Отсталыя героическія грезы короля, его затѣя воскресить давно умершее рыцарство, попытка ввести общую національную одежду и т. п. отвлекали дѣятельность и мысли Густава на сущія мелочи и обманули тѣ великія надежды, которыя свѣтъ возлагалъ на его способности. Его, часто необдуманная, нововведенія возстановляли противъ него болѣе и болѣе раздраженное дворянство, а законъ объявившій выкуриваніе водки королевскою привилегіей и обязавшій всѣхъ Шведовъ покупать втридорога изъ казенныхъ винокурень напитки, къ которому привыкли всѣ и который приготовлялся въ каждомъ семействѣ, — этотъ законъ породилъ сильное неудовольствіе даже и въ низшихъ классахъ. — Враждебное настроеніе обнаружилось впервые тогда, когда Густавъ, не спрашивая совета земской думы, предпринялъ войну противъ Россіи

(1788) для возвращенія себѣ прежнихъ шведскихъ областей. Финское войско, подбиваемое русскими агентами, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, воспротивилось этой неконституціонной войнѣ. Встревоженный Густавъ покинулъ армию и обратился съ своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ народу, особенно къ энергическимъ Далекарламъ въ сѣверныхъ горахъ, скоро доставившимъ ему средства отмстить своимъ противникамъ. Въ силу такъ называемаго акта соединенія и государственной безопасности, который онъ вынудилъ у сейма, ослабленнаго взятіемъ подъ стражу 30 главныхъ недруговъ короля, онъ присвоилъ себѣ право вести войну безъ спроса земской думы, упразднилъ государственный советъ и вообще всѣ ограниченія, удѣлѣвшія еще при перемѣнѣ конституціи и предоставилъ среднему сословию доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и право пріобрѣтать рыцарскія (дворянскія) помѣстья. Добывъ необходимыя суммы новымъ тяжкимъ налогомъ, Густавъ продолжалъ теперь войну противъ Россіи на сушѣ и на морѣ съ усиленной настойчивостью; но сколько ни явилъ онъ доказательствъ личной храбрости, сколь ни блистательно обновилась при этомъ военная слава Шведовъ, однакожь Верельскій миръ (14 авг. 1790) оставилъ прежнія границы нетронутыми и много стоившая война не принесла ровно ни какой пользы. Еще не зажились раны, нанесенныя этою борьбой, и тяжкое бремя долга давило Швецію, какъ Густавъ, теперь уже въ союзѣ съ Россіей, сталъ помышлять о новой войнѣ противъ Франціи, чтобъ положить преграды разливу революціонныхъ идей и доказать свой рыцарскій образъ мыслей спасеніемъ несчастнаго Людовика XVI. Густавъ предпринялъ уже путешествіе въ Германію, чтобы подобрать союзниковъ для этой войны, далеко превосходившей силы его собственного народа, когда такой замыселъ встрѣтилъ себѣ первую преграду въ упорномъ сопротивленіи чиновъ дать потребныя на то денежныя средства; а для отвращенія какого-либо новаго наслія съ его стороны, нѣсколько разобиженныхъ имъ дворянъ составили тайный заговоръ, влѣдствіе котораго Густавъ III былъ раненъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ Анкарстрёмомъ на маскарадномъ балѣ 17 марта 1792 г. и умеръ отъ раны двѣнадцать дней спустя. Сынъ его, Густавъ IV (1792—1809), состоявшій до совершеннолѣтія подъ опекою своего дяди, Карла Зюдерманландскаго, наследовалъ рыцарскія затѣи отца, но довелъ ихъ къ своему несчастію до такой степени, что слѣдствіемъ ихъ было низверженіе его съ престола (§ 753).

3. ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО И ИОСИФА II.

§ 684. а) Нѣмецкая имперія (сравни § 656. б). Уже давно Нѣмецкая имперія утратила, какъ политическое тѣло, всякое значеніе; и верховный глава ея и члены, все преслѣдовали свои частныя выгоды, ни сколько не заботясь объ общемъ благѣ. Постоянный сеймъ въ Регенсбургѣ (§ 585. 655), состоявшій изъ уполномоченныхъ отъ государей и имперскихъ городовъ, не имѣлъ ни какого вѣса, потому что изъ-за многословія и безконечныхъ переговоровъ онъ рѣдко приходилъ къ какому нибудь заключенію, да если когда и приходилъ, то не умѣлъ сообщить ему надлежащей силы. Старыя имперскія коллегіи лишены были всякой живой связи между собою, вовсе не были уже дѣйствительными представителями имперіи, и совершенно запутались въ лабиринтъ тяжелыхъ формальностей и педантическихъ церемоній. Обыкновенно многіе голоса находились въ одной и той же рукѣ въ силу передачи, и послы значительнѣйшихъ державъ заступали въ то же время и права мелкихъ, въ избѣжаніе лишннихъ денежныхъ тратъ. Съ мелочною ревностью отстаивали устарѣлыя права, заботливо наблюдали за титулами, почетомъ мѣстъ и правомъ на подачу голоса и посвящали все время и всю дѣятельность бесполезнымъ спорамъ о внѣшнихъ формальностяхъ или сомнительныхъ правахъ и преимуществахъ того или другаго изъ католическихъ или евангелическихъ чиновъ, тогда какъ чужестранные или чуждые имперіи туземные государя дѣлали Германію позорищемъ своихъ войнъ, презрительно и надменно обходясь съ этою разьединенной и разшатавшеюся политической машиной. Послѣ долготннихъ совѣщаній рѣшено было выставить имперскую армію, но она находилась въ такомъ жалкомъ состояніи, что вскорѣ стала общимъ посмѣшищемъ. Опала, наложенная на Фридриха II въ Семилѣтнюю войну, была встрѣчена презрительнымъ смѣхомъ, и приступленіе имперіи къ союзу противъ Пруссіи имѣло такое ничтожное вліяніе на ходъ борьбы, что при переговорахъ о Губертсбургскомъ мирѣ даже вовсе не было представителей имперіи и миръ состоялся безъ ея спросу. Сеймъ во всемъ этомъ ограничился только благодарностію императору за то, что онъ съ отеческою заботливостію пекся о сохраненіи уставовъ, достоинства и независимости имперіи, хотя опустошенныя поля и выжженные или разграбленныя мѣстности еще долго свидѣтельствовали о тяжкихъ ранахъ, нанесенныхъ Германіи этою войной.

Какъ бессильное представительство Нѣмецкой имперіи лишило ее всякаго значенія и вѣса въ европейскихъ политическихъ дѣлахъ, такъ печальное состояніе судебной части отнимало у слабого всякую защиту и дозволяло наглому, ловкому или сильному всевозможныя несправедливости и притѣсненія. Верховный имперскій судъ въ Вепларѣ, «этотъ клейнодъ германской конституціи», на рѣшеніе котораго поступали жалобы имперскихъ чиновъ другъ на друга или споры ихъ съ своими подданными, терялъ болѣе и болѣе значенія, частію потому, что могущественнѣйшіе члены имперіи сумѣли уклониться отъ его вліянія, частію потому, что онъ велъ дѣла уже слишкомъ осмотрительно и медленно, такъ что процессы тянулись по многу лѣтъ прежде чѣмъ доходило до какого-нибудь рѣшенія, тяжущіеся между тѣмъ умирали или разорялись, а масса судебныхъ актовъ нарастала до чрезмѣрности. При этомъ, такъ какъ различныя государства вносили опредѣленные на содержаніе имперскихъ учрежденій деньги весьма неправильно, то судьямъ, вмѣсто жалованья, приходилось болѣею частію разсчитывать на одни поборы что, разумѣется, открывало широкій путь взяточничеству и подкупу. Отсюда безпрестанныя жалобы на пристрастіе, на несправедливость, на выдачу канцелярской тайны. Что касается до низшаго судопроизводства, то при великомъ разнообразіи частныхъ законодательствъ, при дробности мелкихъ областей и при неограниченномъ господствѣ судей и чиновниковъ маленькому человѣку было очень трудно добиться какого нибудь правосудія. Это былъ золотой вѣкъ юристовъ и адвокатовъ.—Въ самомъ худшемъ состояніи находилась и исполнительная власть. Могущество императора обратилось въ пустой призракъ, доходъ его упалъ до нѣсколькихъ тысячъ гульденовъ. Чтобы онъ не могъ сдѣлать зла, у него отняли всякую возможность дѣлать что бы то ни было. Около трехъ сотъ пятидесяти наслѣдственныхъ или выборныхъ державцевъ и республиканскихъ общинъ съ разнообразнѣйшею властью и съ самымъ перавнымъ объемомъ земель, не говоря уже о многочисленныхъ подручникахъ имперіи, рыцаряхъ Франконіи, Швабіи и Прирейнья, господствовали съ полными верховными правами въ Германіи, предоставляя общему главѣ одно только утвержденіе взаимныхъ договоровъ, жалованіе въ высшій санъ и объявленіе кого-нибудь изъ членовъ имперіи возрастнымъ по достиженіи имъ положенныхъ лѣтъ, или законнымъ, когда того требовали обстоятельства. Все великое въ политической жизни нѣмецкаго народа было задавлено разьединеніемъ и исчезло безъ слѣда; никто не чувствовалъ себя членомъ

великаго цѣлаго, для котораго каждый долженъ жить, за которое каждый долженъ положить душу¹.

Князья, графы, рыцари и имперскіе города, непосредственно подручныя имперіи (reichsunmittelbar). Печальнѣйшую картину представлялъ общественный бытъ многочисленныхъ графствъ и княжествъ, имѣвшихъ титулъ непосредственныхъ подручниковъ имперіи. Даже и въ этихъ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едва было довольно мѣста для патриархально-простаго управленія, владыки пытались царствовать, заводили свой дворъ, своихъ министровъ, раздѣляли порознь судебную часть, церковное и училищное вѣдомство, финансы и военныя дѣла, какъ будто каждая вѣтвь составляла сама по себѣ обширный департаментъ, и чѣмъ болѣе скудость средствъ могла возбудить сомнѣнія въ княжескомъ величіи, тѣмъ ревнивѣе держались за верховное право своего державства. Въ такихъ рукахъ державная власть была страшною игрушкою, острымъ мечемъ въ рукѣ слабаго ребенка, — этого было слишкомъ мало для настоящей дѣятельности и слишкомъ много для потѣхи. — Многочисленное имперское рыцарство также пользовалось въ своихъ владѣніяхъ не только правомъ законодательства и наложенія податей, но и правомъ бить монету, учреждать таможи, требовать почетнаго конвоя, присвоивать себѣ регалію почты, охоты, суда и полиціи, — словомъ, пользовалось цѣлымъ рядомъ такихъ верховныхъ правъ, которыя были вообще недоступны сельскому дворянству. Рыцарство обыкновенно держало сторону императора и за это онъ надѣлялъ его всякаго рода привилегіями. Союзами между собой рыцари защищались отъ нападеній державцевъ посильнѣе и такимъ образомъ препятствовали поглощенію своихъ территорій болѣе значительными (Incorporation). Они распредѣлялись на кантоны съ особыми мѣстными «старшинами» (Ortsvorstände), которые обязаны были отстаивать передъ императоромъ и на сеймѣ права и льготы рыцарства. Ограниченное въ достаткѣ и доходахъ своей расточительностью и дурнымъ хозяйствомъ и навлекая себѣ много справедливыхъ укоризнъ своимъ поведеніемъ, рыцарство не имѣло ни нравственнаго вѣса, ни энергіи, и

¹ Мудрено ли, что изъ такой разобщенной среды вышло ученіе объ относительной маловажности государственнаго союза, особенно, когда сообразимъ, что въ этой же средѣ, и именно благодаря ей, самая жалкая и педантическая государственность развивалась на каждомъ шагѣ въ карикатурно-мелочныхъ размѣрахъ? Обращаемъ вниманіе нашихъ молодыхъ читателей на слѣдующую за симъ картину мелкихъ державъ и республикъ Германіи, — одну изъ самыхъ поучительныхъ въ исторіи всего міра.

только съ трудомъ сопротивлялось посягательствамъ сосѣднихъ державцевъ. Жалкое состояніе государственности въ рыцарскихъ владѣніяхъ много мѣшало развитію значительнѣйшихъ государствъ, которымъ рыцари были сосѣдями или въ которыя они совершенно входили своими землями. Раздавались громкія жалобы, что они препятствуютъ свободному сообщенію, нарушаютъ общественную безопасность и дѣлаютъ невозможнымъ строгое соблюденіе правосудія и необходимыхъ полицейскихъ установленій. Въ рыцарскихъ владѣніяхъ, по тогдашнимъ отзывамъ, не могъ утвердиться ни торговый, ни таможенный порядокъ, не было тамъ и хорошихъ школъ, существовавшихъ вездѣ по сосѣдству; тамъ хозяйничали бродяги, цыгане, нищія, жида, да знахари. Гнетъ налоговъ и барщина разоряли бѣдныхъ подданныхъ въ конецъ. — Изъ числа нѣкогда цвѣтущихъ и гордыхъ имперскихъ городовъ только уже немногіе сохранили свое благосостояніе. Въ 18 вѣкѣ, правда, существовалъ еще 51 городъ, непосредственно подвластный имперіи, и депутаты ихъ, раздѣленные на двѣ лавы (скамьи), составляли на сеймѣ особую коллегію; но какъ низко упали они противъ прежняго своего значенія по милости опустошительныхъ войнъ 17 вѣка! Прошло то время, когда мирныя занятія, промышленный трудъ, наука и искусство могли процвѣтать въ ненарушимомъ привольѣ почти только за стѣнами имперскихъ городовъ; теперь обширнѣйшія владѣнія государей стали тѣмъ поприщемъ, на которомъ живо и благотворно развивалась политическая и гражданственная жизнь. Имперскіе города умалились въ объемѣ своихъ территорій и въ экономическомъ отношеніи, торговля ихъ пришла въ упадокъ, въ администраціи и правосудіи они далеко отстали отъ большихъ и даже средней величины державъ. Магистраты часто были въ раздорѣ съ гражданами; подкупность, пристрастіе и непотизмъ постоянно возбуждали жалобы противъ городскихъ управленій, и часто надо было прибѣгать къ вмѣшательству имперской юстиціи. Прежде столь цвѣтущая промышленность горожанъ исчезла почти безслѣдно; завивавшаяся ею часть населенія или сама собою впала въ глубокое бездѣйствіе, или въ нелѣпыхъ цеховыхъ уставахъ встрѣчала преграду къ развитію свободной и самобытной дѣятельности. А вмѣстѣ съ вещественною силою утратились и прежняя самоувѣренность и смѣлая гордость полною свободой. Городовые участки (контингенты) имперской арміи стали истиннымъ посмѣшищемъ въ глазахъ стороннихъ людей. Такое положеніе, разумѣется, не могло выдержать никакого сколько-нибудь сильнаго потрясенія. Разобщенные съ умственнымъ

движеніемъ цѣлаго народа, лишеныя тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ болѣе обширная государственная жизнь, глубоко упавъ въ матеріальномъ благосостояніи и съ тѣмъ вмѣстѣ вдавшивъ въ дремоту, чуть не въ окостенѣніе, не чувствуя въ себѣ никакого живаго побужденія выбиться изъ своего жалкаго быта и пробавляясь только тѣнью прежняго величія и славы, — имперскіе города могли еще прозябать кое-какъ въ совершенно мирныя времена, но уже отнюдь не противустоятъ тѣмъ бурямъ, которыя принесла съ собою новая эпоха исторіи. Ихъ постигла одна участь съ духовными державами и съ владѣніями мелкихъ имперскихъ господъ; они всего болѣе наполнились гнилью броженія, всего болѣе испытали на себѣ дѣйствіе революціонной заразы. Поэтому, наравнѣ съ ними, и подверглись они всѣхъ скорѣе первому разрушительному дѣйствию новаго времени.

§ 685. Планы Іосифа II. Печальное состояніе Нѣмецкой имперіи внушало отвращеніе энергическому императору Іосифу II и естественно возбуждало въ немъ желаніе благовременными реформами устранить закоренѣлое зло. Поэтому едва кончина отца сдѣлала его обладателемъ нѣмецко-императорскаго престола (1765), какъ онъ уже обратилъ свое вниманіе на имперскій надворный совѣтъ въ Вѣнѣ, который противустоялъ съ одинаковыми правами верховному имперскому суду въ Вецларѣ, но пользовался еще худшею славой какъ относительно неподкупности и правоты судей состоявшихъ изъ дворянъ и ученыхъ, такъ и относительно порядковъ дѣлопроизводства; новый государь строго запретилъ надворному совѣту принимать какія-либо подарки или «благодарности» и требовалъ отъ него ускореннаго и болѣе правильнаго судопроизводства. Вслѣдъ за тѣмъ настоялъ онъ у сейма, чтобы надъ верховнымъ судомъ въ Вецларѣ назначена была слѣдственная комиссія (1767); но сколько ни убѣжденъ былъ каждый въ необходимости улучшенія судебной части, имперскіе чины всего болѣе опасались нововводительствъ и потому начатое слѣдствіе вскорѣ опять перестало двигаться съ мѣста и изо всей этой передраги важнаго не вышло ничего. Послѣ девятилѣтнихъ трудовъ комиссія разошлась при взаимномъ раздраженіи членовъ другъ на друга (май 1776). Если уже эта попытка исправить очевиднѣйшее зло въ прогнившей хранилѣ имперіи внушила князьямъ опасенія и заботы, то еще

болѣе озадачило ихъ намѣреніе императора воспользоваться перемѣной царствованія въ Баваріи, чтобы пріобрѣсти себѣ нѣкоторыя сподручныя для округленія участки. Съ Максимилианомъ Іосифомъ пресѣклась баварская линія дома Виттельсбаховъ (20 дек. 1777) и курфюршество досталось ближайшему наслѣднику Карлу Теодору Пфальцскому. Тотъ, не имѣя законныхъ потомковъ и не питая ни какой любви къ унаслѣдованному имъ краю, легко согласился, въ силу особой конвенціи, признать законность притязаній Іосифа на Нижнюю Баварію, Верхній Палатинатъ и маентность Миндельгеймъ, чтобы уступкою этихъ областей обезпечить нѣкоторыя выгоды своимъ побочнымъ дѣтямъ. Фридрихъ II, встревоженный расширеніемъ Австріи и жаждою новыхъ пріобрѣтеній со стороны императора, старался помѣшательству этому замыслу и побудилъ ближайшаго наслѣдника Баваріи, герцога Карла Цвейбрюкенскаго протестовать на сеймѣ противъ конвенціи, а когда это ни къ чему не повело, онъ двинулъ войско въ Богемію, чтобы воспрепятствовать перемѣнѣ существующаго порядка вооруженною рукою. Изъ этого вышла война за баварское наслѣдство (1778 — 79), въ которой мало боролись въ полѣ, за то тѣмъ болѣе дѣйствовали перомъ, такъ какъ обѣ стороны старались доказать свое право учеными юридическими диссертациями. Но всѣ державы опасались тогда общеевропейской войны, и потому Россіи и Франціи удалось своимъ посредничествомъ склонить императрицу Марію Терезію, недовольную нововводительствами своего сына, заключить Тешенскій миръ (13 мая 1779), которымъ палатинскому дому была обезпечена Баварія, австрійскому — такъ-называемая Иннская четверть (т. е. округъ) вмѣстѣ съ Браунау, а прусскому — право наслѣдія въ маркграфствахъ Ансбахъ и Байрѣйтъ. Тотъ миръ проложилъ русской политикѣ первый путь ко вмѣшательству въ дѣла Нѣмецкой имперіи. По смерти Маріи Терезіи, раздраженный неудачею своихъ плановъ, императоръ, вторично попытался присвоить себѣ Баварію, предлагая въ обмѣнъ за нее австрійскіе Нидерланды (Бельгію) съ титуломъ Бургундскаго королевства. Карлъ Теодоръ шелъ и на это, а съ другой стороны русскіе агенты ходатайствовали заманчивыми обѣщаніями о согласіи гер-

цога Цвейбрюкенскаго. Но Фридрихъ II, чтобы снова обезпечить палатинскому дому престолонаслѣдіе въ Баваріи, старался помѣшать и этому плану учрежденіемъ союза имперскихъ князей (1785), въ который постепенно вошли Ганноверъ, курфюршества Саксонія и Майнцъ, Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ, Баденъ, Ангальтъ, Мекленбургъ и др., и котораго цѣлью было поддержаніе княжеской независимости и сохраненіе имперіи въ тогдашнемъ ея составѣ. Союзъ князей на столько же поднялъ могущество и значеніе короля Прусскаго, на сколько онъ повредилъ императору, подорвавъ вѣсь его въ конецъ. Въ предѣлахъ союза право было обезпечено и всѣми уважалось, тогда какъ императоръ, стремясь усилить могущество своей династіи, нерѣдко позволялъ себѣ нарушенія существующаго порядка. — Этому перевороту въ постоянной политикѣ обоихъ государствъ Фридрихъ обязанъ былъ тѣмъ, что ему удалось наконецъ уладить «Прусскую унию», о которой онъ много разъ тщетно хлопоталъ въ прежніе годы. Черезъ это Прусскій король сдѣлался верховнымъ блюстителемъ государственнаго устройства имперіи. Не смотря однакожь на этотъ все-таки ненадежный союзъ, узы связывавшія имперію болѣе и болѣе ослабѣвали. Каждый державецъ стремился къ самобытной, неограниченной власти; у каждаго былъ свой маленькій дворъ, который, въ роскоши и расточительности, въ нравахъ и модахъ, въ языкѣ, литературѣ и художествахъ, подражалъ Версальскому двору. Даже и княжескій союзъ, который иные патріотическіе члены, наприм. герцогъ Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій, желали бы распространять далѣе и которымъ они хотѣли воспользоваться какъ основою національнаго единенія и преобразования имперской конституціи, — этотъ союзъ, по смерти Фридриха II, когда повидимому уже нечего было опасаться честолюбивыхъ замысловъ Австріи, былъ оставленъ въ пренебреженіи и наконецъ исчезъ самъ собою безъ всякихъ послѣдствій.

§ 686. б) Австрія. Въ Австріи, гдѣ императорская власть не ограничивалась ни какими чинами, императоръ Иосифъ II могъ успѣшнѣе выполнять свои преобразования, чѣмъ въ Германіи. Марія Терезія, въ теченіе своего сорокалѣтняго царствованія (1740—80), при помощи умнаго и просвѣщеннаго министра, Кауница, устранила уже

многія злоупотребленія и спокойно, бережно и осмотрительно ввела много перемѣнъ, которыхъ требовало время. Армія и вся военная часть подверглись полному преобразованію, судебное вѣдомство было устроено совѣмъ на новый ладъ, а супругъ императрицы, превосходно знавшій торговля и экономическія дѣла и обладавшій болѣе талантами купца, чѣмъ дипломата или война, водворилъ порядокъ и бережливость въ финансахъ, не отступая однакожь отъ обычнаго блеска и великолѣпія двора. Военными академіями и другими учебными заведениями пыталась она привить хотя нѣкоторое образованіе невѣжественному дворянству; старалась водворить порядокъ и однообразіе въ общинныхъ учрежденіяхъ, ремеслахъ и цехахъ, съ подчиненіемъ ихъ надзору правительства, и коснулась своею преобразовательною рукою даже нѣкоторыхъ церковныхъ злоупотребленій, впрочемъ ни мало не одобряя враждебныхъ церкви мѣръ, принимаемыхъ другими державами. Строжайше соблюдалось право верховной власти не допускать никакихъ церковныхъ распоряженій безъ предварительнаго одобренія правительства (такъ-называемое *Placet*), учебная часть устранялась болѣе и болѣе изъ-подъ вліянія духовенства и соответственно духу времени измѣнены многіе монастырскіе порядки. Путаница первобытныхъ землевладѣльческихъ отношеній въ Венгріи подверглась также благотворному преобразованію въ силу обширнаго урбаріальнаго (поземельнаго) устава. Этимъ уставомъ опредѣлены права каждаго владѣльца въ числящейся за нимъ землѣ, а равно и барщинская повинность приписанныхъ къ ней крѣпостныхъ, которая прежде требовалась по усмотрѣнію помѣщика, была теперь ограничена извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней въ недѣлю. Но при всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Марія Терезія щадла права подвластныхъ ей племенъ, вѣру народа и взаимныя отношенія сословій, а потому и устранила своего даровитаго, но слишкомъ торопливаго въ преобразованіяхъ сына отъ управленія родовыми областями, предоставляя ему столь же мало вліянія на государственныя дѣла, какъ и своему мужу Францу I. Но едва, съ кончиною матери (20 ноября 1780), молодой императоръ сталъ неограниченнымъ обладателемъ Австрійской монархіи, какъ и началъ цѣлый рядъ преобразованій, которыя отчасти раздражили духовенство и его друзей, отчасти нарушили привилегіи дворянства, отчасти оскорбили національное чувство народовъ, подвластныхъ его державѣ. Конечно, во всѣхъ принимавшихъ имъ мѣрахъ Иосифъ II имѣлъ цѣли самыя возвышенныя, и потомство, которое можетъ лучше оцѣнить его стремленія и замыслы,

всегда будет поминать имя его съ уваженіемъ; но онъ дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно, слишкомъ мало обращалъ вниманія на существующія отношенія, обычаи и предразсудки, и не давалъ своему поспѣву вызрѣвать. Его планы осчастливить народы вообще и человѣка въ частности были заподозрѣны и не принялись потому, что ими нарушались преимущества и привычки, укоренившіяся въ ками; его стремленіе устранить церковныя злоупотребленія и привить народу образованіе и просвѣщеніе, навлекло себѣ укоръ въ безвѣріи и вольнодумствѣ, его старанія водворить государственное единство съ однообразнымъ судопроизводствомъ и упрощенною администраціей прослыли за тираннію и за выходки деспотической души. Его высокій энтузіазмъ къ общему благоденствію народовъ былъ оцѣненъ только немногими, а за неутомимую и напряженную дѣятельность, съ какою онъ самъ входилъ во все, допускалъ къ себѣ свободно каждаго, кто бы онъ ни былъ, устранялъ произволъ чиновниковъ и охранялъ подданныхъ отъ всякаго насилія, всѣми силами поощрялъ благотворительныя учрежденія, — за это онъ не нашелъ себѣ ни какой признательности у современниковъ, которыхъ его нововводительство растревожило въ ихъ обычномъ покоѣ. И церковь, и государство, и судебная часть, и взаимныя отношенія сословій, — все почувствовало на себѣ его преобразовательную руку.

§ 687. Преобразованія Іосифа. Нововведенія этого государя рассмотримъ мы съ слѣдующихъ сторонъ: 1) Церковныя реформы. Онъ ввелъ вѣротерпимость, даровавъ послѣдователямъ обоихъ протестантскихъ исповѣданій, равно какъ и сынамъ греко-восточной церкви, полную свободу вѣры и одинаковыя политическія права съ католиками; потомъ онъ убавилъ на третью часть число монастырей, упразднивъ около 700 мужскихъ и женскихъ обителей, принадлежавшихъ преимущественно нищенскимъ орденамъ съ слишкомъ 30,000 монашествующихъ. Эта секуляризація¹, равно какъ и уменьшеніе епископскихъ доходовъ, доставили ему средства улучшить учебную часть, учредить новые приходы и училища и основать разныя общепольныя заведенія, каковы больница, институтъ глухонѣмыхъ и т. д. Остальные монастыри, числомъ до 1324, съ 27,000 монаховъ и монахинь, подчинилъ онъ болѣе строгому надзору и воспретилъ имъ всякое сообщеніе съ Римомъ и съ иноземными начальствами. — Далѣе ограничилъ онъ чрезмѣрное ханжество, число духовныхъ процессій, число мѣстъ, куда

¹ То-есть возвратъ міру, свѣтскому вѣдомству.

ходили на богомолье и т. д., велѣлъ перевести Библію на отечественный языкъ и ввелъ въ богослуженіе нѣмецкія церковныя гимны; сократилъ разрѣшительныя права папы, затруднилъ связи своего духовенства съ Римомъ, ограничилъ духовно-судебную власть нунціевъ, предоставилъ болѣе правъ туземнымъ епископамъ, запретилъ посѣщать нѣмецкую коллегію въ Римѣ и далъ духовенству особыя правила воспитанія въ австрійскихъ предѣлахъ. Напрасно папа Пій VI старался навести императора на другой путь неслыханнымъ дотоле способомъ, личнымъ пріѣздомъ въ Вѣну (1782). Іосифъ принялъ его самымъ почетнымъ образомъ, императоръ и его дворъ оказывали св. Отцу всѣ возможные знаки благоговѣйнаго уваженія; но о дѣлахъ, для которыхъ именно пріѣзжалъ папа, не было ни какихъ переговоровъ, и Пій VI долженъ былъ удовольствоваться лишь тою честью, съ какою встрѣтили его въ предѣлахъ южной Германіи, и особенно въ Баваріи.

2) Преобразованія въ гражданскомъ быту. Къ числу благодѣлительнѣйшихъ учрежденій Іосифа II принадлежатъ водвореніе личной свободы чрезъ отмену крѣпостнаго состоянія, равномерное разложеніе податей на всѣхъ гражданъ безъ различія званій, соответственно новой съемкѣ поземельной собственности (кадастру), и уравненіе ихъ передъ закономъ не смотря на лица и сословія. Правда и то, что его быстрота и безпощадность при исполненіи этихъ мѣръ оскорбили многихъ нарушеніемъ существующихъ правъ и укоренившихся обычаевъ. Съ другой стороны онъ старался поднять благоденствіе своихъ областей поощреніемъ земледѣлія, скотоводства и промышленности; онъ запретилъ ввозъ иностранныхъ винъ и щегольскихъ товаровъ, наказывалъ за контрабанду съ неумолимою строгостью и, договорами съ Турціей, открылъ австрійской торговлѣ путь въ Черное море. Попытка настоять на свободномъ провозѣ товаровъ по Шельдѣ, чтобы поднять этимъ торговлю Антверпена, вовлекла его въ войну съ Голландцами, въ которой онъ хотя и добился нѣкоторыхъ уступокъ, однакожъ долженъ былъ отказаться отъ главнаго своего намѣренія (§ 677).

§ 688. Ссора Іосифа съ Нидерландцами и Венграми. 3) Введеніе однообразнаго государственнаго и судебного устройства. Планъ Іосифа управлять по одной формѣ разными подвластными Австріи народами, которые имѣли каждый свои особыя права и уставы, его стремленіе превратить ихъ въ одну великую націю, въ одно политическое цѣлое, — все это потерпѣло въ Бельгіи и въ Венгріи

совершенную неудачу. Бельгія состояла изъ нѣсколькихъ областей съ стародавними правами, льготами и учрежденіями, въ числѣ которыхъ особенно славилась учрежденіе Брабанта, обезпечиваемая такъ-называемымъ «радостнымъ вшествіемъ» (*joyeuse entrée*, § 397, примѣчаніе). Намѣстникъ и министръ представляли здѣсь особу государя и стояли въ главѣ управленія; но по всѣмъ важнымъ вопросамъ, особенно вразсужденія податей, они должны были сноситься съ чинами каждой области, и вся мѣстная администрація находилась въ рукахъ туземныхъ чиновниковъ. Большая часть областей имѣла свои особые независимые верховные суды, въ числѣ которыхъ особеннымъ уваженіемъ пользовался большой совѣтъ брабантскій. Величайшее значеніе имѣло богатое и сильное духовенство, въ чьихъ рукахъ находилась вся учебная часть и чье вліяніе на народъ было безпредѣльно. Эти вѣками утвердившіяся отношенія Іосифъ также отважился преобразовать. Онъ раздѣлилъ весь край на девять округовъ, назначивъ по интенданту въ каждомъ, учредилъ одинъ верховный правительственный совѣтъ и соединилъ все областныя суды въ одномъ верховномъ судилищѣ въ Брюсселѣ. Затѣмъ онъ коснулся церковныхъ учреждений, водворивъ здѣсь вѣротерпимость точно такъ же, какъ и въ Австріи, закрывъ многіе монастыри, положивъ явному ханжеству нѣкоторыя законныя преграды и предпринявъ коренное преобразование училищъ, особенно Лувенскаго университета. Это прежде всего повело къ возстанію между студентами, бывшими совершенно въ рукахъ духовенства. Едва успѣли подавить эту вспышку, какъ неудовольствіе противъ новаго управленія и судопроизводства обнаружилось мятежемъ, которымъ руководили духовные и дворяне и который сопровождался разными буйствами черни (1787). Брабантскіе чины наотрѣзъ отказали въ податяхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены нововведенія; города учредили гражданское ополченіе, чтобы силою настоять на возстановленіи прежняго порядка. Императоръ былъ занятъ тогда войною съ Турками въ союзѣ съ Россіей, а потому мѣстное правительство, не зная что начать, обѣщало это возстановленіе, лишь бы только усмирить мятежь. Но Іосифъ не согласился на это. Онъ правда посулилъ исполнить общее желаніе относительно администраціи и суда, но требовалъ, чтобы церковныя нововведенія, преобразование университета и учебной части остались неприкосновенны. Тогда буря разразилась опять съ новою силою. Напрасно австрійскія войска хотѣли вооруженною рукой пода-

вить возстаніе; возмущенный народъ прогналъ ихъ слабые отряды; Нидерландскія области объявили себя независимыми (іюнь 1790) и учредили въ Брюсселѣ конгрессъ. Въ этихъ событіяхъ нельзя было не признать вліянія Франціи, сколь ни различны были цѣли, къ которымъ стремились въ томъ и другомъ краѣ: въ Бельгіи ратовали за прежній порядокъ, тогда какъ во Франціи хотѣли его устранить. Столь же горькія испытанія постигли императора въ Венгріи и сокрушили раздражительное его сердце. — При самомъ восшествіи своемъ на престолъ Іосифъ возстановилъ противъ себя Венгровъ, ревниво соблюдавшихъ свои стародавнія уставы и порядки, отступленіемъ отъ прежняго обычая, по которому король всегда короновался въ Пресбургѣ: онъ велѣлъ привезти священную венгерскую корону въ Вѣну и обошелъ тѣмъ присягу въ вѣрности венгерской конституціи, значительно связывавшей его власть; потомъ, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ своихъ реформахъ, онъ не созывалъ сейма на совѣщаніе; наконецъ онъ водворялъ нѣмецкихъ колонистовъ на венгерской землѣ и вмѣсто употребительнаго дотолѣ латинскаго объявилъ официальнымъ языкомъ нѣмецкій, принуждая всехъ Венгровъ учиться вѣмецкой грамотѣ. Слѣдовавшія за тѣмъ мѣры императора еще усилили общее неудовольствіе, сколь ни благотворны онѣ были для этой страны, управляемой до тѣхъ поръ въ строго-аристократическомъ духѣ. Отмѣна крѣпостнаго права и цеховыхъ стѣсненій, уравниеніе податей, упрощеніе администраціи и судопроизводства и т. д., все это сильно раздражило могущественное дворянство; а католическое духовенство негодовало, въ свою очередь, на сокращеніе числа монастырей и на водвореніе вѣротерпимости: оба сословія воспользовались своей властью и вліяніемъ надъ невѣждой мѣщаниномъ и мужикомъ, чтобы, представляя имъ опасности отъ нововводительствъ и нарушеній права, привести ихъ въ волненіе. Такимъ образомъ и здѣсь произошли грозныя движенія, которыя вынудили императора, занятаго турецкою войною, отмѣнить большую часть своихъ распоряженій.

Неудача плановъ имѣвшихъ цѣлю благо подвластныхъ ему людей, превратное толкованіе благороднѣйшихъ его намѣреній подтачивали жизненныя силы императора и ускорили его смерть (20 февр. 1790), которой зародышъ захватилъ онъ въ нездоровыхъ придунайскихъ краяхъ во время войны съ Турками. Последнія слова его, «что онъ имѣлъ несчастіе видѣть неудачу всехъ своихъ плановъ», доказываютъ ясно, какимъ тяжкимъ бременемъ лежало у него на душѣ сознаніе безплодно-

дѣятельной жизни. Осьмнадцатый вѣкъ съ его филантропіей и гуманностью и, вмѣстѣ, съ его жестокосердіемъ и насильственностью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось провести любимыя теоріи, — это время, полное удивительныхъ противорѣчій, то пламенѣвшее къ свободѣ, то деспотическое до звѣрства, то одушевляясь высшимъ сознаніемъ права, то попирая всѣ возможныя права, блиставшее терпимостью и однако неспособное выносить чуждыхъ мнѣній, — это чудное время едва ли выразилось такъ рѣзко въ какой-нибудь личности, какъ именно въ Іосифѣ II. Его братъ и преемникъ Леопольдъ II (1790 — 92) былъ кротче и податливѣе Іосифа и не такъ раздражителенъ отъ природы; онъ снова ввелъ въ Бельгіи и Венгріи прежніе уставы и обычныя учрежденія, задобривъ дворянъ и духовенство выгодными посулами, и умною, уклончивою политикою возстановилъ нарушенное согласіе съ Пруссіей. Благодаря этому въ имперіи мало по малу водворилось спокойствіе. Но распустить брюссельскій конгрессъ успѣлъ онъ только тогда, когда силою принудилъ къ покорности нидерландскихъ республиканцевъ, между которыми, по обыкновенію, возникли раздоры.

Леопольдъ II и Францъ II. Леопольдъ, бывший въ качествѣ великаго герцога Тосканскаго такимъ же ревностнымъ преобразователемъ, какъ и его братъ, только болѣе осторожнымъ, вступивъ на императорскій престолъ, сталъ держаться противоположныхъ правилъ: онъ не только отмѣнилъ большую часть братниныхъ нововведеній въ церкви и государствѣ, но изъ опасенія къ французскимъ революціоннымъ идеямъ стѣснилъ свободу слова и печати и заключилъ съ Пруссіей противъ Франціи наступательный и оборонительный союзъ. Скорая смерть избавила его отъ роковой войны, къ которой побуждалъ его Фридрихъ Вильгельмъ II и которая досталась въ наслѣдство сыну его Францу, государю, соединявшему въ своемъ характерѣ самыя противоположныя черты. Ревниво соблюдая неограниченность своей власти, преслѣдовалъ онъ беспощадно все, что противилось его безусловному самовластію и казалось ему посягательствомъ на святыню его лица; жестокосердіе и безчувственность, какія обнаруживалъ онъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда оскорблялось его самолюбіе или раздражалась недовѣрчивость, не рѣдко затемняли тѣ черты добродушія и популярности, тотъ остатокъ великаго сокровища народнаго блага, вѣрности и любви, которые онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца вмѣстѣ съ трономъ. Естественный врагъ всѣхъ Іосифовыхъ нововведеній, онъ предоставилъ

внутреннія дѣла пагубному вліянію мрачнаго Тугута, чловѣка византійской школы, который отъ умѣренныхъ (хотя и неосторожно ведомыхъ) начинаній Іосифа II круто повернулъ къ старинной системѣ Фердинандовъ и замѣнилъ живую энергию Іосифовской дѣятельности мертвымъ механизмомъ централизаціи, официальныхъ формъ и полицейскаго надзора. Императоръ Францъ II видѣлъ въ наукѣ не чистый, свободный и здоровый цвѣтъ чловѣческаго духа, а только служительницу внѣшнихъ дѣлей; онъ требовалъ отъ нея не ученыхъ, а добрыхъ гражданъ¹: оттого и давала она только скудные плоды и не могла проникнуть въ жизнь, не могла ее облагородить. Въ воспитаніи, въ учебной части, въ администраціи, вездѣ господствовали завѣтно-привычныя формы; механическая рутинна замѣняла и вытѣсняла живое движеніе умовъ, направляющее въ разумныхъ предѣлахъ къ одной общей цѣли самостоятельныхъ членовъ государственнаго союза; обученіе было дрессировкой, администрація — выполненіемъ извѣстныхъ предписаній. Съ особеннымъ пристрастіемъ развивалъ императоръ наслѣдіе своего отца, итальянскую тайную полицію; изъ предусмотрительности она раздѣлена была на разныя отрасли, каждая изъ нихъ состояла подъ контролемъ всѣхъ другихъ, у каждой былъ свой личный составъ и свой родъ дѣлъ, но все въ совокупности сходилось къ особѣ государя и размножало въ высшей степени язву подслушиванья и тайныхъ доносовъ. Ни одна бумага не была безопасна ни въ чьемъ домѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ этой близорукой политики, боявшейся всякой умственной и нравственной высоты и отнимавшей у стремленій націи самыя благородныя ихъ цѣли, было всеобщее направленіе къ одному чувственному наслажденію и развитіе страшной нравственной порчи, которая вѣрнѣе всякихъ политическихъ движеній подрываетъ и губитъ общественный порядокъ въ самыхъ основаніяхъ. Отличавшійся чистотою нравовъ императоръ терпѣлъ въ числѣ своихъ приближенныхъ самыхъ ославленныхъ людей и, цѣня въ нихъ всего больше полную зависимость, предпочиталъ ихъ благороднѣйшимъ натурамъ. Разврату высшихъ

¹ То-есть: онъ допускалъ лишь ту возможно-меньшую долю науки, которая казалась необходимою для образованія такъ-называемыхъ добрыхъ гражданъ, и этимъ произвольнымъ ограниченіемъ стѣснялъ, парализировалъ благотворное вліяніе науки вообще. Наука не даетъ отпускать себя безнаказанно въ пріемахъ, определяемыхъ однимъ внѣшнимъ произволемъ.

сословій данъ былъ такимъ образомъ полный просторъ, и въ самой Вѣнѣ онъ сбрасывалъ съ себя все покровы вѣшняго приличія.

§ 689. в) Пруссія. Сорокъ шесть лѣтъ правилъ Фридрихъ II (1740—86) неограниченно Прусскою державой и присоединилъ къ ней Силезію, часть Польши и княжество Остфризландъ, такъ что при его кончинѣ доставшееся ему отъ отца государство возрасло на 1325 квадратныхъ миль и слишкомъ на три милліона жителей. сдѣлалось великою европейскою державой и пріобрѣло въ Германіи рѣшительный, неодолимый вѣсъ. Какъ самодержецъ, безъ руководящихъ министровъ, безъ любимцевъ и вліятельныхъ фаворитовъ, управлялъ онъ государствомъ по одному собственному произволению и ввелъ многія реформы, положившія начало или служившія подготовкой совершенно новому порядку вещей. Но при этомъ онъ дѣйствовалъ крайне осторожно, не торопиль чрезмѣру ни какимъ дѣломъ и никогда не начиналъ съ того, чѣмъ слѣдовало оканчивать. Исходя отъ того начала, что король первый слуга государства и что общее благо должно составлять для него первую и высшую цѣль, Фридрихъ всегда имѣлъ въ виду благополучіе своего народа; по его мнѣнію правитель для общества то же самое, что голова для тѣла; но положенію этому онъ можетъ удовлетворять только при неизмѣнно вѣрномъ исполненіи своихъ обязанностей и при самой напряженной дѣятельности. Главною заботой его было улучшеніе матеріальнаго быта его страны и пріумноженіе своихъ доходовъ. Для этого развязалъ онъ руки торговлѣ и промышленности, велѣлъ прорыть каналы, облегчить судоходство по рѣкамъ и очистить приморскія гавани, учреждалъ фабрики (берлинскую фарфоровую и другія), и вызывалъ изъ-за границы мастеровъ и художниковъ. Онъ поощрялъ также земледѣліе, лѣсоводство и горное дѣло и заведеніемъ колоній старался о воздѣлкѣ необработанныхъ еще мѣстностей своей страны. Но ревность къ улучшеніямъ приводила его иногда и къ такимъ мѣрамъ, которыя вовсе не соответствовали ея природѣ: таковы напримѣръ шелководство въ Помераніи и Бранденбургѣ и винодѣліе вокругъ Потсдама. Онъ старался по возможности залѣчить раны, нанесенныя Семилѣтнею войной, помогая разореннымъ помѣщикамъ и фабрикантамъ въ Силезіи и Маркіи значительными суммами, освобождая ихъ на многіе годы отъ податей и облегчая судьбу земледѣльческаго класса. — Съ благоденствіемъ подданныхъ возрастали и доходы государя, на увеличеніе которыхъ онъ обращалъ необыкновенное вниманіе. Экономіею въ государственномъ хозяйствѣ,

сбавкою жалованья высшимъ сановникамъ, водвореніемъ простоты въ придворномъ быту, сберегалъ онъ большія суммы, а развитіе промышленности, торговли и земледѣлія дали ему возможность возвысить полати безъ отягощенія подданныхъ. Самъ онъ подавалъ достойнѣйшій подражанія примѣръ бережливости, съ неутомимой бдительностью наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто изъ его подданныхъ не терпѣлъ отъ злоупотребленій или отъ крайней нужды, чтобы каждый пользовался одинакимъ правомъ и одинакою защитою закона, и все средства, стекавшіяся въ его руки, онъ опять таки употреблялъ ко благу и величію вѣренной ему страны: вотъ отчего казались легче самыя тягости, цѣною которыхъ покупалось такое величіе и такая благотворная власть. Только въ позднѣйшее время сталъ онъ прибѣгать къ дѣйствительно тяжкимъ и гнетущимъ мѣрамъ. Сюда особенно принадлежитъ пошлинная и акцизная администрація (регія, акцизное коммиссіонерство), введенная Фридрихомъ вѣроятно по совѣту французскаго главнаго откупщика Гельвеція, для взиманія косвенныхъ сборовъ, наложенныхъ на кофей, табакъ, соль и другіе предметы, и состоявшая изъ четырехъ главныхъ надсмотрщиковъ, съ огромнымъ жалованьемъ, и тысячи низшихъ смотрителей; все они были Французы. Эти смотрители старались отвортить всякой тайный торгъ обложеннымъ пошлиною товаромъ (контрабанду) и своей наглостью и высокоуміемъ навлекли величайшую ненависть этому учрежденію, и безъ того крайне притѣснительному для средняго класса и крестьянъ. — Однакожь, благодаря своей пошлинной администраціи и столь же опаснымъ для народнаго благосостоянія лотереямъ, король умѣлъ вести дѣла свои такъ, что не смотря на большіе расходы по военной части и дорогимъ, великолѣпнымъ сооруженіямъ (берлинскій оперный театръ, соборная церковь, университетъ, новый дворецъ, потѣшный замокъ Сансусей въ Потсдамѣ и мног. друг.), казна его всегда была полна, и, умирая, онъ оставилъ своему племяннику Фридриху Вильгельму II 72 милліона талеровъ наличною монетою и превосходно вооруженное войско въ 200,000 человѣкъ. — Главная забота Фридриха была обращена на военную часть, какъ на первую основу прусскаго могущества; поэтому при учрежденіи берлинской военной академіи и разныхъ кадетскихъ корпусовъ всего болѣе имѣлъ онъ въ виду образованіе изъ молодаго дворянства офицеровъ. Такое предпочтеніе, оказываемое своему и иноземному дворянству по военной службѣ, въ ущербъ среднему сословию, много способствовало упадку этой части, обнаружившемуся векоръ по смерти Фрид-

риха. — Король всего менѣе обращалъ вниманія на церковныя и учебныя дѣла. Учительскія должности въ небольшихъ мѣстечкахъ часто замѣщались отставными унтеръ-офицерами, чтобы только пристроить послѣднихъ, а высшія учебныя заведенія поручалъ въ завѣдываніе Французамъ. Чтожъ касается религіи и церкви, которыя преуспѣваютъ обыкновенно лучше при мѣньшемъ, нежели при излишнемъ попечительствѣ со стороны властей, для нихъ послужило въ большую пользу то, что Фридрихъ первый открыто заявилъ начало христіанской вѣротерпимости и держался его на самомъ дѣлѣ. Благодаря своему образованию и вольномысленному направленію ума, онъ естественно стоялъ выше богословскихъ перебранокъ и мелочныхъ препирательствъ въ сферѣ церковности, и хотя нельзя признать отраднымъ явленіемъ ту французскую философію, которой убѣжденія онъ раздѣлялъ, однакожъ нельзя не отдать ей справедливости въ томъ смыслѣ, что она возвратила разуму утраченные имъ права, ослабила религіозную ненависть и содѣйствовала къ водворенію болѣе свободнаго, гуманнаго образованія. — Гораздо болѣе неся Фридрихъ о судебной части, гдѣ онъ устранилъ бездну золь. Пытка и жестокія, позорныя казни среднихъ вѣковъ были уничтожены; судопроизводство упрощено и ускорено; законы подвергались благовременнымъ преобразованіямъ; введенное при его преемникѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ II, «общее земское уложеніе» (allgemeines Landrecht), изготовлено въ царствованіе Фридриха. Въ этомъ новомъ уложеніи высказана была та мысль, что «Пруссія — государство правомѣрное (ein Rechtsstaat), что самая власть короля подчиняется существующимъ законамъ, что королевскія распоряженія не законъ, что «естественная свобода» гражданина никогда не можетъ подлежать инымъ стѣсненіямъ, кромѣ тѣхъ, какихъ требуетъ цѣль общаго блага». Фридрихъ хотѣлъ водворить этимъ уложеніемъ такое право, которое основано только на разумѣ и на коренныхъ уставахъ края. Но важнѣе всѣхъ возможныхъ указовъ и учреждений было то, что Фридрихъ II самъ входилъ во всѣ подробности управленія, тщательно освѣдомлялся при своихъ путешествіяхъ о ходѣ судопроизводства и администраціи, побуждалъ нерадивыхъ, наказывалъ недобросовѣстныхъ. Неумоимо дѣятельный съ ранняго утра до поздней ночи, успѣвалъ онъ знакомиться съ положеніемъ своего государства во всей подробности, и его диктаторскій обычай, не пренебрегавшій, при случаѣ, даже и палкою, наводилъ невольный страхъ на лѣнтяевъ и безсовѣстныхъ. Фридрихъ II былъ такая личность, которой вы-

сота снова подняла всю націю безъ различія племенъ, мнѣній, религіозныхъ исповѣданій. Неумоимый, дѣятельный, бдительный король въ своей безпритязательной простотѣ, съ своимъ зоркимъ глазомъ, своимъ непоколебимымъ здравомысліемъ, своимъ презрѣніемъ ко всему выказному, ко всякой лжи, лести, съ своей любовью къ правдѣ и правосудію, — этотъ необыкновенный государь, безконечнымъ числомъ воспоминаній, рассказовъ и анекдотовъ, вошелъ во всѣ сферы народной жизни и сдѣлался живымъ достояніемъ всего германскаго народа, какъ ни какая другая личность его исторіи. Это единственный человѣкъ, которому среди общаго распаденія великой націи удалось пустить глубокіе корни въ цѣломъ обширномъ ея кругу. — Одно только свойство великаго короля часто и справедливо подвергалось укоризнѣ — его пристрастіе къ чужеземному, его непризнательность и пренебреженіе къ отечественному. Причинъ тому относительно языка и литературы искать не далеко. Когда онъ вступилъ на престолъ, надъ нѣмецкою поэзіей и литературой вполне властвовалъ Готшедъ съ своею школою, и ихъ бездарныя подражанія, ихъ жалкіе переводы французскихъ стихотвореній, разумѣется, не могли удовлетворить высокихъ требованій Фридриха. Онъ естественно обратился къ ясному и полированному, но пустому и лишнему фантазіи стихотворству Французовъ, удивлялся Вольтеру какъ поэту и философу даже и тогда, когда они разстались врагами и наговорили другъ другу самыхъ оскорбительныхъ вещей, и велъ съ литературными извѣстностями Франціи непрерывную переписку по-французски. Въ позднѣйшіе года у него не было ни охоты, ни досуга измѣнять воззрѣнія своей лучшей поры; онъ не хотѣлъ знать совершеннаго преобразованія нѣмецкой литературы Клопштокомъ и Лессингомъ¹. — Но Фридрихъ былъ читателемъ

¹ Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что теперь, мысленно озиряясь на ту эпоху, мы ясно видимъ, какъ сильно вліяли побѣды Фридриха въ Семилѣтнюю войну на пробужденіе общаго національнаго самосознанія въ Германіи. Конечно, такому крайне трезвому и разсудочному человѣку какъ Фридрихъ, восторженная, задушевная поэзія Клопштока не могла вообще быть по душѣ: религіозныя стихотворенія напоминали вольномысленному королю только дни его юности, когда его сажали твердить духовныя гимны за наказаніе. Но онъ не обращалъ вниманія даже и на вызванныя его побѣдами патріотическія пѣсни какого-нибудь Кречмана, Денниса и друг. Прусскій монархъ въ то время вовсе не имѣлъ въ виду Германіи: онъ трудился для одной Пруссіи — и только. Критическій умъ Лессинга, такъ безпощадно разоблачавшій дорожную Фридриху французскую поэзію, также не могъ приидти ему по вкусу, а между тѣмъ проходила для него та пора, когда еще сравнительно легко переиживать свои прежде выработанные взгляды. Его умъ

французскаго вкуса не въ одной литературѣ: все приемы, вся дѣятельность этой націи возбуждали его удивленіе и по возможности служили ему образцомъ. Французскіе прошлецы цѣлыми сотнями находили себѣ почетъ и кусокъ хлѣба въ Пруссіи, а какъ это пристрастіе къ чужеземному было въ модѣ и при другихъ дворахъ, то вся Германія кишѣла подбитыми вѣтеркомъ Французами. Парижскіе парикмахеры, языкоучители и танцмейстеры, при замѣщеніи высшихъ придворныхъ и административныхъ должностей, часто предпочитались самымъ заслуженнымъ туземцамъ; ихъ легкомысліе, ихъ страсть наслаждаться модными удовольствіями, сильно вредили старо-нѣмецкой простотѣ, чинности, чистотѣ нравовъ, отравляли публичную жизнь и портили общественный тонъ въ значительнѣйшихъ городахъ.

§ 690. Фридрихъ Вильгельмъ II (1786 — 97). Преемникъ Фридриха II, Фридрихъ Вильгельмъ II, во многомъ не держался правилъ своего дяди. Стѣснительное акцизное управленіе вмѣстѣ съ табачною и кофейною монополіей было совершенно отмѣнено, французскіе чиновники были уволены, военное и податное устройство преобразованы такъ, что они менѣе тяготили простонародіе; на нѣмецкое образованіе обращалось гораздо болѣе вниманія, равно какъ на учебную и воспитательную часть, для завѣдыванія которою учреждено «главное правленіе училищъ» (Oberschulencollegium); сельское хозяйство, промышленность и торговля также находили поощреніе, и сообщенія облегчались устройствомъ искусственныхъ дорогъ. Но благодаря превратной внѣшней политикѣ, безнравственной придворной жизни и стѣсненію умственной свободы внутри, Прусская держава утратила то достоинство и ту свободу въ дѣйствіяхъ, какія придалъ имъ Фридрихъ II. Сторонникъ системы политическаго равновѣсія, министръ Герцбергъ, склонилъ короля къ безцѣльному союзу съ Портою (1789), чтобъ удержать Австрію и Россію отъ расширенія своихъ предѣловъ на счетъ Турціи или чтобъ достигъ новаго раздѣла земель, по которому Данцигъ и Торнъ

былъ преимущественно занять уже совсѣмъ другимъ; его поглощали многотрудныя государственныя дѣла, важныя, не терпѣвшія отлагательства практическія задачи. А между тѣмъ отвращеніе Фридриха къ нѣмецкой литературѣ быть-можетъ послужило ей болѣе въ пользу, чѣмъ послужило бы самое ревностное покровительство съ его стороны. Новое поколѣніе писателей и безъ того стремилось прославить нѣмецкое имя на поприщѣ науки и литературы, какъ Фридрихъ прославилъ его на поприщѣ побѣдъ, но при этомъ сохранило полную независимость своихъ стремленій; тогда какъ покровительство умнаго и энергическаго монарха, какимъ былъ Фридрихъ, по всей вѣроятности наложило бы на всю литературную дѣятельность свою рѣзкую и во всякомъ случаѣ одностороннюю печать.

вошли бы въ прусскія владѣнія. Эта политика, которая повидимому сдѣлала на время Пруссію рѣшительницею европейскихъ дѣлъ, при шаткомъ, ненадежномъ образѣ дѣйствій Фридриха Вильгельма приняла для него наконецъ оборотъ неблагоприятный; содержаніе значительнаго войска на военномъ положеніи причиняло большіе расходы, на которые безъ пользы потрачена важная часть сбереженій, оставленныхъ Фридрихомъ. Но еще хуже этого было нравственное униженіе Прусской державы. Перехитренная Австріей на Рейхенбахскомъ конгрессѣ (іюль 1790), Пруссія покинула свое властительное положеніе, не достигнувъ ни чаяннаго расширенія своихъ предѣловъ, ниже какой иной выгоды, даже не доставивъ ни какого облегченія Оттоманской Портѣ, и такимъ образомъ сошла съ пути прежней рѣшительной, смѣлой и дѣятельной политики. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было полное торжество Австріи въ Нидерландахъ и въ Люттихѣ. Здѣсь подданные мѣстнаго князя епископа принудили его къ устраненію нѣкоторыхъ злоупотребленій и къ преобразованію политическаго устройства. Недовольный переменами, епископъ убѣждалъ, вѣроломно отмѣнилъ все свои уступки, сталъ искать помощи и нашелъ ее у верховно имперскаго суда. Къ Люттиху были двинуты экзекуціонныя войска, но отбиты. Пруссія напрасно старалась покончить дѣло своимъ посредничествомъ. Вліяніе Трира и Кельна переселило въ Вецларъ и повело къ тому, что австрійскія войска вступили изъ Брабанта въ Люттихъ и насильно возстановили прежній порядокъ (1794). Вслѣдствіе того эта пограничная земля вскорѣ потомъ отпала къ Франціи. Еще менѣе заслужило себѣ похвалы внутреннее управленіе Фридриха Вильгельма II. Чтобы противустать антицерковнымъ стремленіямъ, закрывшимся въ Пруссію подъ защитой Фридриха II и выродившимся до самой пошлой плоскости, а вмѣстѣ и подавить разсудочно религіозное (раціоналистическое) направленіе, распространенное на почвѣ нѣмецкой литературѣ трудами Николаи и его единомышленниковъ⁴, король по совѣту штеитическаго оберфинанцра-

⁴ Эта раціоналистическая партія, которой средоточіемъ былъ Беранъ и въ главѣ которой стоялъ Николаи (1733 — 1811) съ своею «Всеобщою нѣмецкою бібліотекою», шла по стопамъ англійскихъ деистовъ, старалась выставить общепользную и общепонятную сторону христіанскаго ученія и ратовала противъ партіи строгихъ ревнителѣй, предводимой главнымъ пасторомъ въ Гамбургѣ, Мельхiorомъ Геце. Николаи, своимъ сатирическимъ романомъ: «Жизнь и мѣнія магистра Зебаляда Нотанкера» и Лессингъ (1729 — 84) своимъ «Антигѣце» совершенно сбили его съ поля сраженія. Но рядомъ съ ригористами, хотя и вовсе не церковнымъ путемъ, выступили на защиту безусловной вѣры мистики: католическаго княгиня Голицына, извѣстный подъ именемъ «Сѣвернаго волхва»

та Вёльнера издалъ знаменитый религіозный эдиктъ, который запрещалъ духовнымъ лицамъ, подъ страхомъ лишенія должности, отступать въ чемъ бы то ни было отъ церковнаго вѣроученія (установленнаго символическими книгами), поставилъ опредѣленіе пасторовъ и учителей въ зависимость отъ предварительнаго испытанія ихъ въ правовѣрїи, подвергъ и тѣхъ и другихъ строжайшему надзору и предоставлялъ частнымъ лицамъ свободу совѣсти только съ тѣмъ условіемъ «чтобы каждый мирно исполнялъ свои обязанности какъ добрый гражданинъ, храня про себя всякое особенное мнѣніе и отнюдь не распространяя его въ обществѣ». Это ограниченіе свободы вѣры и преподаванія возбудило сильное противорѣчіе, которое болѣе строгій цензурный уставъ, разумѣется, ни чуть не успокоилъ. Вліяніе г-жи Рицъ, дочери придворнаго музыканта Энке, пожалованной въ графини Лихтенау, равно какъ и вліяніе всей пѣтистической камарилли (Вёльнера, Бишофсвердера и друг.) на чувственнаго и мистическаго короля было такъ же пагубно для чести и достоинства Прусской державы, какъ и непатріотическая политика какого-нибудь Гаугвица, Луккезини и Ломбарда. Привѣтствуемый сначала ликованіемъ и лестью, прозванный «многолюбимымъ», Фридрихъ Вильгельмъ II подвергся потомъ чрезмѣрному позору и порицанію. Пріобрѣтеніемъ франконскихъ княжествъ Байрѣйта и Анспаха (съ которыми перешелъ къ Пруссїи и орденъ Краснаго Орла) и участіемъ въ раздѣлѣ Польши, Прусское государство при Фридрихѣ Вильгельмѣ II возрасло и объемомъ и народонаселеніемъ. Быстрое возвышеніе Пруссїи и значительное расширеніе ея предѣловъ наполнили дворъ, дворянство и армию слишкомъ высокими мнѣніемъ о самихъ себѣ; это самомнѣніе, еще возросшее отъ военной удачи въ Голландїи (§ 677), въ послѣдствїи оказалось крайне пагубно для государства. Приписывали собственной заслугѣ то, что преимущественно было благословеннымъ трудомъ гениальнаго властителя, и не замѣчали недостатковъ, скрывавшихся подъ личной виѣшняго блеска.

Фридрихъ Вильгельмъ II, его министры и любимцы. Фридрихъ Вильгельмъ II (род. 1744) соединялъ съ твердою, обогащенною историческимъ изученіемъ памятью, здравость сужденія, благород-

Гамантъ, Фр. Г. Якоби, графъ Фр. Леоп. Шталъбергъ и наконецъ, замѣчательнѣйшіе для всѣхъ Юнгъ Штиллингъ (1740—1817) и цюрихскій пасторъ Лафатеръ (1741—1804). Съ послѣднимъ боролись орудіемъ остроумной насмѣшки особенно Виладъ и Лихтенбергъ. Исхода съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, рационализмъ и догматизмъ никогда не могутъ сойтись между собою.

ный, доброжелательный характеръ и живое чувство собственнаго достоинства; эти хорошія свойства затмѣвались однакожь сластолюбіемъ, поставившимъ его въ зависимость отъ фаворитокъ, склонностью къ чудесному, доходившею до духовидѣнія, вслѣдствіе чего самые посредственные, но хитрые люди овладѣвали имъ совершенно, и наконецъ — недостаткомъ выдержки и настойчивости. Но большую часть грѣховъ его царствованія должно приписать самому народу, который сначала безъ всякаго удержа и стыда пресмыкался передъ его фаворитами Бишофсвердеромъ и Вёльнеромъ и передъ его любовницами, а потомъ мѣшалъ исполненію его лучшихъ политическихъ плановъ и недостойно злоупотреблялъ его щедростью при раздачѣ польскихъ маентностей. Гансъ Рудольфъ фонъ Бишофсвердеръ, рожденный около 1741 въ тюрингенской Саксонїи, потомъ состоявшій въ военной и придворной службѣ разныхъ государей, со времени войны за баварское наслѣдство протѣнился ближе къ принцу Прусскому и сдѣлался съ тѣхъ поръ неразлучнымъ его спутникомъ и совѣтодавцемъ. Обладая тонкимъ, коварнымъ умомъ, удивительною сдержанностью, надѣленный истиннымъ талантомъ царедворца казаться незначительнымъ, и въ то же время мастерски импонировать другимъ таинственною, мистико торжественною наружностью, полный властолюбія, но никогда не выказывавшій его въявь, онъ умѣлъ совершенно опутать безподозрительную, открытую натуру Фридриха Вильгельма, и развѣ только вліяніе одной г-жи Рицъ способно было по временамъ перевѣшивать его силу. — Іоаннъ Христофоръ фонъ-Вёльнеръ, рожденный 1738 въ Дёберницѣ близъ Шпандау, началъ съ того, что занимался богословіемъ и съ 1755 былъ пасторомъ въ Беницѣ, но въ 1759 покинулъ это званіе и сдѣлался собесѣдникомъ одного дворянина изъ Мархіи, молодаго Иценплица, бывшаго своего питомца, сталъ товарищемъ его по арендѣ Беницкихъ имѣній, а наконецъ и его зятемъ. Прежде онъ выступалъ на поприще литературы только съ печатными проповѣдями, а теперь вполне отдался сельскому и государственному хозяйству; литературные опыты сдѣлали его даже сотрудникомъ «Всеобщей нѣмецкой библіотеки» Николаи. Съ 1782 г. онъ преподавалъ по тѣмъ же частямъ наслѣднику прусскаго престола, потомъ былъ однимъ изъ тѣхъ на кого посыпались дворянскіе титулы при вступленїи принца на престолъ (1786) и вмѣстѣ съ званіемъ тайнаго оберфинанцрата получилъ главный надзоръ за королевскими постройками, а равно и наблюденіе за такъ-называемою диспозиціонною (расходною) кассой. Пестрая эта жизнь

обличала въ немъ такое же умѣнье пользоваться обстоятельствами и людьми, какъ и у Бишофвердера; только у Вельнера къ натурѣ интриганта примѣшивалось еще ханжество и поповское властолюбіе. Оба они были давними пріятелями; Вельнеръ своимъ возвышеніемъ отчасти обязанъ былъ поддержкѣ Бишофвердера; оба были въ связяхъ съ мистическими обществами, которыхъ тайныя козни, духовидчество и разныя другія затѣи составляли такую чудную противоположность съ тогдашнею страстью къ просвѣщенію. Всегда будетъ трудно опредѣлить, до какой степени эти люди и ихъ единомышленники злоупотребляли своею властью надъ слабою душой и пылкою фантазіей короля для разныхъ розенкрейцеровскихъ фокусовъ; но между современниками сохранилось богатое разсказами преданіе о тѣхъ преступныхъ обманахъ этого рода, благодаря которымъ они будто бы обезпечили свою власть надъ душой Фридриха Вильгельма. — Гаугвицъ, маленькій человекъ, съ радужнымъ лицомъ и обязательною манерой, но съ выраженіемъ чего-то поверхностнаго и ненадежнаго, обладалъ ловкимъ, гибкимъ, хитрымъ умомъ, но не имѣлъ ни чистоты, ни стойкости, ни правдивости въ нравѣ. Въ теченіе своей жизни облакался онъ въ разнообразныя формы, которыя противорѣчили одна другой: то являлся сладкимъ студентомъ, то — подражателемъ такъ называемыхъ геніевъ, нѣмецкихъ умниковъ съ стремленіемъ къ ничѣмъ неодолимому чудачеству, то — сельскимъ хозяиномъ, евософомъ, духовидцемъ, ханжей, приверженцемъ гернгутеровъ, въ чьихъ рукахъ онъ воспитывался и въ чьемъ духѣ сочинилъ молитвенную книгу. Подъ конецъ увидѣли его распувшимъ и сластолюбивымъ до истощенія послѣднихъ силъ, человекомъ поверхностнаго бельлетристическаго и свѣтскаго образованія, которое онъ приобрѣлъ изъ книгъ и путешествій, но безъ всякихъ основательныхъ свѣдѣній, безъ всякой опытности въ дѣлахъ, притомъ лѣнивымъ, истомленнымъ и разсѣяннымъ. Съ такими свойствами онъ не всеялялъ къ себѣ ни уваженія, ни довѣрія, да не былъ и способенъ взяться за какую бы ни было великую мысль и осуществить ее на дѣлѣ въ борьбѣ съ великими препятствіями. Онъ находился въ зависимости отъ приближенныхъ короля, особенно отъ кабинета совѣтника Ломбарда, съ которымъ онъ состоялъ въ короткости, доходившей до пошлаго цинизма, а связь его съ меньшимъ братомъ Ломбарда, Петромъ, была даже самаго отвратительнаго свойства. — Луккезини былъ человекъ съ большимъ умомъ, развитымъ и учеными свѣдѣніями и свѣтскою опытностью, чрезвычайно тонкій и хитрый, мастерски разсчитливый эгоистъ, всегда готовый отступиться отъ своего мнѣнія

въ избѣжаніе столкновений, — человекъ, который пользовался высшей степенью довѣрія при прусскомъ дворѣ и все-таки покончилъ тѣмъ, что принялъ мѣсто камергера при Элизѣ Баччюкки¹.

§ 690. 6. Духовныя владѣнія. Преобразовательныя стремленія Фридриха и Иосифа нашли себѣ подражаніе и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, особенно въ духовныхъ княжествахъ. Еще въ первой половинѣ 18 вѣка духовныя области отставали отъ другихъ странъ въ образованіи и довольствѣ; епископы правители, безъ любви и интереса къ своему народу, проводили въ сластолюбивой праздности краткое по большей части время своего правленія, устраняли всякую новизну и вмѣсто того, чтобы пробуждать въ народѣ честолюбіе труда и поощрять торговлю, земледѣліе и промышленность, они до такой степени поддерживали лѣность и бездѣятельную жизнь, что изъ 1000 человекъ, жившихъ на каждой квадратной милѣ духовныхъ владѣній, насчитывалось 50 клириковъ и 260 нищихъ. Напротивъ, во второй половинѣ того же вѣка, и въ духовныхъ курфюршествахъ прирейнскихъ и въ епископско-княжескихъ областяхъ Вестфалии, по берегамъ Майна и въ другихъ мѣстахъ, обнаружилось ревностное стремленіе вырвать народъ изъ отупѣнія и бездѣятельности, проложить пути образованію и промышленному производству, пробудить въ душахъ спасительныя начала вѣротерпимости и озарить вертепы невѣжества и нравственной тьмы лучами духовнаго просвѣщенія. Въ Кельнѣ, гдѣ въ теченіе 37 лѣтъ (1724—61) управлялъ съ царственнымъ блескомъ Климентъ Августъ Баварскій, сооружая дворцы и великолѣпныя зданія, награждая и угощая щедрою рукой свою приближенную аристократію, — преемники его Максъ Фридрихъ (1761—84) и Максимилианъ Францъ (братъ императора Иосифа) оба обращали свои заботы на улучшеніе училищной части и судопроизводства и старались поднять благосостояніе страны сокращеніемъ числа праздниковъ и поощреніемъ промышленной дѣятельности. — Въ Мюнстерѣ, котораго епископъ былъ курфюретъ Кельнскій, крайне благотворно дѣйствовалъ, въ смыслѣ Фридриха II, каноникъ фонъ-Фюрстенбергъ, бывшій тамъ главнымъ министромъ со времени Семилѣтней войны. Сильно пострадавшій отъ этой войны край, снова поправился и ожилъ, бремя долговъ его было облегчено, земледѣліе и промыслы поощрялись бдительной заботливостью, во всехъ

¹ Онъ оставилъ прусскую службу въ 1807 г., потому что король не утвердилъ конвенціи, заключенной Луккезини съ Французами послѣ несчастной Іенской битвы.

сферахъ маленькаго государства пробудились жизнь и движеніе, обращено было вниманіе на улучшеніе школъ и образованіе духовенства, а администрація, судебная и полицейская часть доведены до такого состоянія, какого не видано прежде ни въ одной изъ этихъ церковныхъ областей. — Въ Трирскомъ курфюршестве, гдѣ за простымъ, старообычнымъ Францемъ Георгомъ фонъ-Шенборномъ, и любившимъ роскошь, расточительнымъ Іоанномъ Филиппомъ (фонъ-Вальдерндорфомъ), на архіепископскую кафедру вступилъ саксонскій принцъ Климентъ Венцеславъ (1768), старое и новое направленіе еще боролись между собою. Будучи старовѣромъ въ душѣ, и преданный аристократическимъ и художественнымъ наклонностямъ своего дома, самъ онъ былъ конечно чуждъ новымъ идеямъ, но не могъ не уступить имъ въ томъ смыслѣ, что вводилъ разныя улучшенія, чтобъ подвять промышленность и трудъ, предпринялъ преобразованія по учебной части и изданіемъ въ 1783 году эдикта о вѣротерпимости облегчилъ водвореніе протестантскихъ кушцовъ и фабрикантовъ въ своихъ владѣніяхъ. — Въ Майнцскомъ курфюршестве съ 1763 г. однанадцать лѣтъ управлялъ Эммерихъ Іосифъ, благородный, умный человекъ, украшенный свойствами чистѣйшаго благожелательства и безграничной доброты, щедрый безъ расточительности, благочестивый епископъ и вмѣстѣ досужій и бдительный правитель. Онъ велѣлъ проложить новыя дороги и облегчилъ узы, связывавшія торговлю въ томъ краю, и не раздѣляя въ предметахъ вѣры мнѣнія вольномысленныхъ просвѣтителей, но совершенно подчиняясь гуманнымъ и кроткимъ воззрѣніямъ своей эпохи онъ наложилъ преобразовательную руку на церковный и монастырскій порядокъ, улучшилъ училищную часть и оказывалъ благородную терпимость къ иномыслящимъ. Но въ государствѣ, гдѣ на 320,000 жителей считалось 2928 лицъ духовнаго званія и 2200 чиновниковъ на жалованьи, было много такихъ золь, которыхъ не могъ исцѣлить и самый благонамѣренный, самый благородный правитель. Преемникъ его Фридрихъ Карлъ, прелать съ французскимъ образованіемъ и французскими нравами, почитатель Вольтеровыхъ началъ, щеголавшій терпимостью до того, что окружилъ себя многими литературными знаменитостями изъ протестантовъ, каковы Мюллеръ, Форстеръ, Гейнзе, былъ въ сущности совершенно безсильнымъ государемъ, которымъ владѣли женщины и придворные и который былъ дѣйствительно расположенъ только къ древнему дворянству, изъ котораго выбирались каноники, къ священникамъ и монахамъ. Потребности и роскошь многочисленнаго дворян-

ства и не менѣ многочисленнаго духовенства поддерживали въ Майнцѣ огромное число занятыхъ бездѣльниковъ, пособниковъ или орудій сластолюбивыхъ затѣй знати, и примѣръ праздности, невѣжества и чувственныхъ услажденій, даваемый свыше, воспитывалъ въ самомъ народѣ ту же изнѣженность, то же легкомысліе, ту же пустоту, какими отличалось по преимуществу духовное населеніе. — Во франконскихъ архіепископствахъ Бамбергѣ и Вюрцбургѣ съ 1779 по 1795 благотѣльно управлялъ по примѣру Фридриха II Францъ Лудвигъ фонъ-Эрталъ. Подобно Фридриху, онъ также считалъ себя первымъ гражданиномъ и слугою государства и настойчиво вооружался противъ всякихъ злоупотребленій. Администрація и судъ были обставлены наилучшимъ образомъ, финансы приведены въ разумный порядокъ, благотворительныя заведенія управлялись отлично, школы улучшились, университетъ поощрялся въ духѣ свободы и вѣротерпимости. Въ духовныхъ кружкахъ Вюрцбурга господствовали веселая общительность, образованный, непринужденный тонъ и живой интересъ къ наукѣ. Рѣзкую противоположность этимъ духовнымъ державамъ съ кроткимъ патриархальнымъ управленіемъ представляли южногерманскія церковныя княжества, гдѣ вмѣстѣ съ умственнымъ просвѣщеніемъ устранялось всякое матеріальное и нравственное улучшеніе. Но здѣсь, точно такъ же какъ и на сѣверѣ, въ народѣ обнаруживалось неопредѣленное стремленіе къ новому порядку вещей; мысль, что духовнымъ владѣніямъ долѣе не удержаться, нашла себѣ путь во все сословія. Преобразованія обнаружили существующее зло въ настоящемъ его свѣтѣ и пробудили неодолимую страсть къ нововведеніямъ даже и тамъ, гдѣ ихъ совершенно чуждались. Лѣность духовнаго чина, сладострастіе дворянства, подкупность администраціи и суда стали предметомъ общаго негодованія особенно съ тѣхъ поръ какъ увидѣли собственными глазами лучшіе порядки въ другихъ духовныхъ государствахъ.

4. Россія при Екатеринѣ II (1762—1796) и раздѣлъ Польши.

§ 691. а) Внутреннія дѣла. Утвержденіе Екатерины II на престолѣ обошлось не безъ попытокъ къ возстанію. Первое изъ нихъ было подавлено въ самомъ зародышѣ и стоило жизни несчастному Іоанну Антоновичу (1764), во имя котораго этотъ мятежъ былъ начатъ. Виновикъ его, подпоручикъ Мировичъ, былъ казненъ отсѣченіемъ головы. Другое возстаніе, лѣтъ десять позже, приняло гораздо обширѣйшій

объемъ и грозило великою опасностью имперіи, занятой тогда турецкою войной и польскими дѣлами и еще не успѣвшей успокоиться отъ волненія, порожденнаго страшнымъ распространеніемъ чумы даже въ московскіе предѣлы (1771). Это второе возмущеніе произвелъ донской козакъ Пугачевъ, выдававшій себя за императора Петра III (1773 — 74). Опираясь на многихъ клириковъ и на старовѣровъ, по прежнему возмущенныхъ мнимыми церковными нововведеніями, собралъ онъ многочисленныя шайки козаковъ и крѣпостныхъ людей, которымъ обѣщаль освобожденіе отъ помѣщиковъ, и обходилъ съ ними приволжскіе края, грабя, опустошая и убивая на смерть. Пугачевъ овладѣлъ между прочимъ Казанью, велѣлъ чеканить монету съ изображеніемъ Петра III и уже готовъ былъ направиться къ Москвѣ, гдѣ могъ ожидать себя значительнаго числа сторонниковъ, когда дѣйствовавшимъ противъ него генераламъ удалось окружить его въ степи со всѣхъ сторонъ, и онъ наконецъ былъ выданъ своими же сообщниками, привезенъ въ Москву и преданъ жестокой казни (января 1775). — Екатерина обладала великими властительскими способностями и самымъ воспримчивымъ умомъ, такъ что могла бы быть достойною преемницею Петра Великаго. Это была женщина высокаго образованія, преданная началамъ новѣйшей философіи той эпохи; она состояла въ перепискѣ съ Вольтеромъ и людьми такого же образа мыслей и побудила Дидро пріѣхать на короткое время въ Петербургъ. Въ духъ возникшихъ тогда гуманистическихъ теорій, она, подобно другимъ государямъ своего времени, также предначертала разныя преобразованія, которыя однакожъ, по большей части, оказались неосуществимыми при скудномъ просвѣщеніи русскаго народа, а потому и были оставлены почти въ самомъ ихъ началѣ. Къ числу такихъ замысловъ принадлежитъ планъ ввести для всей необъятной имперіи общее уложеніе, основанное на началахъ Монтескьё: въ неисполности этого плана императрица убѣдилась при первыхъ же совѣщаніяхъ депутатовъ, созданныхъ для этой цѣли изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ Россіи. Зато произведены были дѣйствительныя улучшения въ судебной части, управленіе губерніями организовано въ видахъ правильнѣйшаго распредѣленія и успѣшнѣйшаго хода дѣлъ (1775), надзоръ за училищами и благотворительными заведеніями ввѣренъ особому вѣдомству. Императрица старалась о приращеніи свободнаго средняго сословія учрежденіемъ и поощреніемъ городскихъ обществъ, старалась также объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, для чего въ 1765 г. основано было въ Петербургѣ Вольное Экономическое

Общество» и вызваны десятки тысячъ иностранныхъ колонистовъ; но благія намѣренія, высказанныя ею относительно смягченія участи крестьянъ въ «Наказѣ къ сочиненію новаго уложенія», — эти намѣренія остались безъ всякихъ послѣдствій. Заботливость свою о распространеніи народнаго образованія Екатерина заявила учрежденіемъ разныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ, въ чемъ и сама принимала личное участіе какъ писательница. Памятниками стремленій ея по этому благому пути остались громадныя Воспитательныя Дома въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Смольный (бывшій Воскресенскій) монастырь для воспитанія дѣвицъ высшаго и средняго сословія, кадетскіе корпуса, инженерный и артиллерійскій. Къ сожалѣнію истощеніе денежныхъ средствъ помѣшало императрицѣ осуществить обширныя ея планы учрежденія народныхъ училищъ по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, для обученія наукамъ математическимъ, естественнымъ и словеснымъ, не говоря уже объ университетахъ, которые предполагалось открыть въ Пензѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Псковѣ, и которыхъ не было открыто ни одного. Но, говоря вообще, науки и искусства находили въ ней щедрую покровительницу, а начала разумной вѣротерпимости одну изъ просвѣщеннѣйшихъ поборницъ. Старообрядцамъ, не чуждавшимся совершенно православной церкви и готовымъ принимать отъ нея священниковъ, дозволено было имѣть свои храмы; особенная раскольничья контора была упразднена и раскольниковъ велѣно вѣдать наравнѣ со всѣми другими подданными имперіи; въ 1782 г. они были освобождены отъ двойнаго подушнаго оклада, который платили со временъ Петра Великаго. — Къ числу важнѣйшихъ мѣръ внутренняго управленія принадлежатъ: отобраніе въ казну обширныхъ церковныхъ имуществъ, задуманное еще Петромъ I, и совершенное уничтоженіе гетманства въ Малороссіи. Начавшееся заселеніе новороссійскихъ степей и введеніе тамъ невиданнаго прежде губернскаго управленія подавало поводъ къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ съ Запорожцами, почувствовавшими отъ того стѣсненіе въ своихъ первобытныхъ промыслахъ — скотоводствѣ и звѣроловствѣ. Стремленіе отстоять за собой прежнія вольности, то-есть собственно просторъ и приволье полудикаго быта, увлекли ихъ къ безпокойнымъ волненіямъ, и въ 1775 г., по повелѣнію императрицы, Потемкинъ занялъ Запорожскую Сѣчь; часть козаковъ ушла оттуда въ турецкія владѣнія, а остальная обращена черезъ нѣсколько лѣтъ въ особое ополченіе, подъ именемъ Черноморскихъ козаковъ, и ей отве-

лены земли между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями. — Изъ числа близкихъ къ императрицѣ людей первостепенную роль играли братья Орловы, графы Григорій и Алексѣй Григорьевичи, которые своею отважною рѣшимостью много содѣйствовали къ возведенію ея на престолъ; потомъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, главный совѣтникъ Екатерины по дѣламъ виѣшней, отчасти и внутренней политики, и наконецъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, учредитель и организаторъ Новороссійскаго края, гдѣ положилъ онъ начало всему, что процвѣтаетъ тамъ и до сихъ поръ. Когда Екатерина впервые посѣтила этотъ край въ 1787 г., въ сопровожденіи императора Иосифа, много было подготовлено для нихъ только на показъ въ видѣ великолѣпной театальной обстановки, но съ другой стороны уже много было сдѣлано и такихъ затратъ, которыя вовсе не поражали съ перваго взгляда, а между тѣмъ принесли въ будущемъ обильные плоды.

б) Первый раздѣлъ Польши и первая Турецкая война.

§ 692. Немоощь Польши (срав. § 643). Подъ безсильнымъ правленіемъ Августа III (§ 652) анархическое состояніе Польши дошло до такой степени, что дальнѣйшее существованіе государства съ прежнимъ устройствомъ казалось уже невозможнымъ. Корона была лишена всякой власти, благодаря крайне стѣснительнымъ рядамъ при избраніи королей (*acta conventa*); коронныя имущества были въ рукахъ дворянства (старостъ), которое вносило въ государственную казну лишь малую часть получаемого съ нихъ чистаго дохода и изъ корыстныхъ видовъ управляло ими небрежнымъ образомъ; магнаты, присвоившіе себѣ завѣдываніе военными дѣлами, правосудіемъ, казною и полиціей, не принимали повелѣній отъ короля и не давали ему ни въ чемъ отчета, и смотрѣли на должности и судейскія мѣста какъ на средство къ умноженію своихъ доходовъ; странное право *liberum veto*, которое земскіе депутаты (представители дворянства) удерживали за собою, какъ основаніе всеобщаго равенства, и право вооруженнаго конфедератства дѣлали невозможными всякія своевременныя преобразованія мирнымъ путемъ, и вызывали ту страстную борьбу партій, благодаря которой польскій сеймъ вошелъ въ пословицу; избирательное правленіе уже давно сдѣлало націю доступной подкупу и раскрыло сосѣднимъ государствамъ все ея недостатки и слабыя стороны. Крестьянинъ то-

мился подъ гнетомъ рабства въ животненномъ отупѣніи и въ невѣжествѣ, которое искоренило въ немъ почти всякій слѣдъ мыслительной способности и сдѣлало его безчувственнымъ ко всемъ высшимъ благамъ, ко всемъ невзгодамъ отечества. Польское государство было гнилымъ зданіемъ, которое держалось только раздорами и соперничествомъ сосѣднихъ державъ, а отнюдь уже не собственною силой. Въ своемъ близорукомъ ослѣпленіи, своекорыстное дворянство, члены котораго были весьма неравны между собою по имуществу, но пользовались совершенно равными правами и личною свободой, пропустило въ Семилѣтнюю войну благоприятный случай защититься отъ грознаго преобладанія Россіи союзомъ съ Пруссіей; рѣчь посполитая, которой военныя силы были въ совершенномъ упадкѣ, сохраняла въ ту пору опасный для нея нейтралитетъ, да не умѣла отстоять и нейтралитета, потому что русскія войска безъ всякихъ затрудненій проходили черезъ польскія владѣнія, а Фридрихъ разрушалъ русскіе магазины на польской территоріи.

Вскорѣ по заключеніи Губертсбургскаго мира, смерть Августа III (1763) предала польское государство прежнимъ избирательнымъ бурямъ. Образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна (съ фамиліей Потоцкихъ, короннымъ маршаломъ Браницкимъ и младшимъ княземъ Радзивиломъ во главѣ) хотѣла сохранить старый порядокъ вещей, но съ устраненіемъ всякаго иноземнаго вліянія на выборъ государя; напротивъ, другая (Чарторьскіе, Понятовскіе и пр.) стремилась къ преобразованію государственнаго устройства, хотя бы и съ иноземною помощью. Россія и Пруссія, желая и надѣясь увеличить свои владѣнія на счетъ междоусобнаго сосѣдняго государства, заключили между собой оборонительный и наступательный союзъ (апрѣль 1764) для сохраненія польскаго избирательнаго правленія, для защиты безправныхъ диссидентовъ и для возведенія на безсильный польскій престолъ лишеннаго всякой энергіи и характера Станислава Понятовскаго. Послѣ бурной, кровавой избирательной борьбы, Понятовскій, при громѣ русскихъ сабель былъ избранъ въ короли на равнинѣ Волѣ (4 сентября 1764), а враги его принуждены къ бѣгству; но предполагаемое преобразование государственнаго устройства не состоялось вслѣдствіе протеста русскаго посланника Репнина, который игралъ роль диктатора въ Варшавѣ и именемъ своей императрицы держалъ родъ про-

тектората надъ Польшою. Понятовскій, столь же слабый и ничтожный какъ король, сколько пріятный, какъ частный человекъ, какъ тонкій знатокъ и покровитель искусствъ и литературы, долженъ былъ теперь же согласиться, для округленія русской границы, уступить извѣстный участокъ польской земли.

§ 693. Дѣло диссидентовъ. Въ это же время диссиденты, къ которымъ причислялись не только протестанты и социніане, но и исповѣдники греческой церкви¹, стали просить для себя возвращенія обезпеченной имъ Оливскимъ миромъ (§ 587), но давно похищенной подъ вліяніемъ іезуитовъ, религіозной свободы и равноправности съ католиками. Прошеніе ихъ, поддержанное не только Россією и Пруссіей, но также Швеціей, Даніей и Англійей, и одобренное королемъ, было отвергнуто на сеймѣ католическимъ дворянствомъ, по проискамъ духовенства. Тогда диссиденты, въ союзѣ съ «недовольными», составили радомскую генеральную конфедерацію (23 іюля 1767), чтобы подъ защитой русскаго уполномоченнаго, князя Репнина, и призваннаго имъ русскаго войска настоять силою на своихъ требованіяхъ. Сеймъ, встревоженный заключеніемъ фанатическаго краковскаго епископа (Солтыка) и насильственнымъ уводомъ ревностнѣйшихъ противниковъ терпимости, предоставилъ диссидентамъ свободу вѣроисповѣданія, доступъ ко всѣмъ должностямъ, право голоса въ національномъ собраніи и всѣ церкви, которыми они владѣли въ 1717 году. Окруженные русскими войсками, земскіе депутаты предъ портретомъ Императрицы подписали принятый съ восторгомъ во всей Европѣ, актъ терпимости, символъ изнеможенія Польши²; а для того, чтобы эта слабость и не прекращалась, тотъ же сеймъ долженъ былъ удержать *liberum veto* и всѣ недостатки прежняго государственнаго устройства, какъ ни старались король, его дяди (Чарторьскіе) и другіе патріоты-дворяне объ отмѣ-

¹ Последніе составляли притомъ значительное большинство.

² Но совсѣмъ иными глазами смотрѣли на это нѣкоторые дворы, и особенно версальскій, который, подъ руководствомъ Шуазеля, принялъ самыя дѣятельныя мѣры противъ возрастающаго могущества Россіи.

нѣ прежняго анархическаго состоянія. Впредь ни одно рѣшеніе Сейма не должно было считаться дѣйствительнымъ безъ согласія Россіи, обезпечивавшей сохранность польской конституціи. Эти событія оскорбляли національное чувство и пробудили религіозную ненависть ревностныхъ католиковъ. Подольская оппозиціонная конфедерація въ городѣ Барѣ (подъ вліяніемъ Красинскаго, Пулавскаго, Потонскаго и др.) образовалась (28 февраля 1768) съ цѣлью свергнуть русское преобладаніе и уничтожить предоставленныя диссидентамъ права. Репнинъ побудилъ сенатъ обратиться къ императрицѣ съ просьбою, чтобы она не выводила своихъ войскъ изъ Польши. Поднялась жестокая борьба между конфедератами, которымъ Франція доставляла деньги и офицеровъ, и Русскими съ ихъ приверженцами въ Польшѣ. Всѣ ужасы опустошительной войны легли на несчастную страну. Конфедераты вскорѣ были доведены до отчаяннаго положенія, такъ что по взятіи ихъ крѣпостей Бара и Кракова (1768), они должны были бѣжать на турецкую почву. Русскіе преслѣдовали ихъ, и даже на чужой землѣ не воздержались отъ враждебныхъ столкновеній; полковникъ Вейсманъ нагналъ конфедератовъ въ турецкомъ мѣстечкѣ Балтѣ, перебилъ ихъ значительное число, не смотря на вмѣшательство татарскаго гарнизона, и сожегъ при этомъ одну магометанскую мечеть. Французскій посланникъ въ Константинополь умѣлъ такъ тревожно распространить вѣсть объ этомъ, что народное возстаніе (октябрь 1768) принудило Порту удалить (подозрѣваемаго въ подкупѣ) великаго визиря и объявить войну Россіи. Польскіе конфедераты восторженно привѣтствовали это объявленіе войны и воспользовались первымъ смущеніемъ своихъ противниковъ для кровавой отмести диссидентамъ.

§ 994. Первая турецкая война. Убийственная война, разразившаяся теперь между Россією и Турціей, была ведена одновременно во многихъ мѣстахъ съ страшнымъ ожесточеніемъ и сопровождалась свирѣпыми ужасами. Между тѣмъ какъ храбрый Румянцевъ, послѣ двухъ кровопролитныхъ битвъ при Ларгѣ (между Прутомъ и Днѣстромъ) и Кагулѣ, или Каргалѣ (7 и 21 іюля ст. ст.), завоевалъ Молдавію и

Валахию, а ужасный штурм Бендеръ (15 сентября 1770) изумилъ всю Европу, — Морея, гдѣ Греки, въ чаяніи русской помощи, возстали на гнетущее турецкое иго, была жестоко опустошена огнемъ и мечемъ Турковъ, такъ что цѣлыя области покрылись развалинами и трупами. Въ то же время свирѣпствовала страшная война на морѣ. Въ портѣ Чесме (5 іюля 1770), противъ острова Хиоса, былъ сожженъ весь турецкій флотъ, отъ чего въ Смирнѣ потряслась земля, и море взволновалось какъ отъ бури. Слава русскихъ военныхъ подвиговъ прогремѣла во всей Европѣ. Императрицу называли великою; египетскій бей отказалъ въ повиновеніи султану и вступилъ въ союзъ съ Россіей (1771); но завоеванныя земли, къ которымъ вскорѣ присоединился полуостровъ Крымъ, были опустошены и обезлюдены; напоенныя кровью степи, выжженныя селенія и стоны народовъ обозначали путь враждебныхъ войскъ. Страшный Алексѣй Орловъ, начальствовавшій флотомъ, былъ осыпанъ почестями и богатствомъ такъ же какъ и братъ его Григорій, но бѣдствія народа, который, кромѣ войны, испыталъ еще опустошительную чуму, похищавшую въ одной Москвѣ по 1,000 человекъ въ сутки (іюнь и августъ 1771), не могли быть оставлены безъ вниманія, и Екатерина, среди побѣдныхъ торжествъ, изъявила готовность принять посредничество Пруссіи и Австріи для заключенія мира.

§ 695. Первый раздѣлъ Польши. Между тѣмъ Польшу наводнили ватаги междоусобныхъ конфедератовъ, помышлявшихъ только о грабежѣ и мщеніи; къ нимъ примкнули Дюмурье и другіе французскіе офицеры. Они провозгласили низложеніе короля (1771) и даже пытались увезти его изъ Варшавы; только какимъ-то чудомъ ускользнулъ Понятовскій отъ заговорщиковъ. Ужасы въ отношеніи къ диссидентамъ побуждали Русскихъ къ такому же ожесточенію; крестьяне Украины и Днѣпровскихъ болотъ кровавымъ образомъ отомстили католикамъ—Полякамъ за старыя злодѣянія, совершенныя надъ исповѣдниками греческой церкви; далеко волновался край, и тысячи были повѣшены, убиты, зарыты въ землю. Польское государство терзалось внутреннимъ междоусобіемъ, его явное без-

силіе вызывало сосѣдей на захватъ. Чтобы не дать Россіи одной воспользоваться добычею, Пруссія и Австрія положили участвовать въ этомъ захватѣ. Послѣ изустнаго объясненія между Фридрихомъ II и Иосифомъ II (такъ какъ Марія Терезія не благопріятствовала раздѣлу) и послѣ поѣздки прусскаго принца Генриха въ Петербургъ, состоялся между Россіей, Пруссіей и Австріей договоръ о раздѣлѣ (5 августа 1772), вслѣдствіе котораго каждое изъ этихъ государствъ присоединило къ своимъ владѣніямъ сопредѣльныя имъ польскія области.

Манифестъ, въ которомъ три державы поставляли цѣлью своего совокупнаго дѣйствія—возстановленіе и поддержаніе спокойствія и порядка въ Польшѣ, а также старинной конституціи и народной вольности, доказывалъ ссылкой на давнія права и притязанія, что край между Днѣпромъ, Западною Двиной и Дручемъ (Бѣлоруссія), на пространствѣ 2,000 квадратныхъ миль, съ 1½ милл. жителей, по праву принадлежатъ Русскимъ, что польская Пруссія вѣстѣ съ Нетцскимъ округомъ и плодородными землями по Вислѣ (Эльбингомъ, Мариенбургомъ, Кульмомъ и т. д.), на пространствѣ 630 квадратныхъ миль при 400,000 слишкомъ населенія принадлежитъ Пруссіи, а восточная Галиція и Лодомирія, на пространствѣ 1,300 квадратныхъ миль, съ 2½ милл. жителей и нецѣнными Величкинскими соляными копами, составляютъ долю Австріи. Въ заключеніе манифестъ призывалъ всѣхъ Поляковъ отложить въ сторону всякіе раздоры и заблужденія, и содѣйствовать достиженію указанной цѣли. Со слезами на глазахъ приняла Марія Терезія доставшійся ей участокъ¹.

Король и сеймъ воспротивились раздѣлу; послѣдній доказывалъ, что приведенныя въ манифестѣ права давно отмѣнены договорами и отреченіями, и торжественно протестовалъ передъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ противъ совершившаго ея раздѣла. Ни угрозы, ни обѣщанія не могли сломить сопротивленіе сейма; даже наказаніе непокорныхъ русскими военными постами не подѣйствовало на членовъ его, которые выказали при этомъ благородный патріотизмъ. Только угроза, что при дальнѣй-

¹ Между тѣмъ извѣстно, что Марія Терезія и Иосифъ подали первый примѣръ захвата, занявъ еще въ самомъ началѣ 1771 г. старостства Спизъ и Зандеъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они нѣкогда принадлежали Венгрии.

шемъ сопротивленіи будетъ раздѣлена и вся остальная Польша, вынудила окруженный русскими войсками сеймъ согласиться на поземельную уступку, тѣмъ болѣе что со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (21 іюля 1774), который Порты принуждена была заключить съ Россіей послѣ тяжкихъ потерь подъ Шумлой, исчезла и послѣдняя надежда на помощь со стороны Турціи. Остальная часть польскаго государства сохранила свое пагубное избирательное правленіе, свое *liberum veto* и всѣ грѣхи стараго порядка; а учрежденіе избраннаго дворянствомъ помимо короля и дѣйствующаго по указаніямъ русскаго посланника, постояннаго совѣта (*Rada nieustajanca*), который долженъ былъ заботиться объ исполненіи законовъ и замѣщеніи всѣхъ государственныхъ и церковныхъ должностей, отняло у короля послѣдній остатокъ верховной власти.

Этимъ было подточено въ самомъ корнѣ существованіе польскаго государства. Дворянство, обремененное долгами, продажное, безравственное и не воодушевленное никакою высшей идеей, погибало отъ собственнаго разврата, а отупѣвшій народъ, влача животное существованіе подъ безчеловѣчнымъ гнетомъ варварскихъ помѣщиковъ, съ вялымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на гибель отечества. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, сражаться за отечество и національность такой народъ, жизнь котораго одинъ новѣйшій историкъ (Зибель) изображаетъ слѣдующими чертами? Польскіе крестьяне, говоритъ онъ, «гнѣздились въ деревянныхъ, крытыхъ глиною лачугахъ; внутренность ихъ всегда составляла одну только комнату, въ которой жили вмѣстѣ мужчины и женщины, люди и скотина; тутъ не было никакой домашней утвари, кромѣ большой печи, которая въ тоже время служила спальнею для цѣлой семьи, и дымъ которой искалъ себѣ выхода въ дверяхъ и щеляхъ строенія. Состоянію жилищъ соотвѣтствовала пища и одежда; объ умственномъ образованіи не было и помину, и даже свойственная Славянамъ механическая сноровка не развилась при жалкомъ однообразіи быта этихъ людей. Никто не старался пріобрѣтать что-нибудь, потому что ни кто не могъ пріобрѣтать для себя и своего потомства; плеть господина понуждала крестьянъ къ работѣ, а за глазами его они тотчасъ же опять впадали въ вялое бездѣйствіе. Единственною отрадой для мужчинъ и женщинъ былъ кабакъ, содержавшійся каждымъ помѣщикомъ, гдѣ по воскресеньямъ они забывали подъ звуки скрипки, въ чаду хмѣля, свое бѣдственное положеніе.

Такимъ образомъ они упали такъ низко, что утратили всякую воспримчивость къ лучшему, всякое стремленіе къ человѣческому образу жизни. Уже сто лѣтъ почти не слышно было, чтобы между крестьянами доходило до сопротивленія: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ раздоровъ, которыми дворянство терзало посполитую рѣчь, не обнаружилось въ народѣ политическаго броженія. За то, такое же отупѣніе господствовало и тецерь, когда дѣло шло о самомъ существованіи государства. Откуда было имъ взять сознаніе общаго дѣла и любовь къ отечеству? Они ничего не знали о государствѣ, и не спрашивали, кто властвуетъ надъ ними, потому что всякая власть приносила имъ только барщину, жестокое обращеніе да кабакъ. Тѣмъ равнодушнѣе были они къ тому, кому повинуются господа ихъ: рѣчи ли посполитой, русской ли царицы, или нѣмецкому государю. — Помиру въ Кучукъ-Кайнарджи, Татары и Крымъ были объявлены независимыми отъ Порты, Молдавія и Валахія поставлены подъ покровительство Россіи, и русскимъ судамъ предоставлено свободное плаваніе чрезъ Дарданеллы и по всѣмъ турецкимъ морямъ.

§ 696. Пріобрѣтеніе Крыма. Императрица не долго довольствовалась условіями Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Деньгами, обѣщаніями и происками всемогущій временщикъ Потемкинъ склонилъ хана Крымскаго сложить съ себя санъ и добровольно покориться скипетру императрицы. Русскія войска подкрѣпили эту перемѣну. Силою оружія и безопадною строгостью сломилъ Потемкинъ сопротивленіе народа, и татары покорились неотразимой судьбѣ. Ханъ, не получившій обѣщаннаго Потемкинымъ содержанія, попался въ руки къ Туркамъ и заплатилъ за свой поступокъ насильственною смертью; немощная Порты, будучи не въ состояніи остановить оружіе русскаго завоевателя, вынуждена была признать (1783) владычество Россіи надъ Крымомъ, Кубанью и Таманью, и заключить стѣснительный для себя торговый договоръ. Древнее названіе Тавриды было возстановлено, въ безлюдныя степи были вызваны колонисты изъ Германіи, возникли торговые города Одесса и Херсонъ, и вѣншій лоскъ образованности ослѣпилъ глаза удивленнаго міра ¹.

¹ Не нужно много распространяться о всемірно-историческомъ значеніи, какое имѣетъ закрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Чернаго моря за Россією, т. е. за Европой. Степи, которыя такъ долго служили привольемъ для кочевыхъ ордъ, чрезъ которыя прохо-

в) Второй раздѣль Польши.

§ 697. Вторая турецкая война. Усиленіе и преобладаніе Россіи, а также внушенія Англичанъ, озлобленныхъ противъ Екатерины II за учрежденіе вооруженнаго нейтралитета (§ 677), и виды на помощь ревниваго къ могуществу этой государыни, Прусскаго короля, побудили Порту снова объявить войну Россіи (1787). Иосифъ II по необходимости принялъ сторону послѣдней, чтобы не остаться съ пустыми руками въ случаѣ завоеваній на Дунаѣ. Но и на этотъ разъ побѣда сопровождала всюду русскія войска и страшнаго вожда ихъ. Отъ Триеста до устьевъ Дуная свирѣпствовала ужасная сухопутная и морская война. Среди зимы Потемкинъ взялъ приступомъ укрѣпленный Очаковъ (6-го декабря 1788), наполнивъ траншею кровью и трупами, а въ слѣдующемъ году Бендеры (7 ноября 1789); подчиненный ему, храбрый и даровитый генералъ Суворовъ, съ помощью Автрійцевъ подъ начальствомъ Кобурга и другихъ полководцевъ, разбилъ Турковъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ (при Фокшанахъ въ іюль, и при Мартинешти на рѣкѣ Рымникъ, въ сентябрѣ 1789), и съ такими же ужасами, какіе были совершены въ Очаковѣ, взялъ приступомъ крѣпость Измаиль (22 декабря 1790), между тѣмъ какъ Лаудонъ овладѣлъ Бѣлградомъ. Русскимъ открывалась дорога въ Константинополь, и имя втораго внука Екатерины, великаго князя Константина, было дано вслѣдствіе тайнаго ея намѣренія поставить христіанскаго государя въ византійской столицѣ; Потемкинъ, на вершѣ своего могущества и осыпанный отъ своей признательной государыни всѣми земными почестями и богатствами, уже считалъ себя владѣтельнымъ княземъ Молдавіи и Валахіи. Но отчасти смерть союзника императрицы, Иосифа II (преемникъ котораго Леопольдъ купилъ у Порты миръ возвра-

дили почти всѣ народы, опустошавшіе европейско-христіанской міръ, всѣ эти бичи Божіи, степи эти вошли теперь въ границы европейско-христіанскаго государства, подчинились цивилизаціи, стали житницей Европы, убѣжищемъ для ея колонистовъ». (Соловьевъ. Уч. книга русской исторіи, стр. 483).

щеніемъ Бѣлграда и другихъ завоеваній), отчасти угрожающее положеніе Англіи и воинственные замыслы Поляковъ, отчасти же истощеніе русской казны, побудили Екатерину II заключить съ Портою Ясскій миръ (9 января 1792), по которому Крымъ и Очаковъ остались за Россіею, и Днѣстръ былъ назначенъ пограничною рѣкою обоихъ государствъ.

§ 698. Польская конституція. Когда русскія арміи были заняты въ турецкой войнѣ и одновременно въ войнѣ съ Швеціей (§ 683), а Англія и Пруссія стали во враждебное положеніе къ усилившейся русской державѣ, тогда въ Польшѣ возникли попытки освободиться отъ преобладанія Россіи и снова достигнуть политической самостоятельности. Для этого признавали нужнымъ преобразовать существовавшее доселѣ государственное устройство, сохраненіе котораго было обезпечено Россіею, и такъ какъ Пруссія, которой министръ Герцбергъ носился съ мыслью противопоставить Русскимъ и Австрійцамъ, для равновѣсія, второстепенныя державы Швецію, Польшу и Турцію, и одобрялъ устраненіе русской гарантіи и утвержденіе политической самостоятельности Польши, то между противниками Россіи въ этомъ краѣ пробудилось восторженное рвеніе къ преобразованію. Не смотря на противодѣйствіе многихъ дворянъ, съ Пруссіей, надѣявшейся пріобрѣсти за свою помощь области Торнскую и Данцигскую, былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ (1790); постоянный совѣтъ упраздненъ, и потомъ въ одномъ бурномъ засѣданіи сейма принята новая конституція (3 мая 1791). Даже преданный Россіи король былъ увлеченъ поборниками преобразованія. По этой конституціи, вредное избирательное правленіе должно было прекратиться, Польша — сдѣлаться наследственнымъ королевствомъ, и корона, по смерти бездѣтнаго Понятовскаго, — перейти къ Саксонскому курфюршескому дому; исполнительная власть должна была принадлежать королю вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, законодательная — раздѣленному на двѣ палаты сейму (сенатъ и палату депутатовъ), а судебная — быть независимою. Пагубное *liberum veto* было объявлено отмѣненнымъ, гражданству и крестьянству даны нѣкоторыя существенныя права (го-

рода получили право представительства на сеймахъ), а диссидентамъ — свобода вѣроисповѣданія, при чемъ дворянству, разумѣется, были сохранены всѣ его преимущества.

§ 699. Косцюшко и Тарговицкая конфедерация. Вся Европа съ сочувствіемъ привѣтствовала это своевременное измѣненіе конституціи; Фридрихъ Вильгельмъ II велѣлъ поздравить Польшу, даже Екатерина II не выразила своего неудовольствія. Но могла ли нація, руководимая своекорыстною аристократіей и привыкшая къ анархіи въ теченіе вѣковъ, — нація, до сихъ поръ слѣдовавшая не внушеніямъ разсудка и здравой политики, а единственно побужденію страстей и буйной ярости партій, могла ли она вдругъ возимѣть единомушіе, энергію и патріотическую доблесть, необходимыя для упроченія новаго порядка вещей? Многіе вельможи были недовольны совершившеюся перемѣной; составилаь партія для поддержанія польской свободы, какъ называли они старое государственное устройство, и призвала на помощь императрицу. Екатерина II отправила на польскую границу войска, освободившіяся вслѣдствіе только-что заключеннаго мира съ Портою. Въ надеждѣ на эту помощь, русская партія (съ Браницкимъ, Феликсомъ Потоцкимъ, Малаховскимъ и др. во главѣ) составила Тарговицкую конфедерацию (14 мая 1792) для возстановленія древняго избирательнаго правленія. Скоро въ самомъ сердцѣ Польши явилась большая русская армія, чтобы подкрѣпить требованіе тарговицкихъ союзниковъ. Надежды поборниковъ конституціи на прусскую защиту оказались тщетными. Отъ Герцберговой системы равновѣсія отказались въ Берлинѣ со времени Рейхенбахскаго конгресса (§ 690), и самъ министръ скоро впалъ въ немилость и былъ уволенъ; въ виду событій во Франціи, дворы придумались содѣйствовать такому государственному устройству, которое вышло изъ среды народа и, повидимому, имѣло сходство съ новыми французскими идеями и образомъ правленія; къ тому же, Пруссія скорѣе могла надѣяться пріобрѣсти Данцигъ и Торнъ (Торунь) отъ Русскихъ, чѣмъ отъ Поляковъ. Поэтому Фридрихъ Вильгельмъ II, которому представлялось теперь важнѣйшимъ для всѣхъ европейскихъ

государей дѣломъ — противодѣйствіе революціоннымъ идеямъ и возстановленіе законнаго престола во Франціи, отказалъ Полякамъ во всякой помощи, и курфюрстъ саксонскій послѣдовалъ его примѣру¹. Несмотря на это Поляки продолжали воображать что будутъ имѣть успѣхъ. Сеймъ правда держалъ себя съ достоинствомъ; король выказывалъ притворный энтузіазмъ и еще разъ присягнувъ конституціи, а граждане предложили свои услуги для защиты отечества. Храбрый воинъ Косцюшко, сражавшійся за свободу въ Америкѣ подъ начальствомъ Вашингтона, сталъ во главѣ войска и со славою и успѣхомъ сопротивлялся превосходству русскихъ силъ при Дубенкѣ (17 іюля 1792). Но партіи, раздоры, измѣна, отсутствіе общаго плана, а главное сильный недостатокъ въ деньгахъ и равнодушіе коснѣвшаго въ жестокомъ рабствѣ народа къ туземному правительству, скоро привели къ концу всѣ попытки къ возрожденію Польши. Король скоро впалъ въ свою прежнюю нерѣшительность, и былъ до того потрясенъ однимъ грознымъ письмомъ императрицы, что для спасенія своего жалкаго трона самъ приступилъ къ Тарговицкому союзу (22 іюля), отвергъ рѣшенія сейма и отказался отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ императрицы, какъ «возстановительницы польской независимости». Возстановленіемъ стараго порядка со всѣми его злоупотребленіями и несообразностями ознаменовалась побѣда тарговицскихъ конфедератовъ.

§ 700. Новый раздѣлъ. Въ апрѣлѣ 1793 г. Пруссія и Россія, связанные между собою договоромъ, объявили, что онѣ вынуждены еще болѣе сократить предѣлы Польши, чтобы подавить вольнодумство, проникшее туда изъ Франціи, и предохранить сосѣднія съ Польшей государства отъ зараженія демократическимъ якобинствомъ. Въ то же время (въ маѣ) Пруссаки заняли западныя области Польши и кровавымъ приступомъ принудили Данцигъ сдаться. Собравшійся въ Гроднѣ

¹ Король Прусскій не только отказалъ польскимъ патріотамъ въ помощи, но уже съ января 1793 г. занялъ своими войсками, подъ начальствомъ Мёллендорфа, часть Великой Польши.

сеймъ противился было новому договору о раздѣлѣ. Но русскія войска обложили самый домъ его засѣданій и, угрожая войною (22 іюля), вынудили уступку требуемыхъ Россіею областей (Литвы, Малой Польши, остатка Волыни, Подоліи и Украйны, всего 4,000 кв. м. съ тремя слишкомъ милліонами жителей). Упорнѣе противились депутаты прусскому требованію, тѣмъ болѣе, что Россія нѣкоторое время не поддерживала его надлежащимъ образомъ; но когда настроеніе въ Петербургѣ стало благопріятнѣе, и наиболѣе противившіеся ораторы сейма были арестованы и отвезены въ Россію (25 сентября), договоръ былъ исполненъ.

Такимъ образомъ Пруссія получила, кромѣ Данцига и Торна, воеводства Познаньское, Гнезенское, Калишское и другія области Великой Польши, всего 1,000 кв. м. при одномъ слишкомъ милліонѣ жителей, и соединила ихъ своими остальными владѣніями подъ названіемъ «южной Пруссіи»; Россія пріобрѣла Подолію и Украйну, вмѣстѣ съ половиною Литвы и Волыни, всего 4.553 кв. м. и три милліона населенія. За Польшею едва осталась третья часть ея прежнихъ владѣній. Прусскій посланникъ объявлялъ, что король его заключилъ союзъ съ рѣчью посполитой, и что превращеніе ея въ конституціонную наследственную монархію освобождаетъ его отъ всѣхъ прежнихъ обязательствъ.

Чтобы отнять послѣдній остатокъ самостоятельности у польскаго государства, былъ восстановленъ постоянный совѣтъ и заключенъ новый союзный договоръ съ Россіей, по которому Поляки безъ согласія императрицы не должны были принимать никакихъ перемѣнъ въ конституціи и заключать союзовъ съ иностранными державами, а русскія войска получили право во всякое время вступать въ королевство.

§ 701. Конецъ Польши. Опираясь на разные отряды русской и прусской арміи, которые по заключеніи договора не выступали изъ страны, русскій посланникъ Игельстрёмъ повластно распорядился въ Варшавѣ. Составился между тѣмъ тайный заговоръ, развѣтвившійся по всему краю. Выселившіеся — были противники Россіи, особенно Косцюшко, возвратились и стали во главѣ движенія. Игельстрёмъ приказалъ было распустить польскую армію, но за этимъ послѣдовало возстаніе, средоточіемъ

котораго былъ Краковъ. Косцюшко, назначенный главнокомандующимъ національныхъ силъ съ неограниченною властью, издалъ въ Краковѣ воззваніе къ народу, гдѣ поставилъ цѣлью борьбы возстановленіе свободы и независимости отечества, завоеваніе отнятыхъ областей и введеніе уничтоженной конституціи. Послѣ побѣды инсургентовъ надъ однимъ русскимъ отрядомъ жители столицы произвели возстаніе. Въ великій четвергъ (1794) Поляки внезапно напали на русскій гарнизонъ въ Варшавѣ и частію истребили, частію захватили его въ плѣнъ. Дворецъ Игельстрёма былъ сожженъ; четверо знатнѣйшихъ приверженцевъ Россіи умерли на висѣлицѣ. Въ Вильнѣ и Литвѣ послѣдовало тоже; всѣ воеводства приступили къ краковской конфедераціи; даже король объявилъ себя за возстаніе края. Пруссаки, по взятіи Кракова, осадили укрѣпленную и хорошо защищенную столицу Варшаву; но угрожаемые мятежемъ въ тылу, въ новопробрѣтенной «южной Пруссіи» (іюль), и ослабленные болѣзнями и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, припуждены были храбрыми генералами Косцюшко, Домбровскимъ и Юсифомъ Понятовскимъ (племянникомъ короля) къ поспѣшному отступленію, сопряженному съ большимъ урономъ. Однакожъ военныя удачи Поляковъ вызвали усиленные мѣры со стороны ихъ противниковъ. ¹ Въ согласіи съ Австріей и Пруссіей, императрица Екатерина прислала въ Польшу своего страшнаго полководца Суворова съ значительною вооруженною силой. Косцюшко, соединявшій полководческій талантъ съ героизмомъ, долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ смѣлаго противника, котораго солдаты столько же любили, сколько и боялись. Послѣ неудачнаго дѣла съ русскимъ корпусомъ Ферзена при мѣстечкѣ Мацѣвицахъ (30 сентября 1794), онъ раненый упалъ съ коня, воскликнувъ: *Finis Poloniae!* «Конецъ Польши!» и былъ захваченъ въ плѣнъ. 24-го октября предмѣстье Прага взято приступомъ Суворовымъ съ величайшею отвагой, и при этомъ совершено страшное мщеніе: 12,000 безоружныхъ были частію убиты, частію потоплены въ Вислѣ. Предсмертные крики погибающихъ устрошили жителей столицы и побудили ихъ къ

¹ 6 августа 1793 г. польскія войска проникли даже въ Либаву.

добровольной сдачѣ. 27-го октября Суворовъ, какъ побѣдитель, имѣлъ торжественный вѣздъ въ Варшаву. Понятовскій получилъ повелѣніе сложить съ себя корону. Онъ жилъ до смерти своей (1798) въ Петербургѣ, получая годовое содержаніе отъ русскаго правительства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ три союзныя державы объявили (13 или 24 января 1795), что изъ любви къ миру и для блага своихъ подданныхъ онѣ положили раздѣлить между собою всю остальную Польшу.

Австрія, хотя и не сдѣлала ничего противъ возстанія, получила по благосклонности императрицы Екатерины 800 кв. м. на югѣ съ Краковомъ; Пруссія—земли по лѣвую сторону Вислы съ столицей Варшавой и область, присоединенную къ монархіи подъ именемъ «новоевосточной Пруссіи», до Нѣмана, всего около 900 кв. м. съ однимъ миллиономъ жителей; все остальное, то-есть болѣе 2,000 кв. м., прибрѣла Россія въ то самое время, когда къ ней присоединилось и герцогство Курляндское состоявшее два вѣка (со времени грессмейстера Готгарда Кетлера, 1561) подъ лѣннымъ владычествомъ Польши (7 марта 1795). Русская политика побудила курляндскій сеймъ просить о соединеніи герцогства съ Россіей, вслѣдствіе чего герцогъ¹ добровольно отрекся отъ своихъ правъ за ежегодное вознагражденіе. Такъ выступила нѣкогда славная и могущественная Польша изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, жертвою собственной вины и слабости, и иноземной силы. Раздоры партій, беззаконіе и угнетеніе народа высокоумнымъ дворянствомъ были источниками ея золь. Отсутствіе общаго народнаго чувства, полное разложеніе всего того, чѣмъ обыкновенно держится государство и общество, измѣна и грубая продажность рѣдко выступали такъ рѣзко и безстыдно, какъ въ эти послѣдніе часы существованія Польши. Эта страна какъ будто была избрана Вѣчнымъ Промысломъ въ поучительный примѣръ того, къ чему ведетъ необузданное господство дворянства и духовенства.—Косцюшко, которому императоръ Павелъ I возвратилъ свободу, умеръ частнымъ человѣкомъ въ Швейцаріи (въ октябрѣ 1817). Тѣло его было перевезено въ Краковъ.

¹ Петръ Биронъ, преемникъ знаменитаго временника, которому Екатерина возвратила Курляндію немедленно по вступленіи своемъ на престолъ.

Б. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I. Послѣдній періодъ неограниченной монархіи.

§ 702. Конецъ Людовика XV. а) Придворная жизнь. Сначала Людовикъ XV былъ такъ любимъ своимъ народомъ, что былъ даже прозванъ многолюбимымъ (le bien aimé), и когда однажды онъ опасно заболѣлъ въ Мецѣ, весь край погрузился въ глубокую печаль, и выздоровленіе короля праздновалось потомъ съ величайшимъ ликоваціемъ. Но любовь эта мало-по-малу превратилась въ ненависть и презрѣніе, когда король сталъ предаваться самому безстыдному разврату, когда сообщникамъ своихъ распутствъ, слугамъ своего сластолюбія и чувственности предоставилъ онъ управленіе страной, начальство надъ войсками, рѣшеніе по вопросамъ политики и права, и когда дворъ и государство были отданы во власть безстыднымъ развратницамъ (метрессамъ). Изъ послѣднихъ ни одна не имѣла такого обширнаго и прочнаго вліянія, какъ маркиза де Помпадуръ († 1764), которая двадцать лѣтъ сряду правила судьбами Франціи, замѣщала важнѣйшія должности своими любимцами, доставила первое мѣсто въ министерствѣ своему другу Шуазёлю, рѣшала войну или миръ и распоряжалась государственною казною какъ своей собственною шкатулкой, такъ что провела жизнь въ роскоши и наслажденіи, она еще оставила по себѣ многіе миллионы. Она и разныя ея креатуры нарочно лелѣли сластолюбіе Людовика, чтобы онъ все глубже погрязалъ въ пучину порока и тѣмъ охотиѣ предоставлялъ имъ завѣдываніе государственными дѣлами.— Впрочемъ маркиза Помпадуръ пользовалась своимъ положеніемъ и вліяніемъ еще съ нѣкоторымъ достоинствомъ, тактомъ и осмотрительностью; когда же мѣсто ея заняла графиня Дюбарри, женщина изъ низшихъ классовъ общества, тогда французскій дворъ потерялъ уже всякій вѣсъ и всякое уваженіе. Шуазель былъ удаленъ и замѣненъ

льстедомъ новой фаворитки; прежняя военная слава Франціи исчезла безъ слѣда, а ея политическое значеніе упало чрезвычайно низко. Это было управленіе однихъ чувственныхъ похотей, причемъ государственные доходы расточались самымъ позорнымъ образомъ, между тѣмъ какъ народъ томился подъ страшнымъ гнетомъ и былъ лишень всякаго участія въ жизни политической. За отсутствіемъ сословнаго представительства, французскій народъ не имѣлъ законнаго органа для того, чтобы въ время предложить необходимыя улучшения и доставить образованному среднему сословию удобный случай занять принадлежащее ему мѣсто въ государствѣ. Безчинное и безнравственное дворянство опять захватило въ свои руки всѣ почетныя званія и должности, и въ тоже время навлекло себѣ общее презрѣніе и ненависть своей порочностью и гордыней. — Могли ли при такихъ обстоятельствахъ сохраниться въ сердцахъ подданныхъ благоговѣніе и преданность къ престолу? Правительство тщетно карало смѣлыхъ и легкомысленныхъ писателей заточеніемъ и ссылкой: что высказывалось ими, то думалъ и чувствовалъ весь народъ; блескъ короны и величіе властителя погибли невозвратно.

§ 703. б) Податная система. Расточительность двора, огромныя пенсіи и денежныя награды, бесполезныя и разорительныя войны истощили государственную казну и увеличили бремя долга. Налоги и займы были единственными средствами для покрытія ежегодно возрастающей передержки (дефицита); и тѣ и другіе ложились тяжкимъ гнетомъ на страну. Правительство, не пользуясь довѣріемъ и кредитомъ, могло занимать только за высокіе проценты, постоянно усиливавшіе финансовыя затрудненія; чтожь касается до податей и сборовъ, то хотя выручаемыя на нихъ суммы были и незначительны въ сравненіи съ нынѣшними, но съ одной стороны взиманіе ихъ чрезъ посредство главныхъ откупщиковъ и ихъ кровопійцъ-помощниковъ, а съ другой — ихъ раскладка только на среднее и сельское сословія, тогда какъ богатое дворянство и духовенство пользовались свободой отъ податей, дѣлали эти сборы крайне притѣснительными для низшихъ классовъ, обремененныхъ и безъ того десятинами, барщинами и другими повинностями въ пользу помѣщиковъ. Поземельный и имущественный налогъ (la taille), поголовная и домовая подать (пятипроцентная), таможенные и соляные сборы, и мног. друг., отнимали у рабочаго человѣка всѣ плоды его пріобрѣтеній и препятствовали возникновенію зажиточнаго средняго класса, тогда какъ главные откуп-

щики, которымъ правительство предоставляло сборъ всѣхъ податей за опредѣленныя суммы, наживали такой барышъ, что въ короткое время становились милліонерами.

§ 704. в) Ссора съ парламентами. Извѣстенъ существовавшій обычай, что всѣ указы о податяхъ и всѣ вообще новые законы должны были заноситься въ протоколъ верховнаго суда въ Парижѣ (такъ-называемаго парламента, § 609). Изъ этого суда вывелъ то заключеніе, что за отсутствіемъ земскихъ чиновъ (генеральныхъ штатовъ) королевства, которыхъ не созывали уже съ 1614 г., законность налагаемыхъ податей и постановляемыхъ вновь распоряженій зависитъ отъ утвержденія ихъ парламентомъ, и что поэтому онъ имѣетъ право сопротивляться введенію новыхъ податей и законовъ, отказываясь занести ихъ въ свой протоколъ. Такимъ образомъ каждый новый налогъ подавалъ поводъ къ сильному спору между парламентомъ и правительствомъ, — спору, который обыкновенно оканчивался тѣмъ, что король въ такъ-называемомъ тронномъ или одренномъ засѣданіи (lit de justice) лично настаивалъ на занесеніи въ протоколъ спорнаго эдикта и тѣмъ сокрушалъ всякое сопротивленіе. Людовикъ XV отнюдь не хотѣлъ допустить умаленія тому полновластію, которое создали и которымъ пользовались его предмѣстники, не хотѣлъ, чтобы между ими и націей возникъ независимый контролирующий органъ власти. — Кромѣ указовъ о податяхъ, предметомъ раздора между правительствомъ и парламентомъ были еще такъ-называемыя тайныя повелѣнія, или закрытыя листы (lettres de cachet¹), даваемые въ ущербъ правамъ парламента. Эти страшныя повелѣнія, которыя легко выпрашивали себѣ не только министры, но и второстепенные чиновники, епископы, отцы значительныхъ семействъ и вообще всѣ, имѣвшіе при дворѣ какія-нибудь связи, были деспотическимъ нарушеніемъ правъ личной свободы, потому что на основаніи ихъ каждый могъ быть арестованъ безъ всякаго допроса и суда. Десять лѣтъ сряду боролись парижскіи

¹ Въ противоположность открытымъ листамъ (lettres patentes) или грамотамъ, къ которымъ прикладывалась большая печать и которыя скрѣплялись государственнымъ секретаремъ, закрытыя листы (lettres closes) разсылались за частною королевскою печатью и выражали личную волю монарха помимо обычнаго законнаго пути. — Первоначальнымъ поводомъ къ тайнымъ повелѣніямъ такого рода служило желаніе короля избавить знатныя фамиліи отъ непріятной огласки по провинностямъ ихъ членовъ.

парламентъ и соединенные съ нимъ областные суды противъ двора и правительства, но боролся впрочемъ только за свои корпоративныя привилегіи и льготы. Служебная аристократія парламентовъ, кичась своими покупными должностями и сильная цѣлой арміей адвокатовъ и писцовъ, противоборствовала всякимъ исправленіямъ несравненно болѣе министровъ. Члены парламента, правда, ненавидѣли іезуитовъ, потому что были приверженцами столь же узкихъ яansenистскихъ воззрѣній (§ 617), но они же осудили Эмиля (сочиненіе Руссо) на сожженіе чрезъ палача и преслѣдовали тяжкими гоненіями всѣхъ смѣлыхъ противоборцевъ согнившей старины, ея учреждений и предразсудковъ. Сторонниками новыхъ взглядовъ являлись они только въ такихъ случаяхъ, когда ихъ собственныя выгоды совпадали съ требованіями народа. Поэтому когда король, ссѣкучась ихъ упорнымъ сопротивленіемъ, велѣлъ солдатамъ схватить неугомонныхъ членовъ (1771) и потомъ далъ главному парижскому суду новое устройство, сломившее его оппозицію, то парламенты нашли такъ мало сочувствія въ народѣ, что сочли за лучшее смиренно покориться ограниченію своихъ правъ и допустить такую для себя организацію, которая давала имъ менѣе власти, причиняла двору менѣе заботъ, а народу доставляла болѣе скорое правосудіе.—Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, Людовикъ XVI, уступая совѣтамъ своего ограниченнаго и, къ сожалѣнію, многолѣтняго перваго министра Морепа, возвратилъ парламентамъ ихъ прежнее устройство и обычную власть; это снова вызвало ихъ на борьбу съ правительствомъ и было первою важною ошибкой молодого государя.

§ 705. Людовикъ XVI (1774—93). а) Дворъ. Когда влѣдствіе своихъ безпутствъ Людовикъ XV умеръ среди грѣха жертвою ужасной болѣзни, государственная казна была истощена, на ней лежалъ долгъ въ 4,000 милліоновъ ливровъ, кредитъ совершенно исчезъ, и народъ былъ обремененъ тяжкими налогами. Среди столь затруднительныхъ обстоятельствъ на неограничѣннѣйшій изъ троновъ вступилъ государь съ превосходнымъ сердцемъ, но съ самую слабую голову, на столько благодушный, что искренно желалъ устранить зло и облегчить положеніе своего народа, но не имѣвшій ни достаточной силы характера, чтобы противустать расточительности и легкомыслію своихъ братьевъ, графа Прованскаго (въ послѣдствіи Людовика XVІІІ) и графа д'Артуа (Карла X), ни той самостоятельности, какая была необходима, чтобы оградить его отъ вліянія суируги его Маріи Анту-

анетты, высоко-образованной дочери Маріи Терези, — женщины, которая по природѣ и воспитанію крѣпко держалась за аристократическія притязанія и за царственный блескъ стараго двора. Своимъ высокоуміемъ, своей заносчивостью королева рѣшительно возстановила противъ себя французскій народъ¹, который влѣдствіе того былъ слишкомъ склоненъ перетолковывать въ дурную сторону разныя вольности, которыя позволяла себѣ Марія Антуанетта въ частной жизни, какъ бы ни были онѣ невинны сами по себѣ, тѣмъ болѣе что при дворѣ съ давнихъ поръ привыкли видѣть вездѣ одну безнравственность. Своей склонностью вступаться во все дѣятельнымъ образомъ, королева навлекла себѣ упрекъ во всѣхъ непопулярныхъ мѣрахъ того времени, и имя ея примѣшивалось ко всякимъ дразгамъ, что видно между прочимъ и изъ знаменитой исторіи съ ожерельемъ (см. ниже). Роковымъ предзнаменованіемъ для молодой четы было печальное событіе, которымъ сопровождался праздникъ по случаю бракосочетанія Людовика съ Марією Антуанеттой: на площади Людовика XV (Площадь Революціи, Площадь Согласія) пускали фейерверкъ, и при этомъ народъ стѣнился до того, что многія сотни людей были задавлены и растоптаны испуганной толпою.

Дѣло объ ожерельѣ Драгоцѣнное ожерелье предложено было королевѣ на продажу и отвергнуто ею за чрезмѣрной дороговизною. Этимъ случаемъ воспользовалась коварная графиня де Ламоттъ, чтобы сплести на немъ цѣлую сеть интриги и обмана. Поддѣльными записками отъ имени Маріи Антуанетты увѣрила она безнравственнаго, расточительнаго кардинала де Роана, епископа Страсбургскаго, который по нерасположенію къ нему королевы не могъ получить желаннаго доступа въ кабинетъ, что покупкою ожерелья онъ снова пріобрѣтетъ утраченную при дворѣ милость. Итальянскій пройдоха, развѣзжавшій когда повсей Европѣ подъ именемъ графа Каліостро и вездѣ обманывавшій легковѣрную знать разными чарами, вызовами духовъ и мнимыми тайноученіями, подтвердилъ своимъ предсказаніемъ замыслы графини, которая наконецъ вполне убѣдила кардинала, доставивъ ему тайное свиданіе съ одной прелестницей, передѣтой въ Марію Антуанетту. Ожерелье было куплено на вексель и вручено графинѣ, которая распродала камни поодиночкѣ въ Англии. Но когда не послѣдовало ни обѣщанной именемъ королевы уплаты по векселю, ни министерскаго

¹ А Французъ ни чѣмъ такъ не дорожитъ, какъ отношеніями человеческого равенства при всѣхъ различіи общественныхъ положеній.

назначенія, а кардиналъ не могъ выкупить у ювелировъ данный вексель, то обманъ, разумеется, вышелъ наружу, и начался самый неблагоприятный процессъ. Роанъ послѣ продолжительнаго ареста былъ оправданъ, графиня лишена чести и присуждена къ пожизненному заключенію, но успѣла спастись бѣгствомъ (1785). Народъ охотно вѣрилъ соучастію нелюбимой королевы и утверждался въ этомъ мнѣніи разными памфлетами неблагонамѣренныхъ людей, и особенно глубоко оскорбленныхъ де Роановъ.

§ 706. б) Преобразовательные планы Мальзерба и Тюрго. Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ Людовикъ XVI призвалъ въ министерство двухъ мужей, желавшихъ и способныхъ коренными реформами привести въ порядокъ разстроенное въ конецъ государственное хозяйство и снова утвердить колеблющійся тронъ: это были Тюрго и Мальзербъ (1776). Они настаивали на совершенномъ преобразованіи государственнаго управленія, на допущеніи лицъ средняго класса къ высшимъ административнымъ и судебнымъ должностямъ, на устраненіи тайной полиціи и чиновничьяго произвола, на измѣненіи податной системы, на бережливости въ государственномъ хозяйствѣ и на уничтоженіи всѣхъ преградъ, стѣснявшихъ земледѣліе, торговлю и промышленность, особенно на смягченіи строгихъ цеховыхъ уставовъ, мѣшавшихъ свободному развитію личной дѣятельности и частнаго производства. Точно такъ же военный министръ Сенъ-Жерменъ старался искоренить злоупотребленія, господствовавшія въ арміи.

По плану Мальзерба и Тюрго, всѣ существующіе налоги предполагалось мало по малу замѣнить новою системой податей, простиравшеюся на дворянство и духовенство и основанною на общемъ обмежеваніи земель (кадастрѣ); чтобы поднять среднее и крестьянское сословіе хотѣли они отмѣнить барщины и выкупить всѣ феодальныя повинности, уничтожить цехи и всѣ внутреннія заставы и ввести однообразныя мѣры и вѣсы; вѣротерпимость къ протестантамъ, ограниченіе числа монастырей, улучшеніе училищной части и предоставленіе свободы печати должны были положить начало соотвѣтственному времени народному образованію и вытѣснить собой распространеніе ложнаго, вольномысленнаго просвѣщенія той эпохи; отмѣна или по крайней мѣрѣ ограниченіе числа тайныхъ повелѣній, которыхъ выдавалось до тысячи ежегодно, должны были стѣснить произволъ чиновниковъ и возбудить довѣріе къ правительству; ограниченіемъ злоупотребленій по раздачѣ пенсій, сокращеніемъ процентовъ государственнаго долга и строгой бережливостью въ расхо-

дахъ намѣревались водворить порядокъ въ разстроенныхъ финансахъ. Завершеніемъ всему этому должно было служить общее уложеніе для всѣхъ областей края. Военный министръ Сенъ-Жерменъ, старикъ, испытанный превратностями жизни, хотѣлъ отмѣнить продажность офицерскихъ мѣстъ и преимущества королевской гвардіи передъ всѣми остальными частями войска.

Предложенія эти встрѣтили столь ожесточенныхъ противниковъ въ аристократіи и при дворѣ, кромѣ впрочемъ самого короля Людовика XVI, а потомъ въ парламентахъ, и особенно въ духовенствѣ, что министры были вынуждены сложить съ себя свое званіе. Духовенство старалось отвлечь грозившую бѣду—обложеніе его податями по кадастру,—вызвавшись на ежегодный добровольный взносъ (don gratuit) въ королевскую казну.

§ 707. в) Трудное финансовое положеніе. Не лучше удалось повести дѣло и женеvesкому банкиру Некеру, когда онъ взялся за управленіе финансами послѣ Тюрго (1777—81). Положеніе его было затруднительно уже и потому, что онъ былъ человѣкъ средняго сословія, да къ тому еще протестантъ, а средства, къ которымъ онъ прибѣгнулъ для возстановленія разстроеннаго хозяйства—бережливость и созывъ областныхъ чиновъ,—возбудили противъ него ненависть двора и аристократіи; когда же по поводу одного займа онъ обнародовалъ отчетъ о состояніи финансовъ (compte rendu), то эта уступка обществу встрѣчена была такимъ взрывомъ негодованія (со стороны заинтересованныхъ тайнымъ хозяйничаньемъ высшихъ классовъ), что министръ долженъ былъ просить объ увольненіи (май 1791). Отставка его освободила дворъ отъ докучной, стѣснительной бережливости, но вмѣстѣ и увеличила беспорядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Издержки ежегодно на многіе милліоны превышали доходъ; займы, при шаткомъ кредитѣ и при безъ того уже огромномъ государственномъ долгѣ, могли заключаться только на невыгодныхъ условіяхъ и доставляли одно кратковременное облегченіе, ни мало не отвращая кореннаго зла. Американская война поглотила государственный доходъ за три года и, кромѣ новаго финансоваго затрудненія, создала правительству сильныхъ, невѣдомыхъ еще враговъ, возбудивъ и въ высшихъ и въ низшихъ гражданскую гордость, республиканскій духъ и живое чувство свободы. Въ эту роковую пору трудное управленіе финансами принялъ на себя (по настоянію королевы) легкомысленный, расточительный Калоннъ (1783). Онъ отступилъ отъ Некеровой системы бережливости, охотно угождалъ

желаніямъ королевы и требованіямъ принцевъ и придворныхъ, и обманывалъ нѣсколько времени весь свѣтъ обѣщаніями финансовыхъ преобразованій, которые должны положить конецъ всѣмъ бѣдамъ. Въ Версаль давались самые блистательные праздники и громко превозносились необыкновенныя дарованія Колонна. Но вскорѣ недостало средствъ и у него, такъ что рѣшились прибѣгнуть къ собранію такъ-называемыхъ именитыхъ людей (*assemblée des notables*, 22 февр. 1787), которыхъ совѣтомъ пользовались иногда въ трудныхъ обстоятельствахъ со времени утвержденія неограниченной королевской власти: ихъ составляли изъ дворянъ, духовенства, высокыхъ государственныхъ сановниковъ, членовъ парламента и нѣсколькихъ городскихъ депутатовъ. Но вмѣсто ожидаемой помощи Колоннъ нашелъ себѣ въ нихъ отъявленныхъ враговъ. Онъ предложилъ всеобщую систему податей, простирающуюся на дворянъ и духовенство, но это предложеніе было упорно отвергнуто привилегированными совѣтниками, а обнаруженный при этомъ случаѣ дефицитъ возбудилъ такую страшную бурю, что Колоннъ отказался отъ своей должности и уѣхалъ въ Лондонъ, дабы избѣжать грозившаго ему формальнаго обвиненія. Преемникомъ ему сталъ ревностѣйшій противникъ его въ собраніи именитыхъ людей, Ломени де Брѣннъ, архіепископъ Тулузскій.

§ 708. г) Раздоръ съ парламентомъ. Положеніе Брѣнна было тяжело. Когда онъ хотѣлъ занести въ парламентскіе протоколы два новые указа о податяхъ, то встрѣтилъ тамъ такое упорное сопротивленіе, что король сначала прибѣгнулъ къ обычному принудительному средству — тронному засѣданію (*lit de justice*), а потомъ, когда не могло и это (августъ 1787), сослалъ самыхъ смѣлыхъ членовъ парламента въ Труа (Troyes). Въ этихъ ссорахъ принималъ живѣйшее участіе французскій народъ, котораго собраніе именитыхъ людей ознакомило съ положеніемъ государственнаго казначейства и который былъ увлеченъ мыслями о свободѣ и человѣческихъ правахъ. Онъ шумно окружилъ мѣсто засѣданій, встрѣчалъ радостными кликами ораторовъ оппозиціи и бранью — сторонниковъ правительства; уже и тогда не было возможности поддержать правосудіе въ законной силѣ. Въ парламентѣ и на улицахъ все громко требовали созыва государственныхъ чиновъ. Напрасно министръ условился съ старшими, осторожными членами сосланнаго въ Труа парламента насчетъ отмены указовъ о податяхъ (ноябрь 1787), съ тѣмъ чтобы ему рѣшили новый заемъ въ 440 милліоновъ; едва предложено было объ-

утвержденіи этого займа въ королевскомъ засѣданіи, какъ многие члены (въ особенности герцогъ Орлеанскій) протестовали противъ этой мѣры и, по удаленіи короля, дозволили себѣ выказаться такъ энергически, что дворъ рѣшился приступить къ новымъ арестамъ, но тѣмъ еще болѣе усилилъ раздраженіе и оппозицію. Въ объявленіи, написанномъ парламентскимъ членомъ Дюваль-Депремемилемъ и принятомъ всеми его товарищами (май 1788), было потрясено господствовавшее со временъ Ришльё убѣжденіе, что одному монарху принадлежитъ законодательная и исполнительная власть, и такъ сильно доказывали, съ одной стороны, право чиновъ утверждать подати, съ другой — противозаконность тайныхъ повелѣній и ненарушимость правъ и привилегій магистратуры и отдѣльныхъ областей, что король и министры, раздраженные такою дерзостью и встревоженные новымъ духомъ, повидимому заразившимъ все парламенты, рѣшились подвергнуть ихъ такому же преобразованію, какое испытали они при Людовикѣ XV. Для этого захвачены были самые смѣлые изъ членовъ; остальныхъ же, окруженныхъ войскомъ, принудили въ тронномъ засѣданіи къ принятію новой организаціи (въ видѣ *conseil plénierges*¹). Мѣсто парижскаго парламента должно было заступить чрезвычайное собраніе высшаго дворянства и нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ, созываемое для занесенія въ свой протоколъ новыхъ указовъ о податяхъ и другихъ постановленій; областные парламенты были ограничены въ своей судебной сферѣ, у нихъ отняты почти все тяжбы и уголовныя дѣла, въ которыхъ не были замѣшаны ни духовные, ни дворяне, и предоставлены вѣдомству особыхъ среднихъ судовъ (приказовъ). Но, съ одной стороны, смѣлый протестъ членовъ парламента противъ вынужденнаго у нихъ согласія, съ другой общее неудовольствіе народа, доходившее въ Провансѣ, Лангедокѣ, Дофинѣ и особенно въ Бретани до возстаній и разныхъ буйствъ, при чемъ сожигали между прочимъ изображеніе министра. — все это должно бы было убѣдить всякое болѣе зоркое правительство въ томъ, что прошло уже не-возвратно время самовластиа.

§ 709. д) Созывъ государственныхъ чиновъ. Все возрастающая буря противъ министра вынудила наконецъ дворъ (августъ

¹ Такъ назывались торжественныя собранія васалловъ въ присутствіи короля, начиная съ 11 до 15 вѣка. Собранія эти обыкновенно сопровождалась пирами, турнирами и т. д.

1788) согласиться на увольнение Бриэнна в такое время, когда безденежье дошло до того, что надо было приостановить все платежи наличными, и когда несостоятельность государственного банка казалась неизбежна. Тут министерство финансов передано было популярному Некеру (1788—89), из чего все заключили, что король рѣшился наконец на созывъ государственныхъ чиновъ, столь часто обѣщанный и неотступно требуемый отовсюду. Поэтому лишь только Некеръ успокоилъ общее волнение и восстановилъ довѣріе къ правительству освобожденіемъ арестованныхъ парламентскихъ членовъ и отмѣною постановленій противъ парламентовъ, какъ уже и сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ осуществленію этой важной и обильной послѣдствіями мѣры. Тогда-то вскорѣ обнаружилось, что парламенты сочувствовали переменамъ лишь на столько, на сколько это не было въ ущербъ интересамъ ихъ сословія; ибо какъ они, такъ и вторично спрошенные Некеромъ именитые люди (notables) были того мнѣнія, что новое собраніе вразсужденіи числа депутатовъ и самого хода дѣла должно держаться образца государственныхъ чиновъ 1614 года, тогда какъ Некеръ обѣщалъ среднему сословію двойное число депутатовъ, и хотѣлъ чтобы голоса подавались не по сословіямъ, а поголовно: къ его взгляду присоединились даровитѣйшіе поборники народа въ безконечномъ числѣ памфлетовъ. Изъ послѣднихъ всѣхъ болѣе впечатлѣніе произвела брошюра бббата Сіеса: «Что такое среднее сословіе?» (декабрь 1788). Урожденный графъ и вмѣстѣ духовное лицо, говорилъ онъ равно и противъ дворянъ и противъ духовенства и выставилъ то главное положеніе революціи, что средній классъ есть сама нація,—народъ во всей полнотѣ его власти. Мнѣніе Некера одержало верхъ. Королевскимъ указомъ число членовъ отъ духовенства и дворянъ опредѣлено было по 300 отъ cadaго сословія, а депутатамъ средняго чина указано быть въ числѣ 600; срокомъ открытія государственныхъ чиновъ назначено 1 мая слѣдующаго года. Слишкомъ поздно раскаялся въ своемъ сопротивленіи постигнутый негодованіемъ народа парламентъ и старался уступчивостью возвратитъ себѣ свое прежнее положеніе: популярность его была утрачена навсегда, а блескъ, въ какомъ явилось вскорѣ новое собраніе, до того помрачилъ собою парламентъ, что позднѣйшее упраздненіе его прошло почти незамѣченнымъ. Некеръ былъ героемъ текущаго дня, но не сталъ вождемъ государственнаго кормила, онъ только «шелъ по вѣтру», куда несло корабль. Безъ всякаго плана и подготовки выступилъ этотъ близорукій представитель правительства передъ

представителей народа, полныхъ самыми смѣлыми и разнообразными взглядами на общественныя дѣла.

Благодаря недостаточной и различной по областямъ системѣ выборовъ, представительство недвижимой собственности оказалось слишкомъ слабо, а благодаря перенятому у прежнихъ государственныхъ чиновъ обычаю, чтобъ избирательныя корпораціи снабдили своихъ депутатовъ письменными наказами (cahiers) относительно своихъ желаній, въ палату поступило множество торопливыхъ, необдуманныхъ предложеній о реформахъ. На первомъ планѣ стояли требованія объ уничтоженіи безусловной королевской власти, отмѣнѣ феодальныхъ отношеній, ограниченіи власти и богатствъ духовной іерархіи. Вся Франція одушевлялась одною мыслью, что отнынѣ наступаетъ для народа и государства совсѣмъ новая пора, и что переворотъ долженъ непременно совершиться, кто бы ни сталъ ему поперекъ дороги.

III. Учредительное собраніе (съ 5 мая 1789 по 30 сентября 1791).

§ 710. Національное Собраніе. Въ началѣ мая депутаты трехъ сословій, въ томъ числѣ даровитѣйшіе и образованнѣйшіе люди Франціи, собрались въ Версалѣ. Уже по одному наряду (дворянство явилось въ бархатныхъ епанчахъ, обшитыхъ золотомъ и кружевами, въ шляпахъ съ перьями; гражданство — въ простыхъ черныхъ епанчахъ, въ шляпахъ безъ кокардъ и перьевъ), а еще болѣе на аудіенціи у короля, третье сословіе почувствовало себя униженнымъ и оскорбленнымъ. Тѣмъ болѣе вѣсь приобрѣло оно себѣ тотчасъ послѣ торжественнаго открытія собранія (5 мая 1789). Съ первыхъ же засѣданій вступило оно въ борьбу съ обоими высшими сословіями и правительствомъ по поводу повѣрки полномочій, потому что они требовали отдѣльной повѣрки по сословіямъ, а гражданство, напротивъ, отстаивало общую повѣрку огуломъ. Такъ какъ слѣдствіемъ такой мѣры были бы общія совѣщанія и поголовная подача голосовъ, при чемъ дворянство и духовенство, между которыми многіе раздѣляли воззрѣнія третьяго сословія, а иныхъ не было на лицо, составляли бы

меньшинство¹, то этот споръ настойчиво продолжался нѣсколько недѣль, пока одинъ смѣлый и удачный шагъ не рѣшилъ его въ пользу гражданства. Последнее, избравшее президентомъ проникнутаго энтузіазмомъ и духомъ свободы, парижскаго депутата — астронома Байльи, но руководимое высшими талантами такихъ людей какъ Сіесъ и Мирабо, объявило себя національнымъ собраніемъ, и пригласило другія сословія присоединиться къ нему; этому вызову послѣдовала часть низшаго духовенства, ближайшаго къ среднему сословію, тогда какъ другіе упорствовали въ своемъ сопротивленіи. Рѣшенія, принятія національнымъ собраніемъ послѣ этого важнаго шага, именно: не расходиться до тѣхъ поръ, пока націи не будутъ возвращены ея древнія права, а между тѣмъ заботиться о правильномъ взносѣ податей, какъ бы ни были онѣ противозаконны, и объ уплатѣ процентовъ государственнаго долга, пока чины не будутъ распущены по какой бы то ни было причинѣ, — эти рѣшенія были очень умно рассчитаны для того, чтобы утратить дворъ и заинтересовать націю, особенно государственныхъ заимодавцевъ, въ прочномъ существованіи національнаго собранія.

§ 711. Королевское засѣданіе (23 іюня). Эти происшествія встревожили дворъ и внушили ему мысль — отъ себя дать народу конституцію и, такимъ образомъ, обойтись безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ. Съ этою цѣлью на 23-е іюня назначено было королевское засѣданіе, а между тѣмъ, для приготовленій къ нему, была заперта зала собранія. И когда Байльи, увѣдомленный объ этомъ очень поздно, явился со всѣми депутатами, ихъ не впустили въ залу, вслѣдствіе чего они отправились, въ сопровожденіи огромной толпы народа, въ пустую залу зданія, назначеннаго для игры въ шаръ (20 іюня), и тамъ, поднявъ руки, торжественно поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока сами не дадутъ новой конституціи государству. Въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ въ церкви св. Людо-

¹ Всѣхъ наличныхъ членовъ было 1139; въ томъ числѣ 270 депутатовъ дворянства, 291 депутатъ духовенства, и 578 депутатовъ третьяго сословія.

вика, къ гражданству примкнула большая половина духовенства, со многими архіепископами во главѣ. 23 іюня было королевское засѣданіе. Декларация короля, наполненная изъясненіями неудовольствія, упреками и угрозами, подѣйствовала тѣмъ не пріятнѣе, что отсутствіе Некера, которому принадлежалъ первоначальный проектъ, повидимому доказывало, что онъ не одобряетъ сдѣланныхъ въ его планѣ измѣненій, а потому и предположенное государственное преобразование было принято очень холодно. Особенно не понравилось то, что собственность каждого была признана неприкосновенною, тогда какъ привилегированныя сословія присвоивали себѣ въ видѣ собственности именно всѣ тѣ права, отъ которыхъ желало третье сословіе. По окончаніи засѣданія, король приказалъ собранію разойтись. Дворянство и духовенство повиновались; по гражданство осталось неподвижно на своихъ мѣстахъ, и когда церемоніймейстеръ потребовалъ повиновенія, то Мирабо, напомнивъ собранію данную имъ клятву и ободривъ его къ сопротивленію, воскликнулъ: «Скажите вашему повелителю, что мы собрались здѣсь волею народной власти, и что насъ можно прогнать отсюда только силою штыковъ». Добродушный король не отважился употребить силу противъ этого рѣшительнаго сопротивленія. Собраніе объявило себя неприкосновеннымъ, и вскорѣ (27 іюня 1789) къ гражданству присоединилась часть высшаго духовенства (между прочими Таллейранъ-Перигоръ, епископъ отѣнскій, и Анри Грегуаръ впоследствии епископъ въ Блуа) и дворянство (съ порочнымъ, богатымъ и честолюбивымъ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ), такъ что теперь и самъ Людовикъ подался на полное соединеніе чиновъ въ одно собраніе.

§ 712. Взятіе Бастиліи (14 іюля). Эта побѣда третьяго сословія, а еще больше тревожныя военія столицы, напустили аристократическую партію двора и навели ее на мысль — силою избавиться отъ угрожающей опасности. Не довѣряя увлеченнымъ въ движеніе и сочувствовавшимъ гражданству гвардейцамъ, убѣдили короля призвать въ Версаль нѣсколько нѣмецкихъ и швейцарскихъ полковъ. Напрасно пыталось національное собраніе своими представленіями отклонить эту мѣру, не предвѣщавшую ему ничего добраго; дворъ настаивалъ.

Безпокойство чиновъ быстро сообщилось парижскому гражданству.

Въ Парижѣ, по выборѣ депутатовъ, избиратели составили общество, для посредничества между городекою общиною и національнымъ собраніемъ, — примѣръ, который вскорѣ нашелъ себѣ подражаніе въ провинціяхъ. Разные закиги, а также журналы и памфлеты, появившіеся во множествѣ, рѣчи въ кофейняхъ и харчевняхъ поддерживали постоянное волненіе и ненависть къ высшимъ классамъ въ этомъ демократическомъ обществѣ избирателей, которое старалось передавать свой образъ мыслей низшимъ классамъ. Поэтому оживленный, многлюдный городъ находился въ постоянной тревогѣ и броженіи, и въ Пале Рояль (жилищѣ герцога Орлеанскаго), въ публичныхъ мѣстахъ, въ гостиницахъ, толпы праздныхъ и дерзкихъ людей жадно внимали возбуждательнымъ рѣчамъ молодаго, даровитаго и жаждавшаго свободы адвоката Камилль Демулена и другихъ демагоговъ, говорившихъ о народной вольности, правахъ человѣка и равенствѣ всѣхъ сословій. Въ эту пору волненія было положено основаніе вооруженной силѣ гражданъ, которая подъ именемъ національной гвардіи принимала столь существенное участіе въ послѣдующихъ бурныхъ событіяхъ. Зерномъ ея сталъ одинъ отиавшій полкъ гвардейцевъ. Черезъ это столица совсѣмъ подчинилась вліянію общества избирателей, которое, по взятіи Бастиліи (при чемъ былъ убитъ городской голова, *prévôt des marchands*, Флессель — старшина средневѣковой городской общины), назначило новый демократическій муниципалитетъ (общинный совѣтъ и городскія начальства), сдѣлало Байльи меромъ Парижа, и черезъ посредство начальниковъ 60-ти городскихъ частей (*sections*), могло постоянно дѣйствовать на простой народъ и на страшную чернь предмѣстевъ.

Вѣсть о сосредоточеніи войскъ, которое тайные агенты Мирабо и герцога Орлеанскаго выставляли явнымъ доказательствомъ преднамѣреваемого отпора, уже сама по себѣ страшно взволновала народъ, какъ въ Парижѣ пришло извѣстіе (12 іюля), что Некеръ внезапно отставленъ и изгнанъ изъ государства, и что на его мѣсто назначенъ любимецъ королевы и ненавистнаго графа д'Артуа, Фулонъ. Это было принято за первый шагъ къ военнымъ мѣрамъ и послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію. Толпы грубой черни шумно расхаживали по улицамъ, украшенные новоизобрѣтенною національною кокардой; въ городѣ ударили въ набатъ, ма-

стерскія оружейнаго завода были ограблены, смятеніе и безпорядокъ царствовали повсюду. 14-го іюля, когда народъ похитилъ изъ Дома Инвалидовъ 30,000 ружей и нѣсколько пушекъ, послѣдовало взятіе Бастиліи. Разрушеніе этой крѣпости, лежавшей при входѣ въ Антуанское предмѣстье, должно было не только обезопасить городъ отъ возможнаго нападенія, но и ознаменовать собою конецъ деспотизма, произвольныхъ арестацій, и торжество новаго порядка вещей надъ средневѣковымъ, феодальнымъ. Начальникъ Делонѣ и семь человѣкъ гарнизона пали жертвою народной ярости; головы ихъ носили на шестахъ по улицамъ города съ шумными и радостными кликами, и избіеніе народомъ многихъ, слывшихъ тогда аристократами, показало ясно, что законъ и начальство безсильны и что власть уже въ рукахъ толпы. Изгнанный Некеръ былъ призванъ обратно; въездъ его въ города и селенія Франціи походилъ на триумфъ увѣнчаннаго побѣдой героя; этотъ тщеславный человѣкъ принялъ за дань своимъ заслугамъ и стремленіямъ то, что было только изліяніемъ новаго чувства свободы и ненависти ко двору и аристократіи. Испуганные этими проявленіями враждебной народной воли, и досадуя на то, что король не соглашается подавить движеніе въ крови и междоусобной войнѣ, д'Артуа, Конде, Полиньяки и другіе ненавидимые за аристократизмъ дворяне, оставили свое отечество и положили начало обильной послѣдствіями эмиграціи (выселенію), пересадившей старую Францію, со всею ея порчей, расточительностью и безденежемъ, во «Францію внѣшнюю», за границу. Назначеніе Лафайетта вождемъ организованныхъ силъ гражданства — національной гвардіи, возведеніе Байльи въ должность мера столицы и поѣздка короля въ Парижъ, гдѣ онъ съ кокардой на шляпѣ показался собравшемуся народу на балконѣ ратуши, и тѣмъ заявилъ свое одобреніе случившагося, завершили собой этотъ рядъ событій, который можно назвать послѣднею борьбой абсолютной королевской власти и народненіемъ новаго порядка. — Съ тѣхъ поръ умолкли законъ и порядокъ; анархія господствовала и въ столицѣ, и въ провинціи. Фулонъ и зять его Бертье де-Совиньи пали жертвами изступленной черни. Поселяне жгли замки своихъ

помѣщиковъ и уже не исполняли никакихъ повинностей въ отношеніи къ дворянству и церкви. Какъ и въ Парижѣ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ полиція и всѣ правительственныя дѣла были въ рукахъ общиннаго совѣта и національной гвардіи; жизнь людей, нелюбимыхъ народомъ, была въ опасности; умерщвленіе ихъ оставалось безнаказаннымъ.

Трехцвѣтное знамя. Объясняя въ Пале-Роялѣ собравшейся толпѣ опасность, какою угрожаетъ народу сосредоточеніе иноземныхъ войскъ, Камилль Демуленъ сорвалъ съ дерева листь, прикрѣпилъ его къ своей шляпѣ и пригласилъ толпу сдѣлать тоже самое, дабы патриоты имѣли свой отличительный знакъ. Скоро всѣ деревья въ саду были ошипаны. Но какъ зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ ненавистнаго д'Артуа, то приняли цвѣта города Парижа, синій и красный, а потомъ, по предложенію Лафайетта, присоединили къ нимъ бѣлый, цвѣтъ Бурбоновъ, въ знакъ союза націи съ короной. Такъ произошло многозначительное трехцвѣтное знамя.

§ 713. Дѣйствія національнаго собранія (4-е авг.). Не сдѣлавъ національному собранію никакихъ предложеній насчетъ новой конституціи, и относясь къ будущему безъ всякаго плана и мысли, правительство не было въ состояніи управлять преніями и дать надлежащій ходъ дѣламъ. Слѣдствіемъ было то, что депутаты поддались напору времени и, по примѣру американскихъ штатовъ, начали торжественнымъ заявленіемъ правъ человѣка. Этими общими положеніями, внушенными обманчивымъ увлеченіемъ къ народной свободѣ, желали навѣки порѣшить съ абсолютизмомъ королевской власти и преимуществами привилегированныхъ сословій, а вмѣсто того вызвали тираннію массы. Какъ прежде упоминались однѣ только обязанности подданныхъ и опускались ихъ права, такъ теперь впали въ противоположную крайность. Не покончили еще съ этимъ, какъ опустошительные пожары поселянъ привлекли общее вниманіе къ правамъ дворянства. 4 августа (1789) Виконтъ де Ноайль, зять Лафайетта, объявилъ, что привилегированныя сословія должны на дѣлѣ доказать народу свое желаніе облегчить его, и для этого по собственному побужденію отказаться отъ всѣхъ средневѣковыхъ феодальныхъ правъ. Это предложеніе вызвало бурю восторга и самоотверженности.

Никто не хотѣлъ отстать отъ другихъ. Сословія, города, провинціи соперничали между собою за честь принести наибольшія жертвы общему благу. Предложенія слѣдовали одно за другимъ съ лихорадочной поспѣшностью и живостью, такъ что одно, продленное до ночи, засѣданіе уничтожило все многосложное зданіе болѣе чѣмъ тысячелѣтнихъ учреждений и совершенно преобразовало прежнее состояніе Франціи.

Дворянство отказалось безъ всякаго вознагражденія отъ всѣхъ барщинныхъ и другихъ феодальныхъ повинностей, которыхъ помѣщикъ могъ требовать съ крестьянъ, отъ права охоты и соединеннаго съ нимъ варварскаго наказанія нарушителей, и отъ вотчиннаго суда; духовенство пожертвовало своими десятинами, простиравшимися отъ 60 до 80 милліоновъ ежегодно; городскіе депутаты согласились на отпѣну продажи должностей, на уничтоженіе цеховъ и гильдій, а также всѣхъ провинціальныхъ и городскихъ преимуществъ. При этомъ было принято за правило—равномѣрное распределеніе налоговъ и допущеніе всѣхъ гражданъ къ государственнымъ и военнымъ должностямъ.

Права короля Французовъ были чрезмѣрно ограничены новою конституціей. Положено было имѣть одну палату, поставленную не ниже, а подлѣ короля, исключительно обладающую законодательной властью и вооруженную правомъ почина (иниціативы). Вмѣсто предложеннаго вначалѣ и поддержаннаго депутатомъ Мирабо, безусловнаго veto, королю едва дано было veto отсрочивающее, которое могло только задержать на четыре года принятый палатою законъ. Но самая конституція объявлена дѣйствительною и безъ королевскаго утвержденія.

§ 174. Перемѣщеніе короля и Национальнаго Собранія въ Парижъ (5 октября). Такъ какъ король колебался обнародовать статьи конституціи, то распространили слухъ о намѣреніи правительства ниспровергнуть ее силою. Этотъ слухъ усилился, когда фландрскій полкъ былъ призванъ въ Версаль, и на праздникъ, данномъ лейбгвардіей новоприбывшимъ офицерамъ, король имѣлъ неосторожность явиться съ королевою и дофинемъ въ столовую во время обѣда, и тѣмъ подать поводъ разгоряченному виномъ собранію къ необлагоразумнымъ выходкамъ, тостамъ и пѣснямъ. Дѣятельные языки быстро

разнесли по Парижу вѣсть объ этомъ происшествіи, которое еще усилило волненіе народа, и безъ того раздраженнаго недостаткомъ хлѣба, что приписывали отсутствію двора. Поэтому 5 октября несчетныя толпы черни, большею частію женщины, подъ предводительствомъ героя Бастиліи Майльера и одного мясника-рабочаго (Журдана), прозваннаго «головорѣзомъ», двинулись въ Версаль, чтобы потребовать отъ короля дешевины хлѣба и перенесенія резиденціи въ Парижъ. Опозоривъ національное собраніе участіемъ въ его засѣданіи и вмѣшательствомъ въ пренія, толпы отправили депутацію къ королю, который старался успокоить ихъ ласковымъ отвѣтомъ. Но въ ночи чернь напала на одно крыло замка, изрубивъ часовыхъ лейбгвардейцевъ; съ трепетомъ укрылась королева съ своими придворными дамами въ комнаты супруга, и только запоздалое прибытіе Лафайетта съ національною гвардіей отвратило дальнѣйшую бѣду. На слѣдующій день король долженъ былъ согласиться переѣхать съ своимъ семействомъ въ Парижъ, въ сопровожденіи этихъ страшныхъ полчищъ, и поселиться въ необитаемомъ уже много лѣтъ Тюильрійскомъ дворцѣ. Вскорѣ послѣдовало за нимъ и Национальное Собраніе, для котораго былъ передѣланъ находившійся близъ дворца манежъ.

Герцогъ Орлеанскій, обвиняемый въ возбужденіи версальскихъ смутъ съ цѣлью стать во главѣ государства въ случаѣ избіенія королевской фамиліи, отправился на нѣкоторое время въ Лондонъ. Генералъ Лафайеттъ, который негодовалъ на короля за его отказъ признать и обнародовать «права челоуѣка», повидимому съ умысломъ оказалъ мало усердія при подавленіи народнаго мятежа. Мирабо, предувѣдомленный, благодаря своимъ связямъ, о предстоящей бурѣ, напрасно совѣтовалъ президенту Национальнаго Собранія закрыть засѣданіе. Основанное на этомъ подозрѣніи, будто онъ самъ участвовалъ въ возбужденіи смуты, было несправедливо.

§ 715. Учрежденіе новаго порядка вещей. Какъ 4-е августа сломило силу дворянства, а 5-е октября повергло въ прахъ весь блескъ королевской власти, такъ въ ноябрѣ и слѣдующихъ мѣсяцахъ были уничтожены независимое положеніе духовенства и судебная власть парламентовъ, и отмѣною всѣхъ ограниченій, созданныхъ историческимъ правомъ и церковнымъ законодательствомъ, проложенъ путь къ «свободѣ и равенству» всѣхъ французскихъ «гражданъ».

По предложенію Таллейрана, церковное имущество было объявлено собственностью государства и подлежащимъ отчужденію, а производство жалованья духовенству и забота о духовныхъ и благотворительныхъ дѣлахъ возложена на правительство. Вскорѣ послѣдовало также упраздненіе монастырей и духовныхъ орденовъ, а въ слѣдующемъ году — новое устройство епископствъ (назначили 40 архіепископовъ и въ каждомъ департаментѣ по 1 епископу), при чемъ постановлено, что духовныя лица будутъ избираемы народомъ, и что должна господствовать полная свобода въ роисповѣданіи. Законъ, по которому всѣ клирики должны были присягнуть новому порядку (названному «гражданскимъ устройствомъ духовенства», *constitution civile du clergé*), вскорѣ раздѣлили духовенство на два большіе лагерьа. Большинство отказывалось дать отвергнутую папой гражданскую присягу, и предпочло лишиться своихъ мѣстъ; только треть духовенства подчинилась присягѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Анри Грегуаръ, епископъ блуаскій, доказавшій своею общественною дѣятельностью въ учредительномъ собраніи и въ конвентѣ, «что въ дѣлѣ революціи онъ видѣлъ только дѣло челоуѣколюбія». Съ тѣхъ поръ множество духовныхъ мѣстъ оставались незанятыми во Франціи, и священники различались на присяжныхъ и неприсяжныхъ; послѣдніе по праву не могли долѣе считаться священниками, но тѣмъ болѣе казались такими вѣрующимъ. Этотъ законъ уничтожилъ во Франціи государственную религію, а съ нею и вліяніе римской куріи на управленіе государствомъ. Такъ какъ нельзя было тотчасъ продать церковное имущество, то выдавались обезпеченные ими письменные векселя или знаки (*ассигнаціи*), въ видѣ бумажныхъ денегъ. Эта мѣра, вначалѣ принятая съ хорошею цѣлью, въ послѣдствіи сдѣлалась тиранническою и повлекла за собой разореніе многихъ тысячъ челоуѣкъ. Постоянно возрастающее безденежье заставляло правительство выпускать безмѣрное количество этихъ денежныхъ знаковъ, такъ что народъ, и безъ того мало вѣрившій въ прочность существующаго порядка, утратилъ всякое довѣріе къ нимъ и отказывался принимать ихъ. Тщетно конвентъ, въ дни террора, назначилъ имъ принудительный курсъ; цѣнность ихъ со дня на день упала въ обращеніи, пока наконецъ послѣдовало государственное банкротство.

Смертельный ударъ аристократическому, судейскому и чиновничьему сословію парламентовъ, былъ заготовленъ во время осеннихъ судебныхъ ваканцій, которыя были продлены до тѣхъ поръ, пока

завершили новое раздѣленіе всего края и устроили связанный съ нимъ судебный распорядокъ.

По этому новому закону (февраль 1790), Франція получила новое географическое дѣленіе на 83 участка (департаменты), которымъ даны были названія отъ рѣкъ, горъ и другихъ естественныхъ особенностей, при чемъ исчезло старое дѣленіе на провинціи съ его внутренними таможами и особыми учрежденіями. Единоеобразіе мѣры, вѣса, монетной пробы и т. п., и единообразное устройство судебной власти завершили государственное единство Франціи. Какъ департаменты дѣлились на округи (arrondissements), а округи на кантоны, такъ суды дѣлились на уголовные съ присяжными (ассизы, главные суды), на окружные (tribunaux) и на мировые суды (кантональные). Во всѣхъ должны были господствовать устность и гласность, а пытка и жестокіе средневѣковые способы наказанія были все отмѣнены. Цензура также была уничтожена, и введена свобода печати.

Когда были устранены все сословныя отличія, Національное Собраніе сдѣлало послѣдній шагъ (19 іюня 1790), провозгласивъ равенство всехъ гражданъ, и упразднивъ наследственное дворянство и все обозначенія сословныхъ различій, каковы титулы, гербы, ливреи и т. п., а также источникъ имущественнато отличія—право первородства (майоратъ).

Произведенное этими законами распредѣленіе поземельной собственности, принадлежавшей какъ церкви, такъ и дворянству, было однимъ изъ благотѣльныхъ послѣдствій революціи, такъ какъ благодаря ему среднее и крестьянское сословія приобрѣли поземельную собственность, и исчезла положенная неравенствомъ имуществъ бездна между высшими и низшими классами. — Воспитанный во Франціи, нѣмецкій баронъ Анахарсизъ Клотсъ, съумасбродный, мечтательный приверженецъ республиканскаго равенства, во главѣ депутаціи изъ представителей разныхъ народовъ и племенъ, благодарилъ Національное Собраніе за эти рѣшенія отъ имени всего человѣчества. Увлеченіе свободою дошло до степени настоящего недуга, и въ началѣ прекрасныя и благородныя идеи челоуѣколюбія и космополитизма теперь служили только съумасбродамъ и обманщикамъ для потѣшныхъ сценъ и фантастическихъ разглагольствій. Рядомъ съ Клотсомъ обратила на себя общее вниманіе и просла-

вилась крайними и безразсудными выходками амазонка замѣчательной красоты, Теруанъ-де-Мерикуръ изъ Люттиха.

Пока Національное Собраніе было занято этими учредительными трудами, вся власть постепенно перешла къ народной массѣ. Какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, народъ, постоянно возбуждаемый рьяными ораторами (демагогами) и журналами, захватилъ въ свои руки полицейское управленіе и судъ, и сталъ въ одно и тоже время и судьей и палачомъ. Изъ журналовъ ни одинъ не имѣлъ такого вреднаго вліянія, какъ возбуждавшій и подстрекавшій страсти и нечистыя влеченія черни «Другъ Народа», изданіе безобразнаго, кровожаднаго и низкаго врача Марата, изъ Нѣшателя. — Парижскія секціи (городскія части), раздѣленныя на многія коммиссіи подъ начальствомъ избранныхъ ими самими предсѣдателей и чиновниковъ, презирали законы и всякую власть. Ими руководили демократическіе клубы, получившіе отъ монастырей, гдѣ они собирались, названія якобинцевъ и кордельеровъ¹ (францисканцевъ).

Послѣдніе, во главѣ которыхъ стояли страшный Дантонъ, своимъ громовымъ голосомъ подвигавшій массы, и даровитый, замѣчательный народный ораторъ, адвокатъ Камилль Демуленъ, имѣли величайшее вліяніе на чернь и дѣйствовали въ интересъ порочнаго герцога Орлеанскаго. Якобинскій клубъ, первоначально основанный депутатами Бретани, былъ самый многочисленный и заключалъ въ себѣ людей различнаго образованія и характера, но воодушевленныхъ одинакимъ стремленіемъ — осуществить равенство и свободу, и для этого совершенно разрушить старыя учрежденія. Парижскіе якобинцы состояли въ сношеніяхъ съ своими единомышленниками въ провинціяхъ, гдѣ образовалось болѣе 150 подобныхъ клубовъ. — Рядомъ съ этими двумя обществами явился клубъ фельяновъ², стремившійся основать конституціонную монархію съ свободными основными законами и противодействовавшій усилению черни; къ этому клубу принадлежалъ Лафайеттъ, но онъ имѣлъ мало значенія и вскорѣ всецѣмъ закрылся.

§ 716. Праздникъ братства. Бѣгство короля. Въ годовщину штурма Бастиліи (14 іюля 1790) былъ устроенъ ве-

¹ Кордельеръ, Cordelier, собственно—веревочникъ, отъ веревки, какою обыкновенно опоясывались Францисканцы.

² Собиравшійся въ монастырѣ монаховъ этого ордена, который держался устава св. Бернарда.

личественный праздникъ братства (федерации). Зрѣлище было поразительно, когда на парижскомъ Марсовомъ полѣ, гдѣ добровольнымъ соревнованіемъ рабочихъ былъ сооруженъ амфитеатръ, епископъ отѣнскій (Таллейранъ), во главѣ 300 священниковъ въ бѣлой одеждѣ, опоясанныхъ трехцвѣтными шарфами, приступилъ къ освященію 83 департаментскихъ знаменъ предъ возвышавшимся среди площади алтаремъ, когда Лафайеттъ именовъ національной гвардіи, президентъ—именемъ Национальнаго Собранія, и наконецъ самъ король присягали конституціи, когда всѣ полмилліона присутствовавшего тутъ народа торжественно подняли руки и повторяли гражданскую присягу, и даже королева, увлеченная общимъ одушевленіемъ, приподняла дофина и объявила, что раздѣляетъ всенародную радость. То были лучше дни революціи (сентябрь 1790), которые радостно привѣтствовала вся Европа. Нѣмецкіе поэты и филантропы думали, что вотъ пришло время, когда должны осуществиться лучшія мечты ихъ.— Но воодушевленіе миновало, и положеніе короля становилось все затруднительнѣе. Некеръ, неспособный направлять движеніе, покинулъ Францію и удалился въ Швейцарію. Склонившійся въ пользу двора Мирабо, который подъ конецъ со всею своей энергіей противился дальнѣйшимъ ограниченіямъ королевской власти и старался упрочить конституціонно-монархическій порядокъ съ строгимъ разграниченіемъ трехъ властей—законодательной, исполнительной и судебной,—Мирабо умеръ на 42 году своей жизни (2 апрѣля 1791) отъ болѣзни, вызванной или по крайней мѣрѣ усиленной беспорядочною жизнію въ соединеніи съ чрезмѣрнымъ трудомъ.

Въ лицѣ Мирабо пала послѣдняя крѣпкая опора престола. Всеобщее участіе, выказавшееся послѣ его смерти и при погребеніи, было данью общественнаго уваженія къ великому уму, независимо отъ взгляда партій.—Слабый, безхарактерный король потерялъ въ немъ умнѣйшаго и разсудительнѣйшаго совѣтника, и потому отнынѣ судьба его быстро приближалась къ развязкѣ.

Колебаніе Людовика утвердить отвергнутое папою гражданское положеніе духовенства, и его отказъ имѣть при себѣ присяжныхъ священниковъ и объявить измѣнниками эмигрантовъ, которые изъ Турина, Кобленца и Вормса

старались склонить европейскіе дворы къ походу противъ Франціи, дали врагамъ монархическаго порядка и друзьямъ буйнаго мятежа новый поводъ волновать народныя массы. Тогда король принялъ отчаянное рѣшеніе—тайно бѣжать на сѣверную границу королевства. Задуманная, но остановленная парижскимъ населеніемъ поѣздка въ Сень-Клу о Святой, доказала ему, что его личная свобода въ опасности; грозное настроеніе столицы предвѣщало новыя возстанія; на мирную развязку было мало надежды. Много плановъ было составлено и отвергнуто; Буйльё, рѣшительный, преданный королю генералъ въ Лотарингіи, былъ посвященъ въ тайну и общалъ своими войсками подкрѣпить бѣгство, исполненію котораго лично содѣйствовалъ шведскій графъ Ферзенъ. Оставивъ письмо, въ которомъ излагались претерпѣнныя имъ безчисленныя оскорбленія и протестъ противъ всѣхъ постановленій, навязанныхъ ему съ октября 1789 года, король благополучно выѣхалъ изъ Парижа съ своимъ семействомъ въ большой каретѣ (въ ночь на 21 іюня 1791). Но это неискусно веденное дѣло слишкомъ скоро обратилось въ ничто. Людовикъ былъ узнанъ почтмейстеромъ Друэ въ Сень-Менеу, задержанъ гражданскою стражей въ Вареннѣ и привезенъ назадъ по приказу Национальнаго Собранія, которое, узнавъ о тайномъ отъѣздѣ короля, тотчасъ отрѣшило его на время и присвоило себѣ исполнительную власть вмѣстѣ съ государственною печатью. Три депутата (Песіонъ, Барнавъ, Латуръ-Мобуръ) приняли высокихъ плѣнниковъ на свои руки и сопровождали ихъ на обратномъ пути, полномъ опасностей и замедлившемся отъ стеченія безчисленнаго народа. Это несчастное бѣгство и отреченіе отъ утвержденныхъ статей конституціи отняли у короля послѣдній остатокъ вѣса и уваженія. Многочисленная партія требовала, чтобы Людовикъ былъ обвиненъ и преданъ суду: враги монархіи возбудили народное возстаніе, чтобы вынудить низложеніе короля съ престола; но этому успѣшно помѣшали усилія конституціонной партіи и побѣда Лафайетта надъ народными массами, такъ что начало королевской неприкосновенности было еще поддержано; но временное отрѣшеніе отъ власти продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ концѣ сентября король не присягнулъ завер-

шенной теперь конституции и не обнародовалъ ее во всеобщее свѣдѣніе. Тогда только корона получила опять нѣкоторый отблескъ верховной власти.

III. Законодательное Собрание. (съ 1 октября 1791 по 20 сентября 1792 г.).

§ 717. Распространеніе республиканства. По окончаніи конституции, учредительное собраніе разошлось (30 сентября) и уступило мѣсто другому собранію, которое должно было дополнить государственное устройство составленіемъ новаго законодательства и потому приняло названіе законодательнаго (*assemblée nationale législative*). Такъ какъ члены учредительнаго собранія, актомъ благородной, но неблагоприятной самоотверженности, сами лишили себя права на вступленіе въ новую палату, то разбитые по департаментамъ и руководимые якобинцами выборы большею частію пали на народныхъ вождей, смѣлыхъ демократовъ и республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ.

Всѣхъ новыхъ депутатовъ было 745; то были большею частью молодые, скорые на руку люди, на половину адвокаты, въ томъ числѣ лица съ высокими ораторскимъ дарованіемъ. Правая сторона собранія, состоявшая изъ приверженцевъ конституціонной монархіи (Фельяны, Вобланъ, Бёньо, Дюма и др.) день ото дня становилась слабѣе, между тѣмъ какъ лѣвая, избранная республиканцами, постоянно усиливалась. Эта послѣдняя распалась на два лагеря: на гору (*la Montagne*), гдѣ засѣдали разные демократы и радикалы (Шабб, Базиръ, Жанъ де-Бри, Мерленъ де Тонвилль, Кутонъ, Тюрио, Камбонъ, Дюамъ и др.), и равнину, или центръ, гдѣ обыкновенно помѣщались умеренные республиканцы съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Къ послѣднимъ принадлежали люди знатные, образованные и высоко даровитые. особенно многіе депутаты Бордо и департамента Жиронды (отсюда жирондисты). Они желали республики въ духъ древности, или же союза (федерации) какъ въ Сѣверной Америкѣ. Одаренные пламеннымъ и блестящимъ краснорѣчіемъ, проникнутые всею впечатлительностью и страстностію юга, честолюбивые, и не безъ замѣтной склонности къ проискамъ, они должны были своимъ доктринерскимъ

демократизмомъ, вытекшимъ изъ школьныхъ воспоминаній древности и отчасти изъ мифіи осьмнадцатаго вѣка, быстро заняты преобладающее положеніе въ такомъ собраніи, откуда актомъ неслыханной наивности были исключены всѣ истинно-даровитые и опытные люди перваго собранія.

Парижское гражданство, сдѣлавшее своимъ мѣромъ республиканца Песіона на мѣсто Байльи, и выбравшее въ члены общинаго совѣта кровожадныхъ Робеспьера и Дантона, имѣло страшную власть въ своихъ рукахъ. Якобинскій клубъ приобрѣталъ болѣе и болѣе могущества и значенія и увеличивалъ число своихъ приверженцевъ въ провинціяхъ. Робеспьеръ, Марать (который въ своемъ «Другъ Народу» день ото дня страшнѣе грозилъ гибелью всѣмъ тѣмъ, которые стояли выше черни по происхожденію или по достатку), бывшій актеръ Колло д'Эрбуа, журналистъ Тальенъ, исключенный за безнравственность изъ монастыря, Бильо-Варренъ и др., играли тамъ главную роль. Дантонъ и Камилль Демуленъ, вожди кордельеровъ, тоже участвовали въ засѣданіяхъ якобинцевъ, и жирондисты только послѣ паденія короля отдѣлились отъ демократическаго союза. Но въ законодательномъ собраніи имѣли перевѣсъ жирондисты, отличавшіеся любовью къ отечеству и нравственными качествами, образованіемъ и даромъ слова. Они сначала сгруппировались около Ролана (*Roland*) и его умной и благородной жены; но въ послѣдствіи наибольшимъ вѣсомъ пользовался у нихъ Бриссо (отсюда бриссотисты), поклонникъ американской конституціи. Значительнѣйшими изъ нихъ были еще: Гюадё, Верньо, Жансоннё, философъ Кондорсё, Бюзё, Инаръ, Лапжюинё, Барбару (любовникъ Шарлотты Кордэ) и мн. др. Къ нимъ же принадлежалъ генералъ Дюмурьё. Хотя эти люди и не были способны создать что нибудь прочное, однако они обладали истинно революціоннымъ даромъ возбуждать страсти своимъ ораторскимъ увлеченіемъ, силою слова бросать въ лихорадочный жаръ слушателей, такъ легко воспламеняющихся какъ Французы, и, не имѣя въ себѣ ни одной черты грубой, рѣзкой демагоги, тѣмъ не менѣе успѣшно способствовать цѣлямъ самой дикой демократической анархіи. — Красная якобинская шапка, появившаяся въ это время, была отличительнымъ знакомъ всѣхъ республиканцевъ; марсельеза (пѣснь марсельскихъ демократовъ), сочиненіе Руже де л'Иля, сообщала воодушевленіе и воинственность; водруженіе деревъ свободы давало поводъ къ шумнымъ собраніямъ и возбуждательнымъ рѣчамъ. Смѣ-

лые народные ораторы и дерзкие журналисты возбуждали и подстрекали страсти черни и увлекали массы къ уничтоженію всего существующаго и къ кровавому преслѣдованію тѣхъ гражданъ, которые выдѣлялись изъ низшихъ классовъ званіемъ, образованіемъ и имуществомъ, и которыхъ поэтому предавали, какъ аристократовъ, ненависти народа. (Между прочимъ въ пѣснѣ: Ah, ça ira!)

§ 718. Бури противъ королевской власти. Новое собраніе направило свои удары на неприсяжныхъ священниковъ, которые старались возбудить въ народѣ неудовольствіе и недовѣріе къ его представителямъ, и на эмигрантовъ, которые сдѣлали Кобленцъ, Вормсъ и другія мѣста «гнѣздомъ противодѣйствія революціи», не только протестуя противъ принятаго королемъ государственнаго устава и заявляя своимъ воинственнымъ положеніемъ намѣреніе силою возстановить старый порядокъ вещей, но и стараясь побудить европейскія державы къ походу на мятежную Францію. Поэтому въ ноябрѣ появился декретъ, которымъ предписывалось «составить списки присягнувшимъ и неприсягнувшимъ священникамъ; послѣдніе должны были лишиться своихъ пенсій, а въ случаѣ открытаго неповиновенія закону или обнаруженія дурнаго образа мыслей, подвергнуться двухлѣтнему тюремному заключенію.» На это рѣшеніе, противное религіозной свободѣ, король наложилъ свое veto (свой запрѣтъ), равно какъ и на сдѣланное въ это же время предложеніе, чтобы всѣ эмигранты, которые не возвратятся во Францію къ январю 1792 года, были приговорены къ смертной казни, какъ измѣнники отечеству, а имущество и доходы ихъ переданы націи.

Наложеніе королевскаго veto на наказанія, опредѣленные отъявленнымъ врагамъ новаго порядка, произвело весьма непріязненное впечатлѣніе въ собраніи. Сопротивленіе короля приписывали тайнымъ надеждамъ двора на помощь иностранныхъ державъ и на побѣды эмигрантовъ. Извѣстно было, что королева имѣла постоянныя сношенія съ своимъ братомъ, императоромъ Австрійскимъ, и считала своею опорой и своимъ спасеніемъ выселившееся дворянство.

Противъ эмигрантовъ была направлена вся ярость народныхъ представителей. Когда нѣмецкіе дворы оставили безъ послѣдствій жалобы министерства, состоявшаго изъ жирондистовъ Ролана, Дюмурье, Клавьера и Сервана,

на вооруженія эмигрантовъ, а Пруссія и Австрія стали въ угрожающее положеніе, имъ обѣимъ была объявлена война, и король, хоть и со слезами на глазахъ, долженъ былъ дать на это свое согласіе (20 апрѣля 1792).—Чтобы предохранить столицу и Національное Собраніе отъ всякаго нападенія, рѣшено было, подъ предлогомъ возобновленія праздника въ честь штурма Бастиліи, призвать изъ южныхъ областей 20,000 національныхъ гвардейцевъ (федератовъ) и ввѣрить имъ охраненіе безопасности и защиту Парижа. Но какъ этому рѣшенію, такъ и одному новому декрету, подвергавшему неприсяжныхъ священниковъ изгнанію и ссылкѣ, король стойко отказалъ въ своемъ утвержденіи. Тогда жирондистскіе министры подали въ отставку, послѣ того какъ письмо, написанное благородною, мечтавшею о свободѣ и счастіи народа г-жею Роланъ (18 іюня), высказало королю рѣзкіе упреки за его непреклонность и жестокое поученіе о его обязанностяхъ. Это письмо, вскорѣ разошедшееся по рукамъ, произвело такое волненіе въ народѣ, что республиканцамъ, раздраженнымъ за отверженіе декретовъ и удаленіе жирондистскихъ министровъ, не трудно было возбудить возстаніе. 20 іюня, въ годовщину знаменитой клятвы въ зданіи для игры въ шаръ, страшная, вооруженная пиками чернь предмѣстьевъ двинулась подъ предводительствомъ пивовара Сантерра, мясника Лежандра и подмастерья-мѣдника Росиньоля, сначала въ Національное Собраніе, потомъ въ королевскій дворецъ, чтобы принудить монарха утвердить декреты о неприсяжныхъ священникахъ и призваніи федератовъ. Но и тутъ Людовикъ остался непреклоненъ. Съ мужествомъ мученика противился онъ нѣсколько часовъ сряду всѣмъ опасностямъ и угрозамъ и переносилъ насмѣшки черни, которая даже надѣла на него красную якобинскую шапку и подавала ему пить прямо изъ бутылки. Нѣсколько запоздалое прибытіе Песіона съ гражданскою гвардіей освободило его наконецъ изъ такого ужаснаго положенія. Это происшествіе исполнило негодованіемъ всѣхъ, кто еще сохранялъ нѣкоторое уваженіе къ законности и порядку, и побудило Лафайетта, находившагося при сѣверной арміи съ тѣхъ поръ какъ закрылось учредительное Собраніе, самовольно пріѣхать въ Парижъ (3 іюля), чтобы защищать посрамленную конститу-

цію, подвергнуть наказанію зачинщиковъ смуты и спасти короля. Но отчасти нерасположеніе королевы къ «генералу-гражданину», отчасти его собственная перъбительность, помъшали исполненію этого плана. Онъ возвратился въ свѣрную армію, преслѣдуемый ненавистью и недоверіемъ якобинцевъ.

§ 719. Паденіе королевской власти 10 августа. Если крайности черни въ Тюильри доставили королю уваженіе лучшихъ людей Франціи, то ошибки эмигрантовъ и надменность непріятельскихъ вождей содѣйствовали напротивъ видамъ республиканцевъ. Война открылась наконецъ * къ великой радости прусскихъ офицеровъ, сулившихъ себѣ мало труда и много выгодъ отъ этой «военной прогулки», какъ называли они французскій походъ. Подъ предводительствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, государя щедро надѣленнаго умственными и нравственными качествами, который образовался въ школѣ Фридриха Великаго и, также ослѣненный блескомъ побѣдъ Семилѣтней войны, пользовался высокимъ уваженіемъ современниковъ, вступила въ Лотарингію прусская армія, подкрѣпленная Гессенскимъ отрядомъ. Австрійское войско, подъ начальствомъ Клерфета, было подчинено герцогу, и 12,000 эмигрантовъ, примкнувшихъ къ этой арміи, пылали нетерпѣніемъ низвергнуть «правленіе адвокатовъ» и отомстить своимъ врагамъ. При своемъ вторженіи, герцогъ издалъ сочиненный однимъ эмигрантомъ, въ высшей степени неловкій военный манифестъ (25 іюля), полный обидныхъ угрозъ Национальному Собранію, городу Парижу, національной гвардіи и всѣмъ сторонникамъ нововведеній, если король будетъ долѣе подвергаться принужденію и насилію; если же Парижане окажутъ покорность и раскаются въ своей вигѣ, манифестъ обѣщаль, что по вступленіи войскъ въ столицу, ихъ императорское и королевскія величества будутъ ходатайствовать предъ королемъ Людовикомъ, о прощеніи Парижанамъ. Эта надменная рѣчь произвела невыразимое влечательнѣе на народъ, посторженно стоявшій за новый порядокъ вещей и душою вреданный свободѣ и независимости. Онъ узналъ въ пей высокоумный духъ дворянской эмиграціи, желавшей снова пріобрѣсти свои преимущества, собственность и власть, и исполнился величайшаго

ожесточенія противъ эмигрантовъ, которые своею безнравственностью позорили французское имя за границу,—противъ ихъ защитниковъ и противъ двора, который помогалъ ихъ стремленіямъ. Якобинцы воспользовались этимъ настроеніемъ, чтобы окончательно свергнуть короля. Партія движенія уже достигла того, что обвиненіе, направленное противъ главныхъ членовъ городского совѣта, Песіона и Манюэля, за неистовства черни въ Тюильри, осталось безъ послѣдствій; она воспользовалась рѣшеніемъ Национальнаго Собранія, объявившимъ «отечество въ опасности», чтобы ко второму празднованію штурма Бастиліи призвать въ Парижъ изъ Марсели, Бреста и другихъ приморскихъ городовъ толпы порочнѣйшей черни, даже галерныхъ невольниковъ (13 іюля 1792), и учредить новую военную силу во всѣхъ городахъ и селахъ; теперь якобинцы устроили комитетъ возстанія и подготавливали суровыхъ и дюжихъ жителей предмѣстевъ къ великой бурѣ противъ королевской власти. 10 августа, около полуночи, раздался набатъ. Отребіе приморскихъ городовъ, съ Дантономъ, Камилль Демуленомъ и Каррой во главѣ, и парижская чернь, предводимая Вестерманномъ и Сантерромъ, сначала двинулись противъ ратуши, чтобы поставить тамъ новое муниципальное управленіе изъ ужаснѣйшихъ демократовъ, какъ наприм. Шометтъ, Эберъ, Бильо-Вареннъ и друг., прежде чѣмъ предпринять нападеніе на Тюильрійскій дворецъ, защищаемый 900 Швейцарцевъ, парижскою національною гвардіей подъ начальствомъ Манда и отрядомъ дворянъ и роялистовъ, вооруженныхъ саблями, шпагами и пистолетами. Новый муниципалитетъ велѣлъ призвать и потомъ убить честнаго Манда, рѣшившагося съ національною гвардіей отражать силою все грознѣе и грознѣе надвигавшую массу, послѣ чего національные гвардейцы, не зная что дѣлать и смущенные присутствіемъ многихъ дворянъ во дворцѣ, большею частью разошлись. А между тѣмъ толпа угрожала все болѣе и болѣе; на дворецъ наведены были пушки; вновь прибывшіе баталіоны національной гвардіи, вооруженные пиками, проникли во всѣ входы дворца; народъ громко требовалъ низверженія короля Людовика. Тогда король сдался на совѣтъ синдика Редерера — искать съ своимъ семействомъ

защиты въ залъ засѣданій Національнаго Собранія. Шестнадцать часовъ провели они здѣсь въ тѣсной боковой ложѣ, въ то время какъ на глазахъ короля корона Франціи была разбита представителями націи, а внѣ собранія народъ умерщвлялъ послѣднихъ защитниковъ престола. Какъ только король покинулъ дворець, волнующаяся чернь принялась наступать еще сильнѣе; швейцарская гвардія оказала храброе сопротивление и охраняла входы. Когда громъ пушекъ былъ услышанъ въ находившемся по близости собраніи, негодующіе депутаты принудили напуганнаго короля запретить гвардіи стрѣлять. Это обрекло гибели вѣрныхъ защитниковъ монарха. Замѣтивъ, что непріятельскія орудія умолкли, разъяренная смертью нѣсколькихъ коноводовъ своихъ чернь пошла приступомъ на дворець, перебила находившихся тамъ людей и переломала всю домашнюю утварь. Около 5,000 человекъ, въ томъ числѣ 700 швейцарцевъ, пали въ бою или погибли потомъ жертвой народной ярости. Между тѣмъ Національное Собраніе, по предложенію Верньо, опредѣлило: временно упразднить королевскую власть, поставить короля съ его семействомъ подъ надзоръ, дать воспитателя наследному принцу и созвать національный конвентъ, который долженъ рѣшить вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ Франціи¹. Тамплъ, построенный тампліерами

¹ Считаемо нелишнимъ дополнить изложеніе автора слѣдующими замѣчаниями Минье о переворотѣ 10-го августа: «23-е сентября было назначено для открытія чрезвычайнаго собранія, которое должно было рѣшить судьбу короны. Но на дѣлѣ королевская власть пала 10-го августа, въ тотъ день, который былъ возстаніемъ массы противъ средняго сословія и конституціоннаго трона, какъ 14-е іюля было возстаніемъ средняго сословія противъ привилегированныхъ классовъ и неограниченной королевской власти. 10-го августа началась диктаторская и произвольная пора революціи. Такъ какъ обстоятельства становились все болѣе и болѣе трудными, то возникла обширная вряна, требовавшая усиленной энергіи; и эта энергія, неправильная, потому что она исходила изъ народныхъ массъ, свѣдала владычество низшаго класса безпокойнымъ, притѣснительнымъ и жестокимъ. Тогда свойство вопроса совершенно измѣнилось: дѣло шло уже не о свободѣ, но объ общественной безопасности; и періодъ конвента, отъ паденія конституціи 1791 года до того времени, когда конституція 11 года учредила Директорію, былъ лишь продолжительною борьбой революціи противъ партій и противъ Европы. Иначе и быть не могло. «Какъ скоро революціонное движеніе

укрѣпленный замокъ, вскорѣ принялъ въ свои стѣны королевское семейство въ качествѣ плѣнниковъ. Осыпаемое оскорбленіями и бранью своихъ стражей, лишенное всѣхъ внѣшнихъ удобствъ жизни, строжайшимъ образомъ отрѣзанное отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, проводило оно здѣсь горькіе, скорбные дни, пока смерть не освободила его отъ нестерпимыхъ мученій.

* Причины войны. Главною причиной войны былъ страхъ государей и правительствъ къ распространенію революціонныхъ идей, такъ какъ парижскіе якобинцы все болѣе и болѣе старались перенести мятежъ за предѣлы Франціи и сдѣлать всеобщимъ лозунгомъ «войну противъ троновъ и миръ хижинамъ». Внѣшніе поводы къ войнѣ были слѣдующіе: 1) Въ 13 и 14 столѣтіяхъ двѣ провансальскія области, графство Венессенъ и Авиньонскій округъ достались папскому престолу. Это чужеземное владычество на французской почвѣ было ненавистно стремившимся къ національному единству обновителямъ, и они довели дѣло до того, что папскіе подданные этихъ областей возмутились противъ своего установленнаго начальства и при помощи сосѣднихъ національных гвардейцевъ осуществили свое присоединеніе къ Франціи. Но это совершилось не безъ насилій, кровавыхъ злодѣйствъ и дикихъ жестокостей, жертвою которыхъ были сторонники прежняго порядка вещей. — 2) Велѣдствіе быстраго округленія французскихъ границъ, пало множество духовныхъ и свѣтскихъ верховныхъ правъ и выгодныхъ преимуществъ, которыя прежде съ незапамятныхъ временъ изъ сосѣдней германской земли глубоко пустили свои безплодные корни во Францію. И сколько было французскихъ подданныхъ, состоявшихъ подъ верховною властью какого нибудь нѣмецкаго епископа! Сколько разныхъ нѣмецкихъ владѣтелей процвѣтали на французской почвѣ, пользуясь свободой отъ податей, десятинами, барщиной, вотчинными судами и крѣпостными людьми, обезпеченные государственными договорами, и обо всемъ этомъ отнынѣ не слѣдовало быть и помину! Изъ имперскихъ чиновъ наиболѣе ущерба понесли три духовные курфюрста, рейнскіе епископы, дома гессенъ-дармштадтскій, баденскій, нассаускій, вюртембергскій, цвейбрюкенскій и часть имперскаго дворянства. Съ нѣмецкой стороны оцѣнивали подлежашіе вознагра-

«взяло верхъ», говоритъ де-Местр (Considérations sur la France).

раженію убытки по меньшей мѣрѣ во 100 милліоновъ ливровъ, да при томъ большинство не хотѣло и слышать о вознагражденіи.—3) Угрозы эмигрантовъ, которые получали оружіе изъ курфюршескихъ арсеналовъ, во многихъ мѣстахъ по Рейну учредили вербовки и составляли отряды войскъ, и объявленіе Леопольда II Австрійскаго и Фридриха Вельгельма II Прусскаго послѣ Пильницкихъ переговоровъ (на которыхъ присутствовали также д'Артуа и Калоннѣ) и послѣ австрійско-прусскаго договора 7-го февраля 1792. — объявленіе, что «они намѣрены дѣйствовать соединенными силами, съ цѣлью доставить французскому королю средства снова утвердить на полной волѣ основы монархическаго правленія». Французское правительство жаловалось на это, но получило въ отвѣтъ, что вооруженія прекратятся только тогда, когда государственное уложеніе будетъ возстановлено въ томъ видѣ, въ какомъ начерталъ его самъ король въ юнѣ 1789, когда папѣ будутъ возвращены отнятыя у него земли, а нѣмецкимъ князьямъ и дворянамъ — ихъ имѣнія, права и доходы въ Лотарингіи и Эльзасѣ. Слѣдствіемъ этого было объявленіе войны Франціи (20 апрѣля 1792). Поступки эмигрантовъ, продолжавшихъ за границей свою обычную развратную жизнь, скорѣе могли выказать міру французскую аристократію во всей ея безнравственности и порчѣ, чѣмъ напугать Національное Собраніе, какъ ни старалось оно показать, что сильно озабочено этими «анти-революціонными полчищами». Въ пирахъ и распутныхъ увеселеніяхъ, въ театрахъ, азартныхъ играхъ и любовныхъ похожденияхъ, проводило свои дни юное дворянство, и роялистское одушевленіе его ограничивалось только безплодными жалобами или шумными демонстраціями въ пользу страждущей короны. Эти воинственные и враждебныя демонстраціи господъ дворянъ способствовали видамъ жирондистовъ, видѣвшихъ во внѣшней войнѣ лучшее средство къ осуществленію своихъ политическихъ и социальныхъ замысловъ. Когда была объявлена война, во Франціи господствовала величайшая сумятица; край былъ истерзанъ, казна пуста, вожди неспособны и ненадежны, недоувѣріе повсемѣстно; только медлительность германскихъ великихъ державъ въ вооруженіи и нападеніи, оцѣпенѣлость Нѣмецкой имперіи, своекорыстіе большинства князей и отсутствіе всякаго единодушія — избавили въ то время Французовъ отъ пораженій и рѣшительныхъ несчастій.

§ 720. Сентябрьскіе дни. По временномъ отрѣшеніи короля, назначено было новое министерство національнымъ

собраніемъ. Прежніе министры изъ партіи жирондистовъ (Роланъ, Серванъ, Клавьеръ) и математикъ Монжъ участвовали въ новомъ кабинетѣ; но душою его былъ страшный Дантонъ, въ должности министра юстиціи и хранителя государственной печати. Онъ и новый парижскій общинный совѣтъ, водворившійся самъ собою и подкрѣпившійся, послѣ своихъ дѣйствій 10-го августа, надежными, неотступающими ни передъ какимъ злодѣйствомъ членами, отнынѣ дѣлили власть между собою. Муниципальный совѣтъ, предъ которымъ должно было склоняться само національное собраніе, предоставилъ завѣдываніе городскою полиціей пиконосцамъ, и вскорѣ всѣ тюрьмы наполнились подозрительными людьми и аристократами. Опираясь на силу городского управленія, которому газетчикомъ служилъ гнусный Маратъ, министр юстиціи Дантонъ приступилъ теперь къ исполненію мѣръ острастки и ужаса, ставящихъ его имя наряду съ именемъ Маріи и Суллы. Первый ударъ поразилъ неприсягнувшихъ священниковъ, которые отчасти были изгнаны или сосланы, отчасти цѣлыми сотнями умерщвлены въ монастыряхъ и тюрьмахъ рукою наемныхъ убійцъ. Когда получены были извѣстія объ успѣхахъ союзниковъ, тотчасъ предписали набрать армію въ 30,000 человекъ съ парижскаго департамента и воспользовались настроеніемъ народа, чтобы истребить всѣхъ противниковъ новаго порядка. Общинный совѣтъ учредилъ блюстительный комитетъ и временное судилище, велѣлъ оцѣпить столицу и произвести домашніе обыски; всѣ подозрѣваемые въ приверженности къ старому порядку, въ аристократизмѣ и роялизмѣ, должны были переселиться въ тюрьмы. Когда послѣднія наполнились, созрѣло кровавое рѣшеніе — избавиться отъ заключенныхъ всеобщимъ душегубнымъ судомъ, чтобы устрашеніемъ сломить всякое противодѣйствіе новому порядку. Такъ возникли ужасные сентябрьскіе дни. Со 2 по 7 сентября, шайки наемныхъ убійцъ и злодѣевъ обходили тюрьмы. Изъ нихъ двѣнадцать человекъ, съ страшнымъ Мальяромъ во главѣ, исполняли должность присяжныхъ и судей, а остальные — являлись палачами. Заключенные были потомъ убиваемы этими шайками, какъ бы съ

соблюдениемъ формъ судопроизводства; уцѣлѣли немногіе, которыхъ имена были отмѣчены въ спискахъ. Около 3,000 чело-
вѣкъ, въ томъ числѣ самые почтенные и заслуженные люди
Франціи, были умерщвлены отчасти въ одиночку, отчасти за-
разъ, этими смертоносными шайками, получавшими отъ об-
щиннаго совѣта поденную плату за «свой трудъ».

Между погибшими находилась, отличавшаяся благородствомъ пропе-
хожденія и образа мыслей, княгиня Ламбалль, задушевная подруга
королевы; толпа пиканосцевъ поднесла ея голову на длинномъ шестѣ къ
Тамплю и держала передъ окнами Маріи Антуанеты.

Подписанный Маратомъ и другими циркуляръ призывалъ жителей
департаментовъ къ подражанію, дабы въ то время, когда патриоты сра-
жаются съ вѣшнимъ врагомъ, не таились измѣнники въ тылу войска.
Во многихъ городахъ отозвались на это воззваніе (въ Версали 9 сентя-
бря). Учрежденіе чрезвычайнаго судилища вмѣстѣ съ городскимъ блю-
стительнымъ комитетомъ (comité des surveillans), гдѣ рядомъ съ людьми
террора Тальеномъ, Меге-де-ла-Тушъ, Сержаномъ и др., былъ дѣя-
тельнымъ членомъ грязный, отвратительный во всѣхъ отношеніяхъ
Маратъ, передача главнаго начальства надъ національною гвардіей
Сантерру, и дикое истребленіе всѣхъ статуй, гербовъ, надписей
и другихъ знаковъ стараго времени, завершили собою авгу-
стовскіе и сентябрьскіе дни, составлявшіе переходъ отъ
монархической Франціи къ республиканской. День осенняго рав-
ноденствія (21 сентября) считался началомъ господства свободы и ра-
венства подъ властью республиканскаго національнаго конвента.
Революція стремилась доставить челоѣку «свободу торговли и труда,
признаніе его челоѣческаго достоинства, сближеніе съ равными ему со-
гражданами. свободу вѣры и мысли»; но на мѣсто экономической свободы
она поставила хищеніе собственности, на мѣсто всеобщей полноправно-
сти — преслѣдованіе высшихъ классовъ, а на мѣсто освобожденной
религіозной совѣсти — гоненіе противъ духовенства и духовныхъ
властей.

Лафайеттъ былъ свидѣтелемъ этой перемѣны уже внѣ предѣ-
ловъ своего отечества. Его добросовѣтность и приверженность къ
конституціонной монархіи отклонили его отъ участія въ переворотѣ.
Онъ арестовалъ посланныхъ національнаго собранія, хотѣвшихъ при-
сягой связать войско съ новымъ порядкомъ; но векорѣ убѣдился, что
армія сочувствуетъ республиканцамъ. Объявленный государствен-

нымъ измѣнникомъ по приговору національнаго собранія и призванный
къ отвѣту, онъ не имѣлъ другаго выхода, кромѣ бѣгства. Онъ намѣре-
вался отправиться черезъ Голландію въ Сѣверную Америку, вмѣстѣ съ
нѣкоторыми лицами, раздѣлявшими его образъ мыслей (Алекс. Ламе-
томъ, Латуръ-Мобуромъ); но попалъ въ руки союзниковъ, которые
безчестно задержали его какъ военнопленнаго и цѣлыя пять лѣтъ про-
морили въ тюрьмахъ Магдебурга и Ольмюца. Таллейранъ получилъ
отъ Дантона паспортъ въ Англію и потомъ выжидалъ въ Америкѣ
болѣе спокойныхъ дней.

IV. Республиканская Франція подъ властью національнаго конвента (сент. 1792 по окт. 1795).

§ 721. Казнь короля. Новое собраніе, куда были допущены
члены обоихъ прежнихъ и въ которое каждый двадцатипятилѣтній Фран-
цузъ, не состоящій въ услуженіи у другаго, имѣлъ право избирать и
избираться безъ всякаго отношенія къ имуществу, — это собраніе подъ
вліяніемъ якобинской партіи составилось изъ самыхъ рьяныхъ респу-
бликанцевъ и демагоговъ. Вначалѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ жирон-
дистовъ, но скорѣе преодолѣли кровосійцы Робеспьеръ, Дантонъ,
Маратъ, Кутонъ, Фуше, герцогъ Орлеанскій, носившій теперь про-
звище Эгалитѣ (т. е. равенство), бывший маркизь Сень-Жюсть,
пронырливые комедіанты Колло д'Эрбуа и Фабръ д'Эглантинъ
и мног. друг. Барреръ, этотъ «Анакреонъ гильотины»¹, всегда
бралъ сторону побѣдителей. Якобинцы и кордельеры господствова-
ли въ городскомъ совѣтѣ, а совѣтъ, въ лицѣ національной гвардіи и
черни разныхъ частей города, извѣстной подъ именемъ «санкюлотовъ»
(безпорточныхъ), всегда имѣлъ наготовѣ страшную военную силу, съ
которою могъ принудить конвентъ ко всему. Изобрѣтенная депутатомъ
Гильютономъ и прозванная по немъ головорѣзная машина
оказалась отличнымъ средствомъ быстро сбывать съ рукъ ослушниковъ.

Процессъ короля «Людовика Капета» былъ однимъ изъ
первыхъ дѣлъ національнаго конвента. Въ стѣнѣ Тюильрій-

¹ Такъ прозвали Баррера за цвѣтистость слога, съ какою выражался онъ даже о
принятіи самыхъ жестокихъ мѣръ.

скаго дворца нашли желѣзный шкафъ съ тайными письмами и документами, изъ которыхъ было ясно, что французскій дворъ не только сносился съ Австріей и съ эмигрантами и затѣвалъ съ ними планы къ ниспроверженію конституціи, которую Людовикъ утвердилъ своей присягой, но что онъ старался склонить къ тому же нѣкоторыхъ членовъ національнаго собранія (Мирабю) съ помощію пенсіи, подкуповъ и другихъ средствъ. На этомъ республиканцы, которымъ очень желалось избавиться отъ короля, основали представленное національному конвенту обвиненіе въ измѣнѣ и злоумышленіи Людовика противъ народа и государства. Два раза являлся онъ передъ конвентомъ (11 и 26 декабря) съ двумя данными ему въ помощь адвокатами, къ которымъ добровольно присоединился еще благородный Мальзербъ. Но, не смотря на то, что онъ держалъ себя и защищался съ достоинствомъ, и не смотря на усилія жирондистской партіи, которая, желая ниспроверженія королевской власти, не хотѣла однакожь смерти короля и потому старалась, чтобъ окончательный приговоръ представленъ былъ народу въ первичныхъ его собраніяхъ, Людовикъ, въ бурномъ засѣданіи, продлившемся до поздней ночи, былъ осужденъ на смерть малымъ большинствомъ голосовъ (17 янв. 1793). — Якобинцы употребили всѣ средства, чтобы добиться этого результата устрашеніемъ; но они все-таки не достигли бы своей цѣли, еслибъ не настояли напередъ на измѣненіи существующаго закона въ томъ смыслѣ, что для произнесенія смертнаго приговора, вмѣсто голоса двухъ третей присяжныхъ, положено было требовать только простаго большинства. Такимъ образомъ преднамѣренное убійство было облечено формою суда. Напрасно старались подъ-конецъ жирондисты и умѣренные добиться по крайней мѣрѣ отстрочки казни, — сопротивленіе ихъ только ускорило ихъ собственное паденіе. Уже 21 января несчастный король вступилъ на кровавый помостъ, устроенный на Революціонной площади. Барабанный бой національной гвардіи заглушилъ его послѣднія слова, и «бабѣ Робеспьера» привѣтствовало окровавленную голову кликомъ: «да здравствуетъ республика!»

Въ день казни Людовикъ былъ единственный человекъ въ Парижѣ, обладавшій спокойствіемъ души. Всѣ не такъ рьяные сторонники рево-

люціи терзались угрызениями совѣсти, Жиронда ясно предвидѣла собственное низложеніе, якобинцы скрежетали зубами, чувствуя одиночество своего побѣднаго торжества. Весь день лавки въ Парижѣ оставались заперты, надъ цѣлымъ городомъ простерлась тишь тупаго изумленія, вечеромъ въ открытыхъ по приказу театрахъ явилось очень много зрителей. Женщины, по словамъ одного якобинскаго журнала, были печальны въ этотъ день, и это не мало содѣйствовало мрачному виду всего города. Мы сожгли за собой корабли, сказалъ Маратъ. Это было кратчайшимъ выраженіемъ истины совершившагося дѣла. Въ этотъ день краугольный камень республики былъ погруженъ рукою убійцы въ потокъ крови, — кровь и убійство остались неизмѣнными спутниками сооружаемаго зданія во всѣхъ его частяхъ. Побѣдителямъ не оставалось съ тѣхъ поръ иного выбора, кромѣ того, чтобъ гибнуть самимъ или губить всѣхъ своихъ противниковъ. Но великая и образованная нація не можетъ надолго пробавляться однимъ злодѣйствомъ и управляться кровопролитіемъ.

Осужденіе и смерть короля. «Такъ, говоритъ Зибель, господствовалъ ужасъ въ Конвентѣ, такъ вынудилъ онъ Конвентъ 16 января совершить дрожащими руками царубійство. Съ разсвѣта того дня ватаги Фурнье и Мальяра, бандиты 6 октября и поденщики 2 сентября наполнили всѣ дворы и входы зданія. Время текло въ предуготовительныхъ разсужденіяхъ, только къ десяти часамъ вечера началась поименная переключка. Зала была слабо освѣщена, депутаты расхаживали въ безмолвномъ волненіи или въ тихой бесѣдѣ; на мрачныхъ галлереяхъ, попивая и затягиваясь табакомъ, тѣснились вооруженныя ватаги, съ примѣсью фанатическихъ женщинъ, и каждаго, кто свободно подавалъ свой голосъ, забрасывали онѣ изъ своихъ потемокъ ругательствомъ. Никто не сомнѣвался, что послѣдуетъ, если за смертный приговоръ не окажется большинства: немногіе, чувствуя всю тягость принужденія, съ негодованіемъ возстали противъ тиранства, — большая часть членовъ уступила боязни или за собственную жизнь, или за будущность Франціи. Верные еще наканунѣ говорили съ защитниками короля и выражали свое отвращеніе противъ смертнаго приговора. Онѣ изъ первыхъ подавалъ голосъ, но видя передъ собой грозныя скрежещущія зубами массы народа, объявился за смерть. Болѣе двадцати единомышленныхъ съ нимъ людей послѣдовали его примѣру: нельзя же было, увѣряли они въ послѣдствіи, зажигать изъ-за одного человека междоусобную войну. Тутъ забывалось еще общее благо, но не было недостатка и въ беззакрытномъ себялю-

біи. Боже мой, говаривалъ потомъ графъ Кошонъ еще въ блистательные дни Имперіи, конечно, я считалъ Людовика совершенно невиннымъ, но развѣ я долженъ былъ подвергать себя народной расправѣ, какъ измѣнникъ? Поименный вызовъ членовъ продолжался всю ночь и весь слѣдующій день. Въ полдень, за нѣсколько шаговъ отъ залы собранія, пролетаріи городскихъ частей (*des sections*) праздновали свое братство съ федератами на Карусельной площади; въ то же время городской совѣтъ постановилъ предложить подать съ богатыхъ, съ тѣмъ, чтобы на собранныя деньги выдавать хлѣбъ бѣднякамъ. Въ восемь часовъ вечера окончилась перекличка въ Конвентѣ: въ эту минуту пришла депеша, которою Испанскій король просилъ отсрочки процесса на столько времени, чтобы своимъ посредничествомъ попытаться примирить Францію съ Германіей. Въ этомъ послѣднемъ кризисѣ трагедіи какъ нарочно совмѣстились всѣ моменты тогдашняго положенія, — господство черни, коммунистическія стремленія и революціонная война, и отовсюду рѣшеніе было одно и то же. Робеспьеръ, такъ часто говорившій противъ войны, и въ послѣдствіи, между прочимъ изъ-за объявленія войны, отправившій жирондистовъ на плаху, — самъ Робеспьеръ отвергъ въ ту минуту миръ, который принудилъ бы его пощадить Людовика. Тираны уязвимы только въ голову, сказалъ Дантонъ, съ тиранами Европы можемъ мы переговариваться только битвами, — я подаю голосъ за смерть тирана. Изъ 721 человѣка присутствовавшихъ членовъ, 364, то-есть именно только безусловное большинство, объявились въ пользу казни. Къ нимъ присоединились еще 26, но при этомъ требовали обсуждения, не слѣдуетъ ли отложить исполненіе приговора по политическимъ соображеніямъ, 13 человѣкъ ставили отсрочку необходимымъ условіемъ приговора, 324 желали заключенія въ тюрьму или другихъ наказаній. Якобинцы имѣли всѣ поводы быть довольными; очевидно, страхъ передъ ихъ угрозами овладѣлъ Конвентомъ. Тѣмъ настойчивѣе требовали они устраненія послѣдняго препятствія, — предложенной отсрочки. — Людовикъ уже нѣсколько недѣль ни мало не сомнѣвался объ исходѣ своего процесса и приготовился къ послѣднему мгновенію. Первую вѣсть о приговорѣ принесъ ему одинъ изъ его защитниковъ, достопочтенный Мальзербъ, обливаясь слезами. Король обнялъ его совершенно спокойно и сказалъ: «Смерть не страшитъ меня, я надѣюсь на милосердіе Божіе». Въ такомъ настроеніи оставался онъ цѣлые дни неизмѣненъ, не обнаруживая ни скорби, ни гнѣва, можно сказать почти веселый; въ отношеніи къ себѣ лично, онъ покинулъ далеко за собой всѣ желанія, всѣ

надежды сего міра. Не боюсь смерти, говорилъ онъ своему камердинеру Клери, но содрагаюсь при мысли о королевѣ, о моихъ несчастныхъ дѣтяхъ. Онъ преодолѣлъ и это, и даже нашелъ въ себѣ силы для глубокаго сочувствія къ націи, которая предала его въ руки тирановъ: вижу длинную вереницу ужасовъ, безконечный рядъ междоусобій, терзающихъ Францію, говорилъ онъ. Такъ прошелъ Людовикъ и путь послѣдней, самой горькой скорби, — прощаніе съ своими, которыхъ покидалъ онъ безъ защиты и безъ друзей въ рукахъ варваровъ: это былъ двухчасовой непрестанный взрывъ долго копившихся печалей, одно нескончаемое, наполненное рыданіями объятіе. Теперь и это кончено, сказалъ онъ потомъ: зачѣмъ суждено намъ любить и быть любимымъ среди такихъ горестей! Подумаемъ теперь исключительно о томъ, что необходимо, — подумаемъ о вѣчномъ спасеніи. Послѣ спокойнаго сна проснулся онъ утромъ 21 съ чувствомъ физической слабости, борясь черезъ силу съ утреннею стужей, но потомъ векорѣ укрѣпился воспоминаніемъ о правосудіи Божіемъ и, не тревожась грубою бранью своихъ сторожей, бросилъ послѣдній взглядъ на окна своего семейства и сѣлъ въ телѣжку, которая отвезла его на эшафотъ».

§ 722. Военныя событія. Медленно и методически подвигалось австро-прусское войско подъ начальствомъ Брауншвейга черезъ Лотарингію къ Шампани. Напрасно Фридрихъ Вильгельмъ II, который съ обоими сыновьями находился при арміи и увлекаясь «роялистскою романтикой» горѣлъ желаніемъ вступить въ рыцарскую борьбу съ революціей, отмстить за оскорбленіе Величества и возстановить ниспровергнутый престолъ, — напрасно старался онъ побудить герцога къ быстрому походу на столицу: Брауншвейгъ, привыкшій къ осторожной, обстоятельной тактикѣ Семилѣтней войны, тратилъ время на взятіе неважныхъ укрѣпленій (Лонви и Вердена) и вступилъ въ Шампань въ самое неблагоприятное время года, — дороги стали непроходимы отъ дождей и употребленіе нездоровой пищи и незрѣлыхъ плодовъ ослабило и извело войско. Поэтому, когда легкомысленный, но очень самонадѣянный Дюмурьё занялъ Аргонскую рошу, а Келлерманъ «канонадою при Вальми» (20 сент. 1792), неподалеку отъ Каталаунскихъ полей, гдѣ нѣкогда произошла страшная сѣча съ Гуннами, отбилъ съ нѣкоторымъ успѣ-

хомъ нападеніе враговъ, тогда въ прусской арміи покинули планъ дальнѣйшаго наступленія. Послѣ безполезныхъ шестидневныхъ переговоровъ, которыми Дюмурье воспользовался для того, чтобъ продержатъ непріятеля въ бездѣйствии и посѣять недовѣріе и разладъ между Пруссіей и Австріей, обезотваженные и удрученные ненастьемъ и дурнымъ содержаніемъ, голодомъ и поносомъ, Нѣмцы начали отступать на Вердѣнь, непреслѣдуемые Французами, а потомъ ослабленные еще отозваніемъ разныхъ корпусовъ, совершенно покинули французскіе предѣлы. Такъ кончилось столкновеніе подъ Вальми, которое, при тогдашнемъ плохомъ устройствѣ французской арміи, должно бы доставить Нѣмцамъ вѣрную побѣду, еслибъ только быстро произведено было мужественное нападеніе, какъ желалъ того Прусскій король; но чрезмѣрная осторожность главнаго вождя склонила вѣсы въ пользу Французовъ и дала такой оборотъ дѣламъ, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Европы. При всемъ томъ оборона «Фермопильской тѣснины», какъ Французы хвастливо прозвали Аргонскій лѣсокъ, — эта оборона была вовсе не геройскою битвой. По отступленіи прусскихъ войскъ, Дюмурье обратился на австрійскія силы въ Бельгіи, выигралъ битву при Жемаппѣ (6 ноября) и не только завоевалъ австрійскіе Нидерланды съ Люттихомъ (гдѣ народъ, давно недовольный княземъ-епископомъ, § 690, охотно примкнулъ къ поборникамъ свободы и равенства), но овладѣлъ еще крѣпостями на рубежѣ Голландіи и угрожалъ подобною же участью и этому краю. Столь же быстры и блистательны были успѣхи французскаго войска противъ Сардиніи, приставшей къ врагамъ Французовъ. Савойя и Ницца были легко покорены и, подобно Бельгіи и лѣвому берегу Рейна, присоединены въ видѣ новыхъ департаментовъ къ Французской республикѣ.

Эти самоуправныя мѣры Конвента, равно какъ и распространеніе революціонныхъ идей чрезъ введеніе республиканскихъ конституцій, учрежденіе якобинскихъ клубовъ и водруженіе деревъ свободы¹ въ

¹ Деревья эти, въ знакъ возрастающей свободы, водружались обыкновенно на публичныхъ площадяхъ; сначала выбрали для этого тополь (peuplier), а затѣмъ, когда названіе peuplier подало поводъ къ насмѣшкамъ, да и зелень дерева слишкомъ скоро

завоеванныхъ краяхъ, а также чрезъ воззванія къ подданнымъ различныхъ монарховъ, чтобы и тамъ ввести новый порядокъ свободы и равенства, и наконецъ ужасъ, возбужденный во всѣхъ европейскихъ государствахъ погубленіемъ Людовика XVI, все это привело къ сильной коалиціи противъ французскихъ республиканцевъ подъ рукою Англіи. Аристократическая Великобританія, Нидерланды, Пруссія, Австрія, Германская имперія, Италія и Испанія ополчились всѣ, чтобы подавить во Франціи новыя идеи, равно опасныя какъ для трона и алтаря, такъ и для преимуществъ привилегированныхъ сословій. Народы съ ликованіемъ привѣтствовали вначалѣ французскихъ войновъ, возвѣщавшихъ освобожденіе всѣхъ людей отъ тысячелѣтняго гнета и водвореніе общаго равенства, но вскорѣ восторгъ ихъ къ хваленной свободѣ значительно охладѣлъ, когда чужеземныя войска стали жить на ихъ счетъ, а члены конвента — обогащаться ихъ имуществомъ.

Дюмурье, раздѣлявшій мнѣніе жирондистовъ, былъ недоволенъ буйными поступками Конвента и вскорѣ навлекъ себѣ этимъ ненависть и подозрѣніе господствовавшей демократической партіи. Какъ союзникъ герцога Орлеанскаго, котораго сынъ Людовикъ Филиппъ (въ послѣдствіи король Французовъ) состоялъ при арміи, Дюмурье сначала пользовался расположеніемъ Дантона, который защищалъ его противъ Робеспьера, Марата и другихъ якобинцевъ; но когда борьба между Жирондою и Горою въ народномъ собраніи приняла болѣе ожесточенный характеръ, тогда задруднилось и положеніе Дюмурье. Депутаты Конвента наблюдали за генераломъ, уронили вѣсъ его въ глазахъ войска и самовластно распоряжались въ покоренныхъ имъ земляхъ. Это было въ то самое время, когда новая австрійская армія подъ начальствомъ принца Кобурга, которому въ помощь приданы были Клерфетъ и молодой, даровитый эрцгерцогъ Карлъ, явилась въ Нидерландахъ, оттѣснила Французовъ на Маасъ и одолѣла самого Дюмурье при Нервинденѣ (18 марта 1793). Неудачу эту французскій генералъ приписалъ преимущественно якобинцамъ, мутившимъ армію соблазнами, изъ своекорыстія дурно обезпечившимъ военную поставку и придавшимъ ему неспособ-

увядала, то прибѣгнули къ болѣе прочной ели, которой вершину обыкновенно вѣнчали красною якобинскою шапкой.

наго товарища. Въ-сердцахъ онъ намекалъ довольно ясно, что помышляетъ какъ бы низложить Конвентъ и возстановить монархическій порядокъ, съ герцогомъ Орлеанскимъ или его сыномъ во главѣ. — Конвентъ, увѣдомленный обо всемъ, изъ себя выходилъ отъ ярости; онъ отдалъ генерала подь судъ и потребовалъ его въ Парижъ къ отвѣту. Но Дюмурье уже вступилъ въ переговоры съ Клерфетомъ черезъ генерала Мака. Поэтому онъ велѣлъ схватить депутатовъ Конвента, которые должны были препроводить его въ Парижъ (Берновила, Камюса, Ламарка и друг.), и выдать ихъ непріятелю, а потомъ и самъ съ Людовикомъ Филиппомъ и полутора тысячу своихъ войскъ отправился въ непріятельскій лагерь. Такимъ образомъ Бельгія опять перешла въ руки союзниковъ, но какъ Англичане и Голландцы, между тѣмъ также принявшіе участіе въ войнѣ, намекали довольно ясно, что надѣются получить вознагражденіе за свои издержки на счетъ вновь пріобрѣтенной страны, то они возбудили недовѣріе въ Австрійцахъ, а это имѣло очень вредное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣйствій. — Дюмурье, котораго Конвентъ объявилъ измѣнникомъ отечеству, жилъ съ тѣхъ поръ то въ датскихъ, то въ англійскихъ предѣлахъ и умеръ въ 1823 г. на чужбинѣ, всѣми забытый и презираемый.

Осенью (1792) гусарскій генералъ Кюстинъ вторгнулся съ небольшимъ отрядомъ въ прирейнскіе края Германіи, при господствовавшемъ между мелкими князьями разногласіи безъ труда овладѣлъ городами Шпейеромъ, Вормсомъ и Майнцемъ, занялъ даже Франкфуртъ на Майнѣ и взялъ съ него контрибуцію. Подданные смежныхъ нѣмецкихъ областей, тѣснимые несправедливыми налогами, злоупотребленіями права охоты и феодальными повинностями, и не имѣя ни безпристрастнаго суда, ни иной дѣйствительной защиты, приняли чужеземцевъ, возвѣщавшихъ имъ господство человѣческихъ правъ, свободу и равенство, съ чувствомъ явнаго или тайнаго довольства *. Живые, легкомысленные

* «Кто жъ станетъ отрицать, что высоко вздымалось его сердце, что свѣжій біеніемъ затрепетала его облегченная грудь, когда появился первый блескъ новаго солнца, когда слышали о правѣ человѣка, общемъ всѣмъ людямъ, объ одушевляющей всѣхъ свободѣ, о желанномъ для всѣхъ равенствѣ! Тогда каж-

и сластолюбивые граждане Майнца, покинутые курфюрстомъ, канониками и дворянствомъ, и стремясь освободиться отъ тли духовнаго правительства, легко увлеклись на присоединеніе къ Франціи, учредили республиканское устройство и основали якобинскій клубъ, когда безпомощный и плохо укрѣпленный городъ былъ сданъ на уговоръ Французамъ робкимъ комендантомъ Гимнихомъ и подполковникомъ Эйкемейеромъ, даровитымъ человѣкомъ изъ средняго класса и приверженцемъ новыхъ идей (21 окт. 1792). Въ числѣ «майнцскихъ клубистовъ» находился Георгъ Форстеръ, совершившій съ Кукомъ кругосвѣтное путешествіе, человѣкъ высокаго ума, одушевленный идеею свободы, но, подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ профессорамъ и ученымъ, зараженный вреднымъ для государственной независимости космополитизмомъ ¹. — Изъ Майнца Кюстинъ производилъ набѣги за Рейнъ и бралъ контрибуціи съ разныхъ мѣстностей въ Веттерау и по берегамъ Лана, пока, благодаря храбрости гессенскихъ войскъ, не потерпѣлъ пораженія передъ воротами Франкфурта (2 дек.), что и побудило его ограничиться Майнцемъ и Касселемъ. Побѣда эта была впрочемъ единственнымъ энергическимъ дѣломъ во весь тогдашній походъ.

Майнацъ. Къ кружку недовольныхъ тогдашнимъ бытомъ ученыхъ и писателей, которыхъ курфюрстъ собралъ къ себѣ въ Майнцъ, примкнули недовольные и обойденные также и изъ-за предѣловъ Майнца, — люди, подобные Эйкемейеру, или духовныя лица съ иллюминатскими убѣжденіями, каковы были Блау и Доршъ. Духъ партій того времени несправедливо обвинялъ большую часть ихъ въ томъ, будто они навели Французовъ на Майнцъ посредствомъ обширнаго заговора, тогда какъ весь ходъ октябрьскихъ дѣлъ не допускаетъ ни малѣйшей мысли о намѣренномъ предательствѣ; напротивъ, главная вина падаетъ здѣсь на ту невольную измѣну, которая обыкновенно является у робкихъ и боязливыхъ людей; вліяніе соумышленничества, если оно и было, ограничивалось именно только тѣмъ,

дѣйствіемъ, что вотъ поживетъ онъ наконецъ и для себя; казалось, вотъ разрѣшатся путы, которыми многія земли были связаны накрѣпко, — путы, которые праздность и своекорыстіе долго держали въ рукѣ, не выпуская.» (Гёте. Германъ и Доротея).

¹ Стремленіемъ быть гражданиномъ всего свѣта, принося въ жертву этому стремленію всѣ связи съ родимой стороною.

что неприятелю было известно жалкое положеніе города, въ чемъ впрочемъ каждый могъ убѣдиться до послѣдней минуты, заглянувъ лишь въ отворенныя настежь ворота крѣпости. — Въ Майнцѣ, гдѣ самый замокъ курфюрста служилъ приютомъ для очень смѣшаннаго круга «друзей свободы и равенства», французско-республиканское направленіе, подъ вліяніемъ «клубистовъ», нашло себѣ, какъ и въ другихъ городахъ по лѣвому берегу Рейна, многочисленныхъ приверженцевъ, сколько ни мало новые властители соблюдали начало свободы и народодержавства, скорѣе обращаясь со страной, какъ съ завоеванною областью. Однакожь сторонниковъ республики было больше въ рядахъ образованныхъ, нежели въ простонародьѣ. Въ мартѣ 1793 г. собраніе, подъ предсѣдательствомъ Гофмана и Форстера, постановило: «преобразовать въ республику весь край отъ Ландау до Бингена, отрѣшиться отъ всѣхъ связей съ Нѣмецкою имперіей и объявить упраздненными навсегда верховныя права духовныхъ князей Майнца, Вормса и Шпейера, князей Нассау, Бадена, Сальма, Лейнингена, а также графовъ, рыцарей и имперскихъ городовъ, которыхъ владѣнія заключаются въ той мѣстности.» Эта «рейнская республика» естественно не могла держаться сама собою; поэтому 21 марта состоялось опредѣленіе: «что свободный нѣмецко-рейнскій народъ желаетъ присоединенія къ франкской республикѣ и что для заявленія этого желанія слѣдуетъ послать депутацію во франкскій національный конвентъ». Въ главѣ этой депутаціи стояли Георгъ Форстеръ и Адамъ Луксъ. Оба они не увидали болѣе отечества. Послѣдній еще въ томъ же году погибъ на гильотинѣ за то, что всенародно заявилъ свое удивленіе къ Шарлоттѣ Кордѣ, а Георгъ Форстеръ въ январѣ слѣдующаго года (1794) умеръ съ горя въ столицѣ Франціи, обманувшись въ лучшихъ своихъ надеждахъ и полный негодованія на ужасы, которые совершались передъ его глазами. Предпримчивый и неутомимый, онъ еще незадолго до смерти былъ занятъ мыслию отправиться въ Индію, такъ какъ жизнь во Франціи ему опостылѣла, а воротиться въ Германію онъ уже не могъ, потому что объявленъ былъ изгнаникомъ и голову его оцѣнили. — Между тѣмъ прусскія и нѣмецкія войска со всѣхъ сторонъ обложили Майнцъ. Осажденные возстановили обвалившіяся укрѣпленія и, разжигаемые къ отпору двумя членами конвента, находившимися въ ихъ средѣ, защищались съ величайшимъ мужествомъ, но наконецъ, терпя страшный голодъ, принуждены были сдать городъ Пруссакамъ на капитуляцію (22 іюля 1793). Имъ дозволено было удалиться и взять оружіе и знамена съ тѣмъ условіемъ,

чтобъ цѣлый годъ не служить противъ союзниковъ; но этотъ уговоръ потерялъ свое значеніе отъ того, что гарнизонъ подъ начальствомъ своего генерала Клебера перешелъ въ Вандею для подавленія тамошняго возстанія (§ 725). Слача Майнца стоила жизни генералу Богарнѣ, который запоздалъ на выручку¹. Кюстинъ также сложилъ голову подъ гильотиной, за то что допустилъ неприятеля овладѣть городами Кондѣ и Валансьеномъ на бельгійской границѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за нимъ и его сынъ². Нѣмецкіе приверженцы свободы въ Майнцѣ, которымъ Французы не успѣли исходатайствовать помилованья, болѣею частію заплатились за свою республиканскую мечту долготѣнимъ заключеніемъ и потерей имущества. Сколько безразсудны и пусты были дѣйствія майнцскихъ демократовъ, столько же суровы и необузданны явились начинанія возстановленной законной власти. Оскорбленія и конфискаціи, заключенія въ тюрьму и грубыя насилія даже противъ тѣхъ, кого бы должны были защитить полъ и возрастъ, — все это считалось ни почемъ. Высокое каноническое дворянство, такъ позорно выдавшее свои владѣнія, тѣшилось теперь съ низкимъ злорадствомъ надъ жертвами торжествующей реакціи. Пустыя комедіи демократическаго клуба, его процессіи, деревья свободы и торжественныя братчины, пародировались теперь такими же приторными выходками со стороны противниковъ; такъ на примѣръ повелѣніемъ 31 іюля было постановлено: сжечь остатки дерева свободы, но такъ чтобы при этомъ были употреблены рабочіе съ живодерень, чтобы изготовленъ былъ возвышенный помостъ и на верху положена красная шапка, чтобы хоръ музыкантовъ привлечь какъ можно больше зрителей и чтобы главные изъ арестованныхъ клубистовъ, подъ прикрытіемъ прусскихъ солдатъ, также приведены были на площадь. — Страшный оборотъ, какой приняла французская революція, и впечатлѣніе майнцаго эпизода, отозвались во всей Германіи болѣе строгимъ надзоромъ за журнальной и книжной печатью и болѣе строгими полицейскими мѣрами противъ всякихъ проявленій свободы вообще.

§ 723. Паденіе Жиронды. По смерти короля, Конвентъ присвоилъ себѣ исполнительную и законодательную власть и рас-

¹ Генералъ Александръ де-Богарнѣ оставался съ своимъ отрядомъ двѣ недѣли въ бездѣйствіи, а между тѣмъ союзники взяли Майнцъ. По приговору революціоннаго судилища онъ лпшился головы за эту непонятную оплошность. Богарнѣ умеръ 34 лѣтъ, заслуживъ общее уваженіе въ войну за американскую независимость и въ первую эпоху революціи.

² Кюстинъ младшій пострадалъ за свои связи съ Кондорсе и жирондистами.

предѣлил свои занятія по разнымъ комитетамъ, которыхъ полномочія постепенно расширялись, а число сокращалось болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ пока комитетъ общественной безопасности захватилъ въ свои руки всю правительственную власть, а состоящій изъ девяти членовъ комитетъ общаго блага начерталъ законы ужаса (террора), утвержденные потомъ Конвентомъ. Эти комитеты, особенно послѣдній, господствовали надъ Франціей съ неслыханнымъ самовластіемъ. Главнымъ орудіемъ ихъ тиранства было состоящее изъ двѣнадцати присяжныхъ и пяти судей революціонное судилище (tribunal révolutionnaire), при которомъ страшный кровопійца Фуке Тенвилъ отправлялъ должность публичнаго обвинителя. Этотъ судъ, которому по закону 8 апрѣля 1793 г. подлежали и члены Конвента, произносилъ одни смертные приговоры, на которые не было апелляціи, которые никогда не смягчались помилованьемъ. Маратъ, имѣвшій послѣ Робеспьера величайшее значеніе въ якобинскомъ клубѣ, все рѣшительнѣе вызывалъ бѣдныхъ на борьбу съ богатыми и возбуждалъ простой народъ къ истребленію образованныхъ классовъ. Онъ возвысился вмѣстѣ съ могуществомъ черни, потому что въ своемъ безграничномъ самомиѣніи обладалъ способностью отстаивать открыто и напрямикъ, какъ неотъемлемое право народа, все то, что обыкновенно считалось безумствомъ и злодѣяніемъ, — убійство политическихъ противниковъ, похищеніе чужой собственности, возмущеніе солдатъ противъ ихъ начальства. Однакожь Маратъ вскорѣ увидѣлъ, что и его опережаетъ Эберъ (Hebert), который въ народномъ листкѣ «Отецъ Дюшенъ» доходилъ до крайней степени цинизма; въ своемъ журналѣ, уснащенномъ сквернословіемъ, самыми площадными ругательствами и поговорками, Эберъ старался пострелять отребіе народа, котораго языкомъ онъ говорилъ къ смертоубійству и возстаніямъ. Тѣми же правилами руководился и муниципальный совѣтъ Парижа, въ главѣ котораго, по сверженіи уклончиваго лицемѣра Песіона, сталъ въ званіи мера якобинецъ Пашъ, а въ званіи синдика отвратительный Шометтъ. Готовыя ко всякой расправѣ руки наши нашли они отчасти въ національной гвардіи, которая подъ начальствомъ Анріо превратилась въ ватагу санкюлотовъ, отчасти въ двухъ набранныхъ въ маѣ революціонныхъ арміяхъ, изъ которыхъ одна должна была держать въ уздѣ аристократовъ, а другая двинуться противъ Вандейцевъ. Чтобъ дѣло не стало за народными волненіями, объ этомъ заботились революціонные комитеты разныхъ частей города (comités des sections), къ которымъ обращались Ма-

ратъ, Дантонъ, Камилль Демуленъ и друг., когда имъ надо было вынудить у Конвента какую-нибудь мѣру. Эти частные комитеты, состоявшіе изъ 12 членовъ каждый, завѣдывали полиціею въ своихъ округахъ, раздавали охранные листы (cartes de sûreté) и совѣщались въ ночныхъ сборищахъ о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры. По милости этого учрежденія, распространеннаго якобинцами по всему краю, власть перешла совершенно въ руки массъ и господствовали рѣшительно только низшіе классы простонародья. Всѣ зажиточные люди находились въ постоянной опасности быть обобранными и, для содержанія безхлѣбной толпы, должны были нести тяжкіе принудительные займы и прогрессивные налоги. Булочки и мелочныя лавочки часто подвергались разграбленію со стороны наглаго «бабья» изъ предметей и со стороны такъ-называемыхъ «крѣпкихъ кулаковъ» бѣднѣйшаго населенія (пролетаріевъ), что побудило наконецъ комитетъ общаго блага опредѣлять высшій размѣръ цѣны (максимумъ) на хлѣбъ, зерновой и печеный, равно какъ и на другія жизненные припасы, и такимъ образомъ совершенно забрать въ руки распоряженіе всѣмъ достояніемъ собственниковъ. Мечты и грезы о свободѣ всѣхъ людей и народовъ исчезли теперь безъ слѣда. Какъ далеко ушло то время, когда низшій классъ рукоплескалъ гражданской равноправности при уничтоженіи привилегій! Попавъ однажды на путь насилія, онъ уже не хотѣлъ признавать ни какихъ другихъ отношеній, кромѣ господства пролетаріевъ надъ высшими никогда сословіями. Вожди парижской черни, охмѣленные кровью короля, прибѣгли къ декретамъ безвольнаго Конвента, чтобы призвать къ себѣ на службу французскихъ поселянъ и наложить на всю Европу иго своихъ прихотей и пожеланій. — Это владычество парижской городской общины навело Бриссотистовъ на мысль, въ устраниеніе золь централизація обратить всю Францію въ федеральное государство, состоящее изъ многихъ мелкихъ республикъ. Отсюда между федералистами (Бриссотистами, Жирондой) и якобинцами завязалась борьба на жизнь и смерть.

Едва бѣгство и измѣна Дюмурье разстроили партію герцога Орлеанскаго и самъ герцогъ былъ арестованъ, какъ демократы Горы направили свои нападенія на Жиронду, чтобы низверженіемъ всѣхъ умѣренныхъ и слабосердыхъ внести въ Конвентъ болѣе единства и энергіи и оградить Францію отъ угрожающаго ей раздробленія. Ораторъ ихъ Робеспьеръ выступилъ поэтому съ предложеніемъ: вызвать къ револю-

ціонному судилищу главъ жирондистской партіи, какъ соучастниковъ Дюмурье. Когда предложеніе его не удалось, благодаря убѣдительному краснорѣчію обвиняемыхъ, тогда Маратъ возбудилъ народъ, у котораго было отнято пособіе, выдаваемое дотолѣ изъ государственной казны, къ возстанію противъ враговъ республики и къ самоуправству съ виновниками дороговизны, что подало жирондистамъ поводъ войти съ жалобой на этого изверга въ революціонное судилище. Это произвело сильное движеніе въ городскихъ частяхъ. Съ угрозами требовалъ опять народъ арестаціи жирондистовъ, и когда Маратъ былъ оправданъ судомъ, состоявшимъ изъ якобинцевъ (24 апр. 1793), толпы черни заявили настроеніе свое тѣмъ, что съ торжествомъ принесли въ Конвентъ своего кумира. Съ этого времени одно возстаніе слѣдовало за другимъ, и не только всѣ умѣренные члены Конвента, но и всѣ честные и здравомыслящіе граждане, которые были недовольны дикимъ буйствомъ народа, должны были постоянно опасаться за свою жизнь. Тогда жирондисты и ихъ единомышленники въ Конвентѣ настояли на изданіи декрета, чтобы учреждена была изъ двѣнадцати членовъ особая коммиссія для изслѣдованія ежедневныхъ народныхъ смуть и открытія ихъ первоначальниковъ. Эта коммиссія велѣла арестовать журналиста Эбѣра, любимца уличной демократіи, и нѣкоторыхъ другихъ говорунновъ народной массы, какъ виновниковъ общихъ безпокойствъ и убійственныхъ замысловъ. Но въ слѣдующій же день буйныя толпы черни вынудили ихъ освобожденіе, послѣ чего Эбѣръ и его товарищи подготовили изъ мести возстаніе 31 мая, сдѣлавъ напередъ вождемъ національной гвардіи опозореннаго Анріо, который прежде былъ лакеемъ, потомъ контрабандистомъ и наконецъ полицейскимъ шпиономъ. Въ этотъ и въ два слѣдующіе дня огромная масса народа окружала Тюйлери, гдѣ происходили теперь засѣданія Конвента, и громко требовала уничтоженія коммисіи двѣнадцати («децемвировъ») и исключенія жирондистовъ и умѣренныхъ. Тщетно и тѣ и другіе употребляли всю силу своего краснорѣчія, чтобы изображеніемъ страшныхъ слѣдствій такой слабости и податливости удержать собраніе отъ уступокъ; народъ, ободряемый партіей Горы, втѣснился въ залу и на галлерей и съ

буйнымъ шумомъ и криками настойчиво требовалъ своихъ жертвъ. Напрасно большинство собранія, съ президентомъ Эрде Сешелемъ во главъ, пыталось выйти изъ залы засѣданій, гдѣ не могло уже совѣщаться на свободѣ; вогнанное назадъ начальникомъ національной гвардіи Априо, оно поневолѣ должно было согласиться на требованія народа и Горы и признать надъ собой господство черни. Тридцать четыре жирондиста были немедленно исключены и арестованы; изъ нихъ двадцать (въ томъ числѣ Песіонъ, Гюадѣ, Барбару) успѣли убѣжать и призвали жителей Бретани, Нормандіи и приморскихъ городовъ юга къ оружію противъ якобинцевъ. Но возстаніе шло неудачно и ускорило гибель его виновниковъ, особенно когда убійство Марата (13 іюля 1793) воспламененною рѣчами Барбару Шарлоттою Кордѣ подало членамъ Горы благоприятный случай поддерживать народъ въ тревожномъ волненіи картинами замысловъ противъ жизни патриотовъ и противъ господства началъ свободы и равенства. Шарлотта Кордѣ умерла на плахѣ, а тѣло Марата помѣщено было въ Пантеонъ, по совершеніи надъ нимъ разныхъ театральныхъ церемоній.

31 октября всѣхъ находившихся въ Парижѣ жирондистовъ повлекли на гильотину; да и тѣ, которые успѣли бѣжать и спастись умерли почти всѣ насильственной смертью; большая часть, какъ на прим. Роланъ, Песіонъ, Бюзд, Кондорсе, Ребекъ, кончили самоубійствомъ. Госпожа Роланъ также погибла на эшафотѣ. Семьдесятъ три члена Конвента, протестовавшіе противъ исключенія жирондистовъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ были также исключены, такъ что Конвентъ превратился теперь въ простое орудіе «комитета общаго благоденствія».

§ 724. Ужасы на югѣ Франціи. Кровавое владычество якобинцевъ, съ ихъ принудительными займами, народными ополченіями и рекрутскими наборами, вызвало внутри государства такія возстанія, которыя были подавлены только самою безчеловѣчною жестокостью. Безуспѣшная попытка жителей Нормандіи и Бретани возстановить исключенныхъ жирондистовъ въ ихъ правахъ, подала «комитету общаго благоденствія» случай распространить, чрезъ страшнаго Каррье, убійство и кровопролитіе по всему краю отъ Сены до Дуары и вплоть до морскаго берега. Этотъ

извергъ, поселясь въ Нантъ, цѣлыми сотнями растрѣливалъ своихъ жертвъ или топилъ ихъ въ Луарь посредствомъ барокъ съ опускаемыми днищами («нантскія ноиды»), такъ что четырехмѣсячная дѣятельность его по меньшей мѣрѣ стоила жизни 15,000 человекъ. Еще ужаснѣе были злодѣяства якобинцевъ въ южныхъ городахъ, — Лионѣ, Марсели и Тулонѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ предсѣдатель якобинскаго клуба, бывший священникъ Шалье, вывѣсилъ на стѣнахъ позорные вызовы, въ которыхъ подстрекалъ народъ грабить и убивать богатыхъ и значительныхъ гражданъ, какъ враговъ новаго порядка, и этимъ возбудилъ у всѣхъ честныхъ и достаточныхъ жителей такое негодованіе, что опасаясь за свою жизнь и собственность, они возстали на якобинцевъ, побѣдили ихъ въ жаркомъ уличномъ бою и подвергли самого Шалье смертной казни (16 іюля 1793). Этотъ поступокъ наполнилъ парижскихъ террористовъ страшной яростью. Республиканская армія двинулась къ стѣнамъ города; послѣ упорной битвы онъ былъ взятъ и страшно наказанъ убійствомъ и разореніемъ (9 окт.). Колло д'Эрбуа, Ронсенъ, Фушѣ, Кутонъ и друг. растрѣливали жителей цѣлыми толпами, потому что гильотина работала слишкомъ медленно; не только цѣлые дома, — цѣлыя улицы были снесены или подорваны порохомъ; народъ подѣлилъ между собою собственность зажиточныхъ гражданъ; Лионъ рѣшено было истребить, обративъ его въ урочище безъ имени. Такъ же точно свирѣпствовали республиканцы въ Марсели и Тулонѣ. Тулонскіе роялисты призвали на помощь Англичанъ и сдали имъ портъ и городъ. Въ то же время впустили они къ себѣ 12,000 испанскаго и итальянскаго войска. Въ надеждѣ на эту поддержку и на силу крѣпостныхъ работъ граждане Тулона возстали на своихъ республиканскихъ противниковъ. Но армія «санкюлотовъ», при которой молодой Корсиканецъ Наполеонъ Бонапартъ явилъ первые опыты своего полководческаго таланта, одолѣла всѣ преграды. Тулонъ взятъ былъ приступомъ. Англичане, будучи не въ силахъ отстоять городъ, зажгли французскій флотъ и предоставили несчастныхъ жителей жестокому мщенію Конвента. Здѣсь ужасный Фреронъ разстрѣлялъ всѣхъ достаточныхъ гражданъ цѣлой массою и подѣлилъ ихъ собственность сап-

кюлотамъ. Всѣ лучшіе жители бѣжали изъ города, котораго населеніе съ 28,000 упало тогда на 7,000, и предоставили его на произволъ сволочи и галерныхъ каторжниковъ. Началось тѣмъ, что 800 плѣнныхъ гражданъ пали подъ пулями ватаги савойскихъ душегубцевъ; потомъ учрежденъ былъ революціонный судъ, который въ три мѣсяца, безъ уликъ и слѣдствія, отправилъ на смерть болѣе 1800 человекъ. По случаю одного республиканскаго праздника послали на эшафотъ одиннадцать молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ. — Не многимъ лучше поступалъ въ Бордо Таллиэнъ, извергъ и вмѣстѣ гуляка, а въ сѣверной Франціи развѣзжалъ съ гильотиною Лебонъ и вездѣ, гдѣ останавливался, совершалъ неслыханныя злодѣяства. Для якобинцевъ очевидно не было никакого спасенія, еслибъ они выпустили изъ рукъ неограниченное господство, а удержать его не было другихъ средствъ кромѣ того, чтобъ все вокругъ себя превращать въ пустыню. Они были отчаянно-смѣлы и кровожадны только оттого, что сами опасались гибели.

15 августа 1769 г. родился въ Аячю Наполеонъ Бонапартъ (Bonaparte), сынъ одного корсиканскаго дворянина, который, будучи другомъ Паоли, отличился въ войнахъ, предшествовавшихъ занятію острова Французами (§ 638 б. 3). Десятилѣтнимъ мальчикомъ Наполеонъ поступилъ въ военную школу въ Бриэннѣ, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ (1779—85) и потомъ перешелъ въ Парижскую военную школу. И тамъ и здѣсь посвящалъ онъ себя преимущественно математическимъ и историческимъ занятіямъ, къ которымъ и въ послѣдствіи всегда чувствовалъ особенную склонность. Вступивъ во французскую армію, онъ въ чинѣ поручика артиллеріи скоро отличился мужествомъ и военнымъ искусствомъ въ южной Франціи и Корсикѣ, такъ что уже въ февралѣ 1792 произведенъ былъ въ капитаны. Усердно преданный революціоннымъ идеямъ и демократическимъ стремленіямъ, явился онъ желаннымъ помощникомъ для новыхъ властителей Франціи. — Лионскіе ужасы послѣдній историкъ революціи Зибель описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Въ самомъ городѣ ремесла и промышленность совершенно упали, въ селахъ остановилось земледѣліе, и крестьянъ принуждали къ обработкѣ полей только угрозою, что ихъ тотчасъ же разстрѣляютъ. Линейныя войска смотрѣли на неистовства парижскихъ ватагъ съ возрастающимъ негодованіемъ; наконецъ дошло

до того, что въ теченіе нѣсколькихъ дней между ними происходили формальныя схватки и въ Парижъ посылались о томъ полныя страха донесенія. Но Колло не смущался этимъ и продолжалъ съ усиленною ревностью свои арестаціи, грабежи и убійства. Самъ онъ являлся окруженный восточной роскошью и грубо-величавою обстановкой. Получить у него аудіэнцію можно было только послѣ троекратной просьбы и прежде чѣмъ попасть въ пріемную надо было пройти длинный рядъ переднихъ залъ; тамъ каждый проситель долженъ былъ стоять отъ него въ пятнадцати шагахъ; по сторонамъ у него было два гренадера съ ружьями на перевѣсь и не сводя глазъ съ посетителя. Отвѣты его были коротки и холодны; если кто просилъ милости, то къ нимъ примѣшивался насмѣшливый цинизмъ, а если испрашивали у него разрѣшенія его же клеветы, то часто онъ нарочно отвѣчалъ двусмысленно. Каждый обѣдъ проводилъ онъ въ кутежѣ съ шайкою потѣшниковъ и развратныхъ дѣвокъ, среди пира подписывалъ новые смертныя приговоры и пилъ за благоденствіе республики въ то самое время какъ громъ выстрѣловъ глухо отдавался съ мѣсть казни.»

§ 725. Кровавыя сцены въ Вандеѣ. Всего ужаснѣе былъ жребій Вандеи, этого своеобразнаго края западной Франціи, покрытаго перелѣсками, изгородами и кустарникомъ и пересечѣннаго рвами и оврагами. Здѣсь въ сельской затиши и стародавней простотѣ обиталъ народъ, довольный своей судьбою. Крестьяне и мызники были привязаны къ своимъ господамъ, отъ которыхъ не видали притѣсненій; они любили короля, на котораго также не могли пожаловаться, и были благоговѣйно преданы духовенству и церковнымъ обрядамъ, которые привыкли любить и чтить какъ святыню съ малыхъ лѣтъ. Когда національное собраніе рѣшило изгнать и истребить ихъ неприсягнувшихъ республикѣ священниковъ, когда самъ король погибъ на гильотинѣ, когда всеобщее ополченіе на защиту отечества (24 февр. 1793) призвало къ оружію всю сельскую молодежь, тогда всѣ порывы негодованія и мести сосредоточились въ душахъ вандейскихъ крестьянъ и увлекли ихъ къ рѣшительному сопротивленію и къ открытой междоусобной брани. Подъ начальствомъ искусныхъ, смѣлыхъ, воинно образованныхъ вождей изъ низшаго сословія, каковы Шареттъ, Стофлѣ и Кателино, къ которымъ присоединились иные изъ дворянства, наприм. Ларошжкленъ,

д'Эльбѣ и друг., вначалѣ отразили они республиканскія войска, предводимыя Сантерромъ и другими якобинцами, завоевали Сомюръ и угрожали Нанту. Тогда Конвентъ отправилъ въ Вандею революціонную армію, составленную изъ отребія народа, подъ командой Вестермана и неистовыхъ якобинцевъ Ронсена и Россиньюля. Какъ ярые волки напали они на несчастныхъ жителей, выжигали города и села, мызы и лѣса, и старались наводимымъ ими ужасомъ сломить сопротивленіе «роялистовъ». Но мужество вандейскихъ поселянъ оставалось непоколебимо. Ни страхъ всѣхъ возможныхъ смертей, ни опустошеніе мызъ и пахотей не въ силахъ были измѣнить ихъ задушевной мысли, ни ослабить ихъ энергической руки. Однакожъ, когда храбрые воины, возвратившіеся по сдачѣ Майнца (§ 722) подъ начальствомъ такихъ способныхъ, опытныхъ вождей, какъ Клеберъ, посланы были противъ мятежниковъ въ Вандею, тогда злополучный народъ постепенно изнемогъ подъ ударами противниковъ, послѣ того какъ весь край былъ опустошенъ и тысячи его жителей упитали почву своею кровью. Но успокоилась Вандея только тогда, когда по низверженіи Робеспьера столько же храбрый, сколько и человѣколюбивый Гошъ перешелъ прямо изъ тюрьмы во главу войска, и утомленнымъ борьбою самъ предложилъ миръ, а другихъ, которые еще противились, привелъ въ покорность силою меча и превосходствомъ своего военного искусства. Стофлѣ и Шареттъ попались въ плѣнъ и были разстрѣляны. Между тѣмъ въ цѣлой Франціи прекратилось господство ужаса и водворился болѣе кроткій образъ мыслей.

Попытка нѣсколькихъ дружинъ роялистскихъ выходцевъ произвести въ іюль 1795 г., съ помощію Англичанъ, высадку на островѣ Киберонѣ и тѣмъ подстрекнуть утомленныхъ Вандейцевъ и Шуановъ¹ къ

¹ Шуанами называлась тамъ особая контръ-революціонная партія, извѣстная еще подъ именемъ маловандейской (Petite Vendée); будучи также роялистскою и католическою, она отличалась тѣмъ, что была не такъ аристократична, какъ вся остальная Вандея. Прозвище шуанъ (chouan отъ chat-huant, сова) носили первоначально контрабандисты солью, четверо братьевъ Коттерб, потому что совиннымъ крикомъ давали знать о приближеніи соляныхъ надсмотрщиковъ. Когда же въ 1792 они, по внушенію дворянской фамиліи Тюфенъ де ла Руэри, организовали вольные отряды для борьбы съ еспубликой, то имя шуановъ распространилось мало по-малу на всѣхъ сторонниковъ

возобновленію борьбы, кончилась постыдно и гибельно для нападающихъ. Послѣ кратковременной схватки весь высадившійся отрядъ, съ большимъ запасомъ оружія, военныхъ принадлежностей и денегъ, достался въ руки республиканцамъ, которые безпощадно перебили 800 плѣнныхъ роялистовъ. Питтъ утѣшалъ себя тѣмъ, что при этомъ не было пролито ни капли англійской крови, но получилъ отъ оратора Шеридена заслуженное возраженіе, что зато англійская честь текла изъ всѣхъ скважинъ тѣла обильными ручьями.

§ 726. Первая коалиціонная война (1793—96). Англійское правительство долго колебалось начать борьбу съ революціей. Оно терпѣло эмигрантовъ (выходцевъ) въ своихъ предѣлахъ, но въ то же время приняло посла отъ существовавшего во Франціи правительства и допускало какъ враговъ, такъ и друзей новаго порядка свободно заявлять свои мнѣнія словомъ и печатью.

Среди англійскаго народа, привыкшаго къ публичной политической жизни, вскорѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна, съ Эдмондомъ Боркомъ и торіями во главѣ, смотрѣла на вводимыя во Франціи новизны ихъ виновниковъ съ ненавистью и омерзеніемъ и осыпала ихъ безпощадною бранью, тогда какъ другая сочувствовала началамъ революціи, хотя и не одобряя ея кровавыхъ наростовъ: предводителемъ ея былъ гениальный политикъ и ораторъ Фоксъ, схожій съ графомъ Мирабо по величію ума и безпорядочному образу жизни, а ревностнымъ адвокатомъ — поборникъ демократическаго устройства сѣверной Америки, Томасъ Пёнъ (Paine). Боркъ, образованный, богатый знаніями политикъ и пылкій ораторъ, отчасти слишкомъ вдававшійся въ напыщенность и риторическія прикрасы, былъ во время войны за американскую независимость жаркимъ защитникомъ народныхъ правъ и вмѣстѣ съ Фоксомъ — душою оппозиціи правительству. Тутъ онъ вдругъ перемѣнилъ образъ мыслей; въ книгѣ, пріобрѣтшей множество читателей, изобразилъ французскую революцію самымъ бѣдственнымъ и достойнымъ проклятію событіемъ, противъ котораго обязаны ополчиться всѣ европейскіе государи, и въ своей ревности къ охраненію стараго порядка дошелъ до того, что въ одномъ засѣданіи парламента публично

этого дѣла. Начавъ малою войной, они въ послѣдствіи дѣйствовали и большими массами, но потерпѣвъ нѣсколько сильныхъ пораженій, подъ-конецъ опять возвратились къ мелкимъ партизанскимъ дѣйствіямъ, которыя прекращены только въ исходѣ 1796 г.

отрекся отъ дружбы съ давнимъ единомышленникомъ своимъ Фоксомъ и отвернулся отъ него полный ненависти. Тогда въ главѣ министерства стоялъ младшій Питтъ, сынъ великаго лорда Чатама. Онъ, равно какъ и единомышленники его, торіи, равно какъ благоволившій къ нимъ король Георгъ III и принцъ Валлійскій, его сынъ (управлявшій государствомъ въ званіи принца-регента во время долголѣтняго помѣшательства своего отца и только по смерти его въ 1820 г. принявшій королевскій титулъ), были очень нерасположены къ республиканскимъ идеямъ, и потому они хвалили и награждали рвеніе Борка; но явно враждебнымъ образомъ выступило англійское правительство противъ Франціи только тогда, какъ пала голова Людовика, когда завоевана была Бельгія, а дружественная Голландія застрашена войной, когда дерзновенный Конвентъ обѣщалъ помощь Франціи всѣмъ народамъ, которые востанутъ противъ тиранніи правительствъ и преобладанія привилегированныхъ сословій и свергнуть съ себя иго феодальныхъ повинностей, когда наконецъ онъ принялъ посольство отъ общества англійскихъ республиканцевъ, а потомъ поощрялъ и ободрялъ тайными посулами и обнадеживаніемъ въ помощи подготовительныя мѣры къ насильственному возстанію на островѣ. Тутъ только начала Англія обильную послѣдствіями войну на суші и на морѣ, которую прекратила лишь тогда, когда революція и порожденное ею военное владычество Наполеона были низвержены и одолѣны. Съ тѣхъ поръ противъ Франціи ратовали не только англійскія суда и англійскія войска, противъ нея дѣйствовали и англійскія денежные пособія, которые подстрекали медленныхъ государей и колеблющихся правительства къ ополченію на общаго врага. Англія тѣмъ болѣе вмѣняла себѣ въ обязанность ратовать противъ революціи, что послѣдняя нашла себѣ дѣятельныхъ приверженцевъ въ недовольныхъ и впечатлительныхъ Ирландцахъ, такъ что Питтъ, въ виду заговоровъ и возстаній, неоднократно долженъ былъ прибѣгать къ отмиѣнѣ акта Habeas Corpus (§ 622), къ объявленію края на военномъ положеніи, къ политическимъ процессамъ (противъ Горнъ-Тука и друг.) и къ разнымъ исключительнымъ постановленіямъ.

§ 727. Лѣтомъ 1793 г. почти вся Европа угрожала французскимъ предѣламъ. Между тѣмъ какъ англійскіе флоты старались истребить морскую силу Франціи и отнять у ней колоніи, а Питтъ твердо рѣшился поддержать войну обильными денежными пособіями, Голландцы, Австріяцы и Англичане

двинулись изъ Нидерландовъ во Фландрію; въ то же время нѣмецкія, прусскія и австрійскія войска перешли за Рейнъ; Сардинія и Тоскана угрожали съ юго-востока, у Пиреней стояли испанскія и португальскія силы; Неаполь и Португалія слѣдовали указаніямъ Англій. Но неумѣнье и необдуманность вождей, дурныя продовольственныя мѣры, нелады союзниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ виду свои собственные выгоды, и наконецъ надменность офицеровъ, — все это помѣшало блистательному успѣху даже тогда, когда Франція не создала еще своей новой военной системы, благодаря которой въ послѣдствіи она смѣло могла идти противъ всей Европы. Австрійцы, руководясь враждебной Пруссіи политикой Тугута, желали по взятіи Кондè и Валансьена (§ 722, іюль 1793) утвердиться во французской Фландріи и съ недовѣрчивой завистью смотрѣли на тогдашнія расширенія Пруссіи на счетъ Польши (§ 700); Англичане устремили взоръ на Дюнкирхенъ, которымъ они нѣкогда обладали и которымъ чаяли овладѣть опять. При такихъ обстоятельствахъ военныя предпріятія союзниковъ не могли имѣть надежнаго успѣха, хотя вначалѣ лучшая выправка прусскихъ и австрійскихъ войскъ и храбрость ихъ конницы не разъ доставляла имъ перевѣсъ надъ врагами; въ Нидерландахъ англо-голландское войско не нашло себѣ надлежащей поддержки со стороны недовѣрчивыхъ Австрійцевъ, вслѣдствіе чего республиканскому генералу Ушару (Houchard) удалось одержать немаловажную побѣду надъ Голландцами и Генноверцами при Гондсхотенѣ (8 сент.). Еще вреднѣе было дѣйствіе этого разногласія и недовѣрія въ рейнской арміи. Въ то время какъ по взятіи Майнца прусскія войска подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго заняли полосу отъ Квейха и Лаутера до Заары и съ прежнимъ мужествомъ отразили Французовъ подъ Пирмазенцемъ (24 сент.) и въ кровопролитномъ бою подъ Кайзерслаутерномъ (28—30 ноября), австрійскій генералъ Вурмзеръ въ Альзации велъ войну совершенно особнякомъ и старался заодно съ роялистами и аристократами въ Страсбургѣ и другихъ мѣстахъ произвести контръ-революцію. Но этотъ замыселъ, помѣшавшій герцогу во-время воспользоваться своими побѣдами, оказался

совершенно безуспѣшнымъ и только навлекъ на недовольныхъ и подозрительныхъ въ Альзации кровавую мечь республиканцевъ. Конвентъ считая каждую неудачу своихъ войскъ слѣдствіемъ какой-нибудь измѣны со стороны аристократіи, обнаружилъ страшную энергію для преодоленія своихъ противниковъ и враговъ мѣрами безпощаднаго терроризма. Ушаръ, побѣдитель при Гондсхотенѣ, истекъ кровью на гильотинѣ, какъ прежде Кюстинъ и Богарнè (§ 722), потому что въ послѣдствіи долженъ былъ уступить превосходству непріятельскихъ силъ при Куртрè, а молодой, доровитый генералъ Гошъ, вознаграждавшій недостатокъ военной опытности и ученыхъ знаній, здравымъ человѣческимъ смысломъ, зоркостію взгляда и бойкостью природнаго ума, подвергся заключенію за неудачу свою подъ Кайзерслаутерномъ и испыталъ бы отъ врага своего, Сенъ-Жюста, еще горшую участь, не освободи его Робеспьерово паденіе. — Если и при подобныхъ условіяхъ нѣмецкія и англійскія войска безсильны были одолѣть республиканскую Францію, терзаемую внутри и окруженную внѣшними опасностями, то тѣмъ менѣе могли они достигнуть своей цѣли въ то время, когда въ комитетъ общественнаго благоденствія поступилъ дѣятельный Карнò и организовалъ военную часть по новой, смѣлой системѣ съ ужащающимъ единствомъ и энергіей. Все тогда, и достояніе, и самая жизнь, должны были служить одной цѣли, самозащитѣ республики. Благодаря этому, ходъ войны вскорѣ принялъ иное направленіе. Вездѣ ковалось оружіе и отливались пушки; вызовомъ къ поголовному ополченію (*levée en masse*) вся нація приняла участіе въ войнѣ; фанатическія полчища противопоставлялись теперь врагу уже не въ малыхъ отрядахъ, а цѣлыми массами; изъ рядовъ простыхъ солдатъ вышли величайшіе полководцы своей эпохи; противъ такихъ сомкнутыхъ единствомъ силъ не могли держаться старые генералы съ ихъ методическою тактикой и съ солдатами, которые дрались изъ жалованья, а не изъ любви къ отечеству и свободѣ, тѣмъ болѣе, что военныя предпріятія союзниковъ часто разстроивались изъ-за политическихъ соображеній и случайностей и встрѣчали себѣ неожиданную помѣху въ дипломатическихъ уловкахъ. — При Ватиньи (*Wattignies*, 15

и 16 окт. 1793) новыя французскія войска помѣрялись съ Австрійцами въ цѣломъ рядѣ схватокъ, и хотя, говоря вообще, перевѣсъ остался еще за военной выправкой стараго, опытнаго войска, однакожь Французы справедливо приписали себѣ побѣду, когда непріятель съ наступленіемъ зимы долженъ былъ покинуть осаду Мобѣжа и удалился въ свои прежнія линіи. Еще рѣшительнѣе были успѣхи французскихъ войскъ на Рейнѣ, гдѣ несогласіе между герцогомъ Брауншвейгскимъ и графомъ Вурмзеромъ возрастало съ каждымъ днемъ, съ тѣхъ поръ какъ Фридрихъ Вильгельмъ II покинулъ тамошнюю армію (29 сент.), чтобы содѣйствовать прусскимъ интересамъ присутствіемъ своимъ на берегахъ Вислы. Вурмзеръ, послѣ потерь подъ Гагенау, долженъ былъ оставить долго защищаемыя Вейсенбургскія линіи и отступить за Рейнъ, а Пруссаки не смогли взять Ландау. Разстроенный и нравственно больной, герцогъ потребовалъ себѣ отставки. Мѣсто его заступилъ фельдмаршалъ Мёллендорфъ. Этими обстоятельствами воспользовались Манштейнъ, Калькрейтъ, Луккезини и другіе прусскіе государственные люди для того, чтобы расположить короля къ мысли о мирѣ съ Франціей. Событія въ Польшѣ, гдѣ подъ начальствомъ Косцюшки вспыхнула тогда народная война (§ 701), и истощенное состояніе прусскаго королевства, придали особенную силу ихъ стараніямъ. Въ Берлинѣ было уже рѣшено отозвать всѣ войска, за исключеніемъ условленнаго договорами имперскаго участка (контингента), какъ вдругъ морскимъ державамъ — Англіи и Голландіи — удалось заключеніемъ договора въ Гагѣ о выдачѣ денежныхъ пособій (19 апр. 1794) еще далѣе удержать короля при коалиціи. Вслѣдствіе этого Мёллендорфъ и гусарскій полковникъ Блюхеръ снова храбро противустали непріятелю у Вогезовъ и Гаардтскихъ горъ, гдѣ такъ часто скрещалось оружіе Французовъ и Германцевъ, и вторично помѣрялись силами на упитанныхъ кровью высотахъ Кайзерслаутерна (23 мая); однакожь отказъ фельдмаршала двинуться по призыву морскихъ державъ въ Нидерланды, чтобы и тамъ удержать отъ дальнѣйшаго напора Французовъ, выигравшихъ въ то самое время при Тюркуэнѣ (18 мая) блистательную битву съ австро-англійскими силами, разстроилъ Гагское соглашеніе, глубоко

уязвившее достоинство Пруссіи, и снова предалъ Фландрію въ руки враговъ. Тактика французскаго полководца состояла въ томъ, чтобы сбить съ толку и утомить противника множествомъ отдѣльныхъ ударовъ, пресѣчь его сообщенія, а потомъ выждать благоприятной минуты и однимъ сильнымъ натискомъ сокрушить его въ конецъ. — Въ іюнѣ Пишегрю овладѣлъ Иперномъ, тогда какъ Журданъ, четыре раза отбснанный за Самбру, наконецъ-таки разбилъ непріятеля подъ Флёрюсомъ (26 іюня) и принудилъ его очистить бельгійскіе предѣлы. Подъ начальствомъ Журдана служили лучшіе полководцы послѣдующихъ годовъ, — Марсо, Клебѣръ, Лефеврѣ, Шампюне, Бернадотъ, Мареско и друг. Австрійскій министръ Тугутъ былъ повидимому не прочь принести въ жертву Нидерланды и поискать болѣе сподручныхъ вознагражденій на востокъ — въ Баваріи или Польшѣ. Недовольный этою парализующей политикой, принцъ Кобургскій также подалъ просьбу объ увольненіи и покинулъ войско. Преемникъ его Клерфетъ отвелъ тогда истомленную армію за Рейнъ (октябрь). Съ началомъ осени въ рукахъ Французовъ были опять не только австрійскіе Нидерланды, но также Триръ и пограничныя голландскія крѣпости.

Благодаря этому генераль Пишегрю, у котораго въ арміи находились Моро, Суамъ (Souham), Макдональдъ, Вандамъ и друг., могъ предпринять въ декабрѣ и январѣ по замерзшимъ водамъ смѣлый походъ противъ Генеральныхъ Штатовъ, и съ войскомъ, терпѣвшимъ недостатокъ въ одеждѣ и всякомъ продовольствіи, овладѣть цѣлымъ краемъ, принудивъ англійскія силы подъ начальствомъ герцога Йоркскаго къ самому трудному и опасному отступленію. Наслѣдственный статгаудеръ Вильгельмъ V, нелюбой народу съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ возстановленъ прусскими арміями (§ 677) и верховныя права его расширены благодаря имъ, отрекся отъ своего сана и отправился въ дружественную ему Англію; сочувствовавшіе французскимъ республиканцамъ бѣгле патріоты тотчасъ же возвратились на родину и заодно съ оставшимися въ Голландіи единомышленниками помогали усиліямъ побѣдоносныхъ Французовъ учредить въ Генеральныхъ Штатахъ Батавскую республику на демократическихъ осно-

ваніяхъ и тѣмъ самымъ тѣснѣ связать съ республиканскою Франціею эту богатую страну со всѣми ея сокровищами, кораблями, портами и колоніями. Водружены были деревья свободы, провозглашены человѣческія права, учреждены республиканскія общества, и правительство передано французской партіи. Но слишкомъ скоро почувствовали Голландцы невыгоды этого львиного союза. Заморенныя голодомъ и оборванныя войска надо было кормить и одѣвать, надо было давать имъ жалованье; договоръ съ Франціею, заключенный 16 мая 1795 г., не только обезпечивалъ этой державѣ свободное плаваніе по водамъ Голландіи и невозбранное пользованіе ея морскими портами, но еще назначилъ ей 100 милліоновъ франк. вознагражденія за военныя издержки и предоставлялъ въ ея владѣніе голландскую Фландрію и Мастрихтъ вмѣстѣ съ правомъ держать гарнизоны въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ; и въ то время какъ новое республиканское правленіе и его иноземные защитники, жившіе плотью и кровью того края, истощили государственную казну и совершенно разстроили финансы, Англичане не только овладѣли купеческими судами Голландцевъ, стѣснили или совсѣмъ уничтожили ихъ рыбныя ловли, но и присвоили себѣ большую часть ихъ отдаленныхъ колоній.

Съ 1795 по 1797 перешли во власть Британцевъ голландскія владѣнія въ Индостанѣ и на Мысѣ Доброй Надежды; сверхъ того Малакка, Цейлонъ, Амбоина, Тернате и другіе острова; изъ числа западныхъ колоній Англичане получили Демерари и Эссекибо; въ янв. 1799 — Суринамъ, въ 1800 Курасо, а въ 1801 остр. св. Евстахія и Сабу.

Батавская республика вообще раздѣляла съ тѣхъ поръ жребій Французовъ: до 1798 г. во главѣ ея стоялъ демократическій конвентъ; потомъ упразднено самодержавіе отдѣльныхъ провинцій, весь край раздѣленъ на восемь департаментовъ съ новыми названіями и учреждена единая и нераздѣльная Батавская республика съ пятичленною директоріею (статсъ-бевиндомъ) въ видѣ исполнительной власти, и двумя законодательными палатами. Наполеонъ опять возстановилъ прежнее дѣленіе на области и измѣнилъ правительственную и законодательную власть (1801), но тяжело легъ на страну новый договоръ, по которому Голландія обязалась содержать французскій 18,000 й гарнизонъ, выставить собственную армію въ 16,000, да сверхъ того снарядить пять линей-

ныхъ кораблей и пять фрегатовъ. Торговля сильно упала, колоніи утратились, страна вошла въ значительные долги. Въ январѣ 1805 главою исполнительной власти сдѣланъ былъ Схиммельпеннинкъ въ званіи пенсіонарія (или синдика верховнаго совѣта), а законодательная часть предоставлена земскому представительству. Но въ слѣдующемъ же году (1806) королемъ Голландіи назначенъ былъ братъ Наполеона, Людовикъ Бонапартъ, и число представителей приумножено до 38 членовъ. Влссингенъ и нѣкоторыя другія мѣста отошли къ Франціи, а зато Остфризландія и маетность Іеверъ присоединены къ Голландіи (1807). Немного лѣтъ спустя Людовикъ не поладилъ съ братомъ и отрекся отъ престола, вслѣдствіе чего Голландія соединена была съ Франціей (1810). Новое уложеніе законовъ, всеобщая конскрипція (обязанность нести военную службу поголовно), введеніе тайной полиціи и пониженіе процентовъ государственнаго долга на дѣлую треть, — вотъ чѣмъ подарилъ этотъ край новый властитель.

§ 728. Равно благоуспѣшно было французское оружіе на Рейнѣ. Прусскія войска, выдержавъ въ третій разъ достославный бой при Кайзерслаутериѣ подъ начальствомъ Гогенлоэ (18—20 сент. 1794), отступили въ октябрѣ за германскую рѣку и предоставили другой ея берегъ непріятелю. Вскорѣ потомъ прусское правительство, озабоченное событіями въ Польшѣ (§ 701), вступило черезъ Гарденберга въ переговоры съ Франціей, которые привели къ заключенію Базельскаго мира (5 апр. и 17 мая 1795). Въ силу этого договора непріятелю не только предоставленъ былъ лѣвый берегъ Рейна вмѣстѣ съ Голландіей, и Рейнъ признанъ «естественною границей» Франціи, но сверхъ-того учрежденіемъ вооруженной демаркаціонной линіи сѣверная Германія, объявленная нейтральною, формально отдѣлена отъ южной, гдѣ продолжалась еще война. Испанія и нѣмецко-имперскія земли — Ганноверъ, Гессенъ, Брауншвейгъ и др., прибѣгнувшія къ помощи и посредничеству Пруссіи, также приступили къ миру. Тоскана еще прежде уладила свои отношенія съ республикой. Такимъ образомъ коалиція распалась, и начало круговой поруки интересовъ всѣхъ монархическихъ державъ передъ республикой рѣшительно было устранено. Союзъ государей, возвѣстившій крестовый походъ въ защиту трона и алтаря, скоро обратился въ своекорыстную борьбу изъ-за частныхъ интересовъ, и ни

одинъ изъ членовъ союза не могъ похвалиться передъ другимъ, что оказалъ болѣе вѣрности и самопожертвованія въ отношеніи къ тому началу, изъ-за котораго предпринята была война. — Надежда Пруссіи, что Базельскій миръ послужитъ основаніемъ всеобщему примиренію, оказалась тщетною. Не только Англія крѣпко держалась за войну, но и Австрійцы, купленные англійскими субсидіями, продолжали ее съ великимъ напряженіемъ на югъ Германіи, раздѣленной такимъ образомъ на два стана. Подъ начальствомъ храбраго полководца Клерфета и Вурмзера, успѣшно сопротивлялись они напору французскихъ войскъ, которыя, въ надеждѣ на разномысліе германскихъ государей, на трусость и вѣроломство многихъ сановниковъ и генераловъ, перешли за Рейнъ, овладѣли пфальцскимъ городомъ Дюссельдорфомъ и старались совершить завоеванія на Майнъ и Некаръ. Духовные и свѣтскіе дворы прирейнскихъ областей бѣжали въ испугъ, какъ три года назадъ, во внутренніе края имперіи; всѣ дороги были запружены переселенцами и бѣгущими. Но вскорѣ австрійское оружіе произвело благопріятный оборотъ. Послѣ побѣды Клерфета подъ Хандшухсгеймомъ надъ Пишегрю (24 сент.) и послѣ удачныхъ для Австрійцевъ схватокъ съ Журданомъ на Ниддѣ, Французы отступили за Рейнъ, оставляя по себѣ страшный слѣдъ хищничества, разоренія и гнуснаго распутства. Славная побѣда подъ Майнцемъ (29 окт.) доставила австрійскому военачальнику обладаніе зарейнскою землею и дала ему возможность снова отнять у Французовъ Гейдельбергъ (22 ноября) и послѣ многодневной ужасной бомбардировки покорить укрѣпленную столицу Мангеймъ, которую со всѣми ея богатыми военными запасами пфальцграфскій генераль Оберндорфъ, по первому требованію, постыдно сдалъ передъ тѣмъ врагу. Часть города лежала въ развалинахъ, когда Нѣмцы вступили въ него обратно. Голодъ и военныя бѣдствія давили тяжелымъ гнетомъ благословенные прирейнскіе края, какъ вдругъ побѣдоносный полководецъ, возмущенный коварнымъ управленіемъ Тугута и выговорами военнаго совѣта, къ общему изумленію, потребовалъ отставки и получилъ ее. Преемникомъ его былъ братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ, вскорѣ явившій блистательныя доказательства отличнаго полководческаго

таланта. Онъ удачно сопротивлялся обѣимъ арміямъ, двинувшимся одна, подъ начальствомъ Журдана, къ рѣкѣ Лану, другая, подъ начальствомъ Морё черезъ Шварцвальдъ—въ Швабію; перваго разбилъ онъ сначала при Вецларѣ (15 іюня 1796), а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ жаркой схваткѣ подъ Вюрцбургомъ (3 сент.), и принудилъ его поспѣшно отступить на Рейнъ. Жители Франконіи, Шпессарта и Оденвальда, раздраженные притѣсненіями и контрибуціями, грабежами и обидами чужеземцевъ, возстали противъ уходящаго непріятеля и побивали его въ одиночку. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и рыцарственныхъ французскихъ вождей, Марсё, палъ при отступленіи въ Вестервальдъ, настигнутый австрійскою пулей (19 сент.). Лучше посчастливилось Морё, который хотя и былъ вытѣсненъ изъ Баваріи и Швабіи, но благодаря мастерскому отступленію по долинамъ Шварцвальда (съ 19 сент. по 24 окт.), достигъ Рейна безъ большихъ потерь. Германскія правительства отнюдь не ободряли народныхъ возстаній противъ общаго непріятеля; они болѣею частію старались по примѣру Пруссіи избавиться отъ бремени войны частными договорами съ Французскою республикой, ища при этомъ расширенія своихъ предѣловъ и блудя каждый свои выгоды. Уже въ августѣ Вюртембергъ и Баденъ заключили миръ съ Франціей и за уступку зарейнскихъ своихъ владѣній, выговорили себѣ вознагражденія изъ духовныхъ имуществъ. Въ сентябрѣ, баварское правительство, въ отсутствіе курфюрста, купило себѣ Фафенгофенскимъ трактатомъ, за деньги и поставку припасовъ натурою, защиту и миръ у Морё, въ то самое время какъ онъ уже готовился отступить передъ Австрійцами.

§ 729. Владычество ужаса (терроризмъ). Въ теченіе цѣлаго года (съ іюля 1793 по іюль 1794) Франція склонялась подъ игомъ страшной тиранніи комитета общаго благоденствія. Въ главѣ девяти членовъ, составлявшихъ этотъ комитетъ, стояло три человѣка, которыхъ имена долго были страшилищемъ всего края, — завистливый, коварный и честолюбивый Робеспьеръ, кровожадный Кутонъ и фанатикъ республиканской свободы и ревенства Сень-Жюсть. Эти политическіе изувѣры управляли съ неслыханнымъ самовластіемъ и готовили смерть и гибель каждому, кто не покорялся ихъ волѣ. Передъ ними одинъ только честный Карно сохранялъ независимое по-

ложение; но чтобы онъ не мѣшалъ кровавымъ мѣрамъ своихъ товарищей, — мѣрамъ, которыя бы никогда не снискали его одобренія, они отравили его отъ внутреннихъ дѣлъ и поручили ему главное завѣдываніе военною частью. Остальные члены комитета были большею частію Робеспьеровы созданія (Бареръ, Билью-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Приёръ, Лендѣ, Жанъ Бонъ де Сентъ-Андрѣ). Крайне-демократическая конституція, набросанная въ торопяхъ и, по одобреніи ея народомъ, провозглашенная съ великою торжественностью 10 августа (при чемъ главнымъ распорядителемъ празднествъ было извѣстный живописецъ и восторженный республиканецъ Давидъ), была навремя устранена и, подъ надзоромъ комитета общаго благоденствія учреждено революціонное правительство. Какимъ образомъ это правительство употребляло свою власть для уничтоженія приверженцевъ стараго порядка, показываетъ уже одно то обстоятельство, что въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ 1794 г. умерло на гильотинѣ не менѣе 1285 человекъ. Дѣйствительнѣйшимъ средствомъ губить всѣхъ тѣхъ, кто мѣшалъ господствующей партіи, былъ страшный законъ противъ подозрительныхъ (17 сент. 1793), угрожавшій смертью всѣмъ «врагамъ отечества», всѣмъ кто обнаруживалъ наклонность къ прежнему порядку, или къ (безирясажнымъ) священникамъ и дворянству. Вслѣдствіе этого закона и подобныхъ ему мѣръ всѣ тюрьмы наполнились тысячами такъ-называемыхъ аристократовъ и на плаху отправлялось среднимъ числомъ по 29 человекъ въ день. Всѣ порядочные люди, отличавшіеся своимъ общественнымъ положеніемъ, достаткомъ, образованіемъ и благородствомъ мыслей отъ господствующихъ демократовъ, постоянно должны были трепетать за свою жизнь. Злостная клевета какого-нибудь врага, доносъ какого-нибудь шпіона, ненависть любого санкюлота были достаточны для того, чтобы ввергнуть невиннаго въ темницу, а изъ темницы возвести на эшафотъ. Переходъ былъ такъ быстръ, что смерть потеряла свои ужасы, и тюрьмы стали сборными мѣстами веселаго, утонченнаго общества и остроумныхъ бесѣдъ. Въ числѣ кровавыхъ жертвъ пали благороднѣйшіе люди Франціи, прежній министръ Мальзербъ, члены учредительнаго собранія Бальи, Барнавъ, Ленгѣ и друг., многіе изъ умѣренныхъ республиканскихъ депутатовъ, ученые и писатели, каковы химикъ Лавуазье, поэтъ Андрей Шенье, Руссѣ и мног. друг. Флоріанъ написалъ своего «Вильгельма Телля» незадолго до смерти въ стѣнахъ тюрьмы; всѣ связанные съ прежней королевскою властью и не успѣвшие спастись бѣгствомъ умерли на плахѣ. Въ числѣ

ихъ находилась и тяжело пострадавшая королева Марія Антуанетта (16 окт. 1793); при допросѣ и при насильственной смерти она выказала всю твердость, достойную ея рожденія и образованья, такъ что возбудила нѣкоторое вниманіе даже и среди вѣчнаго однообразія ежедневныхъ душегубствъ. Сынъ ея умеръ подъ жестокимъ надзоромъ якобинца, сапожника Симона; ея дочь (герцогиня Ангулемская) сохранила съ тѣхъ поръ на всю жизнь мрачность ума и глубокую горечь въ сердцѣ. Послѣ королевы погибла на плахѣ кроткая сестра Людовика XVI Елисавета (10 мая 1794), а нѣсколько недѣль послѣ казни жирондистовъ пала голова безсовѣтнаго герцога Орлеанскаго (6 ноября 1793), котораго и самое расположеніе Дантона не спасло отъ Робеспьеровой ненависти. — Въ каждомъ городѣ было по одному или по нѣскольку террористовъ, которые подражали Робеспьеру и прочимъ «злѣдьямъ большой руки», разбѣжались съ мѣста на мѣсто съ гильотиною и при помощи своихъ вооруженныхъ ватагъ произвольно распоряжались собственностью и жизнью всѣхъ гражданъ. Таковы были бѣглый нѣмецкій ученый Евлогій Шнейдеръ въ Страсбургѣ, Меньѣ (Maignet) въ Оранжѣ и многіе другіе. Коммиссары конвента обходили всѣ провинціи съ «революціонными войсками», брали подъ стражу или убивали всѣхъ «аристократовъ», «эгоистовъ» и «фанатиковъ», и отсылали конвенту въ Парижъ всѣ похищенные имущества и сокровища, — золото, серебряную посуду, церковную утварь, одежду и тому подобное: добыча цѣнилась милліонами. Такъ поступали Дюмонъ въ Пикардіи, Изорѣ во Фландріи, Руль въ Шампани, Лакостъ въ Лотарингіи, Бассаль и Ламаркъ на югѣ и т. д. Въ департаментахъ Ньевра и Алльѣ, Фушѣ потребовалъ выдачи ему всей монеты и вообще всѣхъ драгоценностей, цѣлыми толпами бралъ подъ стражу священниковъ и «аристократовъ» и лишалъ церкви ихъ украшенія.

Страданія и смерть королевы. До конца іюля 1793 г. Марія Антуанетта содержалась съ обоими дѣтьми своими въ Тамплѣ. Тогда комитетъ общаго благоденствія постановилъ разлучить мать съ сыномъ. «Городовой совѣтъ исполнилъ это постановленіе съ жестокимъ злорадствомъ, рассказываетъ Зибель. Чиновники его явились среди ночи, объявить рѣшеніе матери, только что пробудившейся отъ сна. Тутъ послѣдовала ужасающая сцена. Болѣе часа злополучная мать отчаянно сопротивлялась стражникамъ, бросилась на постель ребенка и укрывала его своимъ тѣломъ отъ нападавшихъ. Не помогали ни увѣщанія, ни угрозы, она не уступала ни на шагъ, — какъ вдругъ одинъ

изъ этихъ людей схватилъ ея дочь и сказалъ, что немедленно заколетъ дѣвочку, если мать не выдастъ сына. Тогда несчастная совершенно изнемогла и дала вырвать у себя одно дитя, чтобы только спасти другое. Послѣ этой потрясающей ночи хуже не видала она ничего; при вѣтхъ дальнѣйшихъ мученіяхъ она оказывала только тихую покорность и полное увѣренности ожиданіе конца.» Гонители не долго заставили ее ждать смерти: 4 августа комитетъ общаго благоденствія настоялъ у конвента, чтобы королеву отвели въ Консьержери и предоставили революціонному судилищу; 14 октября, послѣ осмиведѣльнаго заключенія въ Консьержери, сопровождавшагося всѣми возможными оскорбленіями, ее привели на судъ. «Она явилась въ изорванномъ платьѣ съ посѣдѣвшими волосами, но съ такимъ спокойнымъ достоинствомъ, съ такою свѣтлою покорностью судьбѣ, что даже публика этого суда почувствовала благоговѣніе и соболѣзнованье. Настроеніе это достигло высшей степени, когда въ числѣ свидѣтелей противъ подсудимой выступилъ Эберъ. Онъ измучилъ осмилѣтняго сына и двѣнадцатилѣтнюю дочь королевы допросами о томъ, не состояла ли мать въ порочныхъ связяхъ съ своимъ малюткой; у мальчика, котораго смотритель его, сапожникъ Симонъ, то истязалъ побоями, то спаивалъ водкой, удалось Эберу выманить подпись протокола, составленнаго въ этомъ гнусномъ смыслѣ; впрочемъ вся партія приняла на себя клеимо такого мерзостнаго обвиненія, потому что городской совѣтъ одобрялъ старанія Эбера, а якобинскій клубъ рукоплескалъ его разсказу о подробностяхъ. Теперь явился онъ передъ судомъ, чтобы наканунѣ смертной казни опозорить королеву обвиненіемъ въ противуестественномъ сладострастіи. Но она сначала молчала, а потомъ, когда у ней настоятельно потребовали отвѣта, разомъ уничтожила обвинителя полужадушаемыми горемъ словами: «мать ничего не можетъ возразить на такую клевету, — сошлюсь на каждую изъ матерей, которыя здѣсь присутствуютъ.» По всей залѣ прошелъ глухой ропотъ, и судьи не рѣшились продолжать допросъ.— Окончательный приговоръ разумѣлся самъ собою; 16 октября голова королевы скатилась на помость.»

§ 730. Паденіе Дантонистовъ. Эта неистовая жестокость возмутила наконецъ вождей кордельберовъ, Дантона и Камилль-Демулена, которые своимъ владычествомъ надъ массами народа вели революцію до сихъ поръ и учредили самую республику. Дантонъ, болѣе сластолюбивый, нежели страстный, и притомъ доступный сердечнымъ движеніямъ, утомился ду-

шегубствомъ и отправился на нѣсколько мѣсяцевъ въ провинцію, чтобы насладиться съ молодою супругой счастіемъ и богатствомъ, какое доставила ему революція, а Камилль-Демуленъ, въ своемъ остроумномъ и многочитаемомъ листкѣ: Старый Кордельеръ, вздумалъ примѣнить къ своему времени тѣ мѣста изъ римскаго историка Тацита, въ которыхъ тотъ изображаетъ самыми яркими красками Тиберіеву тиранію и жестокость; примѣненіе было такъ мѣтко, что нельзя было не видать въ немъ явныхъ намековъ на троихъ старшинъ комитета общаго благоденствія и на ихъ законы противъ подозрительныхъ людей. Это привело въ ярость якобинцевъ, и какъ въ то же время многіе друзья и приверженцы Дантона (бывшій капуцинъ Шабо, низкая тварь Фабръ д'Эглантинъ, орудіе его во всемъ, что боялось свѣту Божьяго, и друг.) попались въ разныхъ обманахъ и подкупахъ по случаю закрытіи остъ-индской компаніи, а другіе возбудили противъ себя неудовольствіе святотатственными поступками и безбожными процессіями, то комитетъ общаго благоденствія воспользовался этимъ для того, чтобы погубить всю партію Дантона. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ конвентъ перемѣнилъ календарь и названія мѣсяцевъ *), перенесъ начало года и новой эры на 22 сентября 1792 г., устранилъ воскресные и праздничные дни, а на мѣсто ихъ ввелъ декады (десятые дни) и санкюлотскіе праздники, — съ тѣхъ поръ многіе Дантонисты, какъ напр. Эберъ, Шометтъ, Моморо, Клотсъ и друг., доходили въ своей ярости противъ христіанской вѣры и священства до неистовствъ. Они оскверняли и грабили церкви, потѣшались надъ облаченіями и церковною утварью, совершая съ ними кощунскія процессіи по улицамъ, свирѣпствовали какъ Вандалы противъ христіанства, опозорили королевскія гробницы въ Сенъ Денъ и наконецъ провели въ конвентѣ постановленіе (19 ноября 1793), чтобъ вмѣсто католическаго богослуженія введено было поклоненіе Разуму. Торжественное празднество, при которомъ прекрасная жена Моморо представляла въ храмѣ Парижской Богоматери (Notre Dame) богиню Разума, ознаменовала собою начало этого изчадія дерзкой и необузданной свободы духа. Церкви были заперты, парижскій епископъ (Гобель) и другіе

отреклись отъ христіанства; хотѣли даже уничтожить христіанскія имена. Все это возбудило негодованіе Робеспьера, гордившагося славой добродѣтельнаго, потому что онъ не раздѣлялъ ни безпутства, ни алчности Дантона и его товарищей. Онъ рѣшился погубить эту партію и вовлечь въ ея паденіе Камилль-Демулена и Дантона, передъ котораго вышею душой казалась такъ черства и суха его собственная, полная зависти, честолюбія и жажды власти. Поэтому лишь только Дантопъ успѣлъ снова занять свое мѣсто въ Конвентѣ (февр. 1794), какъ Сенъ-Жюстъ (мартъ 1794) началъ страшную борьбу замѣчательнымъ донесеніемъ, въ которомъ онъ раздѣлилъ враговъ республики на три разряда, — развратныхъ, крайнихъ революціонеровъ, и умѣренныхъ, и требовалъ всѣмъ имъ кары. Слѣдствіемъ этого доклада было то, что уже 24 марта девятнадцать крайнихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ Клоотсъ, Эберъ, Момордъ, Ронсенъ (санкюлотскій герой въ Ліонѣ) и многіе члены городского совѣта, были отправлены на гильотину. 31 марта къ революціонному судилищу вызваны развратные; участниками ихъ злоумышленно обозначены Дантонъ, Камилль-Демуленъ, Эрде Сешель (Herault de Sechelles) и друг., и прямо запутаны въ ихъ процессъ. Но Дантонъ и Демуленъ, которымъ при всей ихъ порочности не были чужды благородныя движенія души, среди буйнаго шума народной массы, болѣе преданной обвиняемымъ теперь смѣлымъ беззаконникамъ, нежели холоднымъ, низкимъ якобинцамъ, изъ которыхъ состояли ихъ судьи, потребовали съ грозной настойчивостью, чтобы обвинители были поставлены съ ними лицомъ къ лицу. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней стенторскій голосъ Дантона и шумъ народной толпы мѣшали постановить окончательное рѣшеніе. Впервые кровопійцы революціоннаго судилища сами пришли въ смятеніе. Тогда Конвентъ особеннымъ закономъ далъ суду полномочіе приговорить безъ дальнѣйшаго допроса обвиненныхъ, замышляющихъ низпровергнуть существующій порядокъ мятежемъ; вслѣдъ за тѣмъ кровавые герои 10 августа и сентябрьскихъ дней, доказавшіе при своемъ допросѣ, что и въ злодѣйской душѣ можетъ еще уцѣлѣть нравственное величіе, были отведены на гильотину и обезглавлены вмѣстѣ

съ толпою низкихъ Эбертистовъ (5 апр. 1794). Они умерли съ мужествомъ и рѣшимостью.

*) Республиканскія имена мѣсяцевъ были слѣдующія: 1) весеннихъ: жерминаль (сѣянь), флоріаль (цвѣтень), преріаль (травень); 2) лѣтнихъ: мессидоръ (жатвень), термидоръ (теплень), фрюктидоръ (плодень); 3) осеннихъ: вандемьеръ (виносорный), брюмеръ (туманный), фримеръ (студеный); 4) зимнихъ: нивозъ (снѣжень), пловіозъ (дождень), вентозъ (вѣтрепъ).

§ 731. Паденіе Робеспьера (9 термидора, или 27 іюля 1794 г.). Низверженіе Дантона была послѣднимъ Робеспьеровымъ торжествомъ; диктаторъ захлебнулся кровью своего противника. Хотя трое старшинъ комитета общаго благоденствія управляли еще нѣсколько мѣсяцевъ совершенно полновластно и, учащенными казнями и арестаціями, довели систему ужаса до высшей ея ступени; однакожь они утратили свою власть въ общинномъ совѣтѣ и въ частяхъ города, они лишились довѣрія Конвента и носили въ самихъ себѣ сознаніе, что стали предметомъ ненависти и омерзенія для всего народа, почему Робеспьеръ никогда уже не покидалъ оружія и никогда не выходилъ на улицу безъ прикрытія изъ благонадежныхъ людей. Съ этихъ поръ друзья Дантона были противъ нихъ на сторожѣ, чтобы высмотрѣть минуту, благоприятную для нападенія. Число враговъ ихъ приумножилось, когда, чтобы положить конецъ кошунскимъ выходкамъ приверженцевъ поклоненія Разуму, Робеспьеръ настоялъ въ маѣ мѣсяцѣ на опредѣленіи Конвента, что «бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души есть истина», и въ то же время сдѣлалъ себя ненавистнымъ и смѣшнымъ, затѣявъ играть роль верховнаго жреца при новыхъ празднествахъ въ честь Высшаго Существа, устроенныхъ въ саду Тюльрійскаго замка (8 іюня). Къ числу его противниковъ принадлежалъ Талліэнъ, прежде свирѣпствовавшій въ Бордо, но обращенный къ инымъ правиламъ очаровательною Фонтенё-Кабаррюсъ. Съ нимъ соединились Фреронъ и Фушѣ, кровопійцы Ліона и Тулона, Вадьѣ, Колло д'Эрбуа, Билью-Вареннъ и наконецъ сладкорѣчивый риторъ, Барѣръ. 9 термидора (27 іюля) началась въ Конвентѣ борьба на жизнь и смерть. Робеспьеру и его приверженцамъ не дали высказаться; противники

перекричали ихъ, и въ бурномъ, страшными вспышками прерываемомъ засѣданіи, настояли на томъ, чтобъ трое вождей комитета общаго благоденствія, а съ ними и Анріо, были преданы суду и отведены подъ стражу въ Люксамбургскій замокъ. На пути ихъ освободилъ народъ, послѣ чего пьяный Анріо сталъ грозить Конвенту національною гвардіей, тогда какъ Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюсть и друг. помышляли о мести въ городской ратушѣ. Однакожь народное собраніе упредило ихъ быстрою рѣшительностью. Громко провозглашенная опала внезапно разсыпала армію Анріо, а между тѣмъ враждебные якобинцамъ граждане собрались на оборону Конвента. Обвиненные были снова взяты подъ стражу въ городской ратушѣ. Анріо заползъ въ помойный каналъ, откуда его вытащили крючьями. Робеспьеръ пытался застрѣлиться изъ пистолета, но только раздробилъ себѣ челюсть и, страшно обезображенный, сперва, среди ругательствъ и проклятій народа, отведенъ былъ въ революціонный судъ, а потомъ съ 21 изъ своихъ приверженцевъ — на гильотину (28 іюля 1794). Въ два слѣдующіе дня еще 72 якобинца подверглись той же участи.

§ 732. Послѣднія времена Конвента. Хотя низверженіе Робеспьера и его друзей термидоріанцами и было дѣломъ одной личной мести, однакожь оно все-таки положило начало возврату къ порядку и умѣренности.

Могущество комитетовъ общаго благоденствія и общественной безопасности сокрушила наконецъ тѣмъ, что придали имъ со стороны нѣсколько другихъ комитетовъ и равномѣрнѣе распредѣлили власть и правительственную работу; народныя собранія по частямъ города (секціонныя сходки) были ограничены, у черни отнята выдаваемая ей за присутствованіе на сборищахъ поденная плата (по 2 франка), вслѣдствіе чего люди достаточные скоро пріобрѣли большинство, и воспользовались за тѣмъ первымъ возстаніемъ, чтобы отобрать оружіе у сволочи. Господство парижскаго общиннаго совѣта было уничтожено новымъ раздѣленіемъ города на 12 округовъ съ особыми мерами и муниципальными совѣтниками въ каждомъ; Фреронъ, обратившійся изъ республиканскаго неистовца въ аристократа, собралъ вокругъ себя знатную молодежь, которую по ея одеждѣ прозвали «золотистою» (jeunesse dorée). Эти юноши нападали на якобинцевъ при каждомъ случаѣ на улицахъ и въ ихъ собственномъ клубѣ съ тяжелыми палками, которыя они обычно-

венно носили при себѣ, и известной марсельской пѣснѣ (Marseillaise) противопоставили другую: пробужденіе народа (le réveil du peuple). Такимъ образомъ могущество якобинцевъ постепенно ослабилось до того, что Конвентъ, состоявшій во власти термидоріанцевъ, могъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ отважиться на закрытіе клуба, а въ слѣдующемъ году приказалъ даже разорить и якобинскій монастырь. Конвентъ подкрѣпилъ себя призывомъ изгнанныхъ своихъ членовъ и тѣхъ изъ жирондистовъ, которые оставались еще въ живыхъ, и заявилъ свое отвращеніе къ системѣ ужаса отмѣною самыхъ вопиющихъ ея законовъ и казнью самыхъ кровавыхъ ея дѣльцовъ, — Каррѣ съ его товарищами, страшнаго публичнаго обвинителя Фукьѣ Тенвила и одиннадцати засѣдателей революціоннаго суда. Но когда четверо изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета общаго благоденствія (Бареръ, Вадьѣ, Колло д'Эрбуа и Билью-Вареня) также подверглись обвиненію, то якобинцы собрали послѣднія свои силы и возбудили къ страшному возстанію народъ, доведенный до отчаянья дороговизной съѣстныхъ припасовъ и огромной массой ничего нестоющихъ ассигнацій. Толпы отвратительнѣйшей сволочи обступили домъ народнаго собранія и съ грозными кликами требовали освобожденія патриотовъ, а себѣ хлѣба и конституціи 1793 г. (11 и 12 жерминаля, или 31 марта и 1 апр. 1795). Подкрѣпленные остаткомъ горской партіи, террористы вѣроятно бы одержали побѣду, еслибъ на помощь стѣсненному Конвенту не подоспѣлъ съ солдатами и гражданами случившійся тогда въ Парижѣ генералъ Пишегрю. Такимъ образомъ мятежь былъ подавленъ, и четверо обвиненныхъ отправлены въ ссылку.

Изъ нихъ Колло умеръ въ Гвіанѣ, Билью-Вареня служилъ журналистомъ негритянскому королю Христофу на Санъ-Доминго, а Бареръ и Вадьѣ успѣли убѣжать.

Еще опаснѣйшее возстаніе 1 преріаля (20 мая 1795), когда народъ съ 7 часовъ утра до 2-хъ ночи держалъ Конвентъ въ осадѣ снаружи и внутри, требуя возстановленія террора, и когда одинъ членъ Конвента (Феро) былъ убитъ въ собраніи, также осталось безуспѣшно благодаря отчасти мужеству неустрашимаго президента Буасси д'Англа, отчасти своевременной помощи со стороны добрыхъ гражданъ и войска. Съ тѣхъ поръ власть террористовъ совершенно уничтожилась. Нѣкоторые изъ якобинцевъ съ отчаянія сами наложили на себя руки (Роммъ, Гужонъ и друг.), другіе умерли на гильотинѣ, большая часть казнилась въ темницахъ или въ отдаленныхъ колоніяхъ. — Но гораздо сильнѣйшаго врага встрѣтили термидоріанцы Конвента въ

роялистахъ, которые все смѣле и смѣле подымали голову. Чтобы не дать имъ вытѣснить себя изъ правительства при введеніи новой (третьей) конституціи, оконченной въ августъ (5 фрюктидора) и утвержденной всѣмъ народомъ, термидоріанцы старались обезпечить за собой новые выборы однимъ дополнительнымъ условіемъ крайне произвольнаго свойства. Въ силу этой конституціи исполнительная власть должна была принадлежать директоріи изъ пяти членовъ, а законодательная—250-тичленному совѣту старшинъ и другому—пятисотенному совѣту. Но Конвентъ ограничилъ свободу выбора постановивъ, что двѣ трети обоихъ законодательныхъ совѣтовъ должны состоять непременно изъ его членовъ, и что если два или болѣе избирательныхъ округа выберутъ одного и того же депутата, то замѣщеніе празднаго мѣста принадлежитъ не народу (при новомъ выборѣ), а самому Конвенту. Противъ этихъ запоздалыхъ оговорокъ и хитростей возстало парижское гражданство, обработанное роялистами и враждебное членамъ Конвента, и когда возраженія его остались безъ послѣдствій, то городскія части (секціонныя собранія), гдѣ преобладала теперь умѣренные и роялисты, подняли противъ Конвента оружіе. Тогда онъ прибѣгнувъ къ помощи военной силы и, по предложенію Барраса, поручилъ усмиреніе городскихъ частей генералу Наполеону Бонапарту (§ 724), который по паденіи Робеспьера былъ лишенъ директоромъ военнаго комитета Обри своего начальническаго мѣста въ артиллеріи и теперь находился въ Парижѣ ни при чемъ. Кровавая побѣда, одержанная въ парижскихъ улицахъ 13 вандемьера (5 окт. 1795), доставила республиканцамъ перевѣсъ, а 26-тилѣтнему Наполеону— главное начальство надъ италійскою арміею. Не задолго до этого молодой генералъ женился на вдовѣ казеннаго генерала Богарнѣ, Жозефинѣ (рожденной Ташѣ де ла Пажерѣ).

V. Франція подъ властью директоріи, съ 26 окт. 1795 по 9 ноября (18 брюмера) 1799 г.

§ 733. Италійскіе походы Наполеона до мира въ Кампо-Форміо. Викторъ Амедей III, король Сардинскій и Піэмонетскій, завелъ у себя парадное войско и роздалъ офицерскія мѣста многочисленному туземному дворянству, (§ 638 б); но когда войска Французской республики вступили въ Савойю и Ниццу, армія его потерпѣла

пораженіе отъ этихъ воодушевленныхъ ополченій. При всемъ томъ смѣна правительства въ Парижѣ и обманы подрядчиковъ вскорѣ повергли французскую армію въ Итали въ страшно-бѣдственное положеніе. Солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ; они голодали, одежда ихъ была въ самомъ жалкомъ состояніи; съ тѣхъ поръ какъ терроръ болѣе не двигалъ ихъ впередъ, ихъ энергія, повидимому, ослабѣла; — но въ это время явился Наполеонъ Бонапартъ въ качествѣ главнокомандующаго. Надѣленный отъ природы отличнымъ военнымъ талантомъ, онъ вскорѣ съумѣлъ до того воодушевить и привязать къ себѣ упавшія духомъ войска, при которыхъ были даровитые второстепенные генералы и офицеры, что они подъ его водительство не отступали ни передъ какою опасностью и слѣдовали за нимъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Уже первое воззваніе, которымъ онъ привѣтствовалъ свою армію, давало предчувствовать все искусство этого человѣка; въ немногихъ словахъ, дышавшихъ античною энергіею и простотой, онъ разомъ съумѣлъ польстить самолюбію солдата, пробудить въ немъ увѣренность въ побѣдѣ и указать ему на цвѣтущія равнины Итали, какъ на такое побѣдное поле, гдѣ вмѣсто лишеній и нужды ожидаютъ его довольство и слава.

11 и 12 апрѣля (1796) при Миллезимо, а 12 и 14 при Монтенотте, Наполеонъ разбилъ почти 80-лѣтняго австрійскаго полководца Больё, отрѣзавъ этими побѣдами Австрійцевъ отъ Сардинцевъ и до того напугавъ короля Виктора Амадея быстрымъ движеніемъ на Туринъ (послѣ успѣшнаго дѣла при Мондови, 22 апрѣля), что тотъ согласился на позорный и невыгодный миръ, по которому уступилъ республикѣ Савойю и Ниццу, сдалъ французскому полководцу шесть крѣпостей, выплатилъ большія суммы денегъ и принялъ на себя тягостное обязательство — во всякое время пропускать французское войско черезъ свои предѣлы, доставлять ему во время прохода потребные жизненные припасы и не участвовать ни въ какомъ союзѣ противъ Франціи.

Вслѣдствіе этого мира, Французы стали повелителями Піэмонта. Спустя пять мѣсяцевъ король Викторъ Амедей умеръ и оставилъ престолъ своему кроткому, но слабому сыну Карлу Эммануилу V (1796—1802), шурина несчастнаго Людовика XVI. Побѣдители отняли у него туринскую цитадель, когда Австрія и Неаполь стали опять угрожать войною (1798), и унижали его до тѣхъ поръ, пока онъ отказался отъ управленія Піэмонтомъ и удалился съ своимъ семей-

ствомъ на островъ Сардинію. Тщетно протестовалъ онъ торжественно противъ наложеннаго на него гнета; французское правительство вступило во владѣніе его страной, которая потомъ была присоединена Наполеономъ къ Франціи и раздѣлена на шесть департаментовъ (1802), а Карлъ Эммануилъ передалъ свои права сыну своему Виктору Эммануилу и отправился на житье въ Римъ.

По заключеніи мира съ Піэмонтомъ, Наполеонъ быстро продолжалъ свое побѣдное шествіе. Онъ силою прорвался черезъ мостъ при Лоди (10 мая 1796), съ царственнымъ блескомъ и среди ликованій легкомысленнаго народа, вступилъ въ принадлежавшій Австріи Миланъ и до того напугалъ мелкихъ государей Италиі своимъ военнымъ счастіемъ и заносчивымъ образомъ дѣйствій, что они старались во что бы то ни стало склонить къ миру смѣлаго и умнаго побѣдителя.

Наполеонъ взялъ съ ломбардскихъ городовъ, съ государей пармсаго, моденскаго, тосканскаго и др. огромныя суммы денегъ, драгоценнѣйшія картины, сокровища искусства, рукописи. Онъ поступалъ точь въ точь какъ нѣкогда римскіе полководцы, съ которыми познакомился изъ Плутарховыхъ жизнеописаній. Онъ обогатилъ французскую столицу гениальными произведениями, чтобы потѣшить падкій на зрѣлища и притомъ тщеславный парижскій народъ.

Мѣсто престарѣлаго Больё занялъ теперь Вурмзеръ. Но и онъ былъ разбитъ при Кастильоне (5 августа), послѣ чего Французы обложили сильно укрѣпленную Мантуу. Тщетно старался Вурмзеръ освободить городъ; побѣжденный въ двухъ битвахъ, онъ кончилъ тѣмъ, что самъ былъ осажденъ въ Мантуѣ съ остаткомъ своей арміи. Высланное къ нему на выручку войско подъ начальствомъ Альвинци потерпѣло три кровавыя пораженія (при Арколе, 17 ноября 1796, Риволи, 14 января 1797, и Ла Фаворитѣ), въ которыхъ вся австрійская армія была отчасти истреблена, отчасти взята въ плѣнъ. Это принудило стойкаго Вурмзера сдать Мантуу славному побѣдителю, имя котораго было теперь на всѣхъ устахъ. Бонапартъ, изъ уваженія къ храбрости непріятеля, дозволилъ свободное отступленіе престарѣлому полководцу съ его главнымъ штабомъ и съ частью храбраго гарнизона (2 февр. 1797). Устрашенный столь быстрыми успѣхами, папа Пій VI поспѣшилъ удержать побѣдоносное войско отъ вступленія въ Церковную

область невыгоднымъ для себя Толентинскимъ миромъ (по которому онъ отказался отъ Авиньона и Венессена, уступилъ Болонью, Феррару и другіе города, заплатилъ 30 милл. ливровъ и выдалъ нѣсколько драгоценныхъ картинъ, 19 февр.). Вскорѣ эрцгерцогъ Карлъ, въ званіи «генералиссимуса», принялъ главное начальство надъ австрійскою арміею въ Италиі, но также безъ большаго успѣха. И онъ долженъ былъ, послѣ тяжкихъ потерь, отступить съ своими упавшими духомъ войсками; Бонапартъ преслѣдовалъ его до Клагенфурта, въ намѣреніи пройти до Вѣны. Императоръ Францъ, озабоченный судьбою своей столицы, далъ женскому вліянію и коварной, безчестной политикѣ Тугута склонить себя на заключеніе невыгоднаго предварительнаго мира въ Леобенѣ (18 апрѣля) въ то самое время, когда положеніе французской арміи становилось опаснымъ отъ неполученія ожидаемыхъ вспомогательныхъ войскъ, отъ тревожныхъ волненій между суровыми Тироляцами, Штирійцами и Каринтіяцами, и отъ пробудившагося въ самой Австріи воинскаго духа. Основныя условія мира, установленныя въ Леобенѣ, обезпечили Французамъ владѣніе Бельгіей и Ломбардіей и подали имъ надежду на исполненіе ихъ любимой мысли о «естественной границѣ на Рейнѣ», хотя для вида въ договорѣ и упоминалось о ненарушимой «цѣлости имперіи». Перемиріемъ, наступившимъ теперь до окончательнаго заключенія мира, отлично воспользовался Наполеонъ для того, чтобы покорить нѣкогда столь гордую и могущественную Венецію.

Эта выродившаяся республика, олигархическое устройство которой уже не отвѣчало требованіямъ времени, до сихъ поръ соблюдала въ отношеніи къ воюющимъ державамъ нейтралитетъ, впрочемъ мало уваженный обѣими сторонами, такъ какъ онъ былъ лишь слѣдствіемъ безсилія. Французы очень соблазнялись на богатый торговый городъ съ его флотами и запасными магазинами, и уже завели связи и интриги со многими изъ его демократовъ, стремившимися къ испроверженію существующаго государственнаго порядка, когда безразсудство сената подало удобный поводъ къ постепенному уничтоженію республики. Происшедшее въ тылу французской арміи народное движеніе исполнило венеціанское правительство надеждою на то, что непріятель погибнетъ подъ ударами населенія; оно поддержало волненіе, господствовавшее между жи-

телями венеціанскихъ областей на материкъ, и тѣмъ возбудило грозное возстаніе. 17 апрѣля, ожесточенное населеніе Вероны и ея окрестностей напало на оставшихся тамъ Французовъ, умертвило ихъ и даже не пощадило больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ. Трусливый сенатъ въ безразсудномъ предположеніи, что настала минута мести, и въ надеждѣ на Австрію, принялъ воинственное положеніе и одобрилъ случившееся. Но вдругъ пришла вѣсть о заключеніи Леобенскаго мира, и повергла малодушный сенатъ въ величайшее смущеніе.

Вмѣсто того, чтобы мужественно противостать грозящему войной непріятелю и по крайней мѣрѣ пасть съ честью, венеціанскіе правители смиренно просили пощады у гордаго побѣдителя и согласились, лишь бы удержать за собой свои пенсіи, распустить храбрыя войска (Славонцевъ, Словиновъ) и сдать государственную власть новоизбранному народомъ демократическому совѣту. Это было предверіемъ къ совершенному паденію республики, ибо Наполеонъ имѣлъ въ виду ограбить Венецію и потомъ предоставить опустошенный городъ Австріи въ видѣ вознагражденія. Для этой цѣли Французы вступили въ маѣ въ городъ лагунъ, забрали всѣ корабли и запасы изъ арсенала, похитили изъ церквей, галлерей и библиотекъ лучшія ихъ украшенія и драгоценнѣйшія сокровища, и до тѣхъ поръ занимали городъ, пока переговоры, продленные коварною политикою Тугута и надеждой союзныхъ державъ на ожидаемый въ Парижѣ переворотъ въ роялистскомъ смыслѣ, привели къ заключенію мира въ Кампо-Форміо (17 окт. 1797), по которому верхняя Италия, подъ именемъ Цизальпинской республики, подпала владычеству Франціи, и послѣдняя пріобрѣла еще Бельгію и лѣвый берегъ Рейна.

Миръ въ Кампо-Форміо и Раштаттскій конгрессъ. По этому миру, въ которомъ смѣлая политика Наполеона одержала полнѣйшую побѣду надъ старой дипломатіей и придворной формалистикой графа Кобенцеля, Венеціанская область вмѣстѣ съ Истріей и Далмаціей была предоставлена Австріи, которая за это признала Цизальпинскую республику, составленную изъ австрійской Ломбардіи, Мантуи, Модены, Феррары, Болоньи и другихъ завоеванныхъ областей и округовъ и управляемую, по примѣру французской республики, директоріей и двумя законодательными совѣтами (30 дек. 1797); согласилась на уступку Бельгій Французамъ и обѣщала

вознаградить низложеннаго герцога Моденскаго владѣніемъ Брейсгау. Кромѣ того, императоръ Францъ обязался вывести свои войска изъ Майнца, Маннгейма, Эренбрейтштейна, Ульма и другихъ крѣпостей, чѣмъ вполнѣ предавалъ Нѣмецкую имперію нападеніямъ Французовъ. Надо было немедленно очистить Майнцъ и такимъ образомъ предоставить Франціи весь лѣвый берегъ Рейна, за исключеніемъ прусскихъ владѣній Клеве, Мёрса и Гельдерна. Судходство по Рейну было объявлено свободнымъ и Маасскія пошлвы отмѣнены. Духовные курфюрсты и другіе, потерпѣвшіе ущербъ, князья, прелаты и дворяне должны были получить вознагражденіе на правомъ берегу Рейна; этотъ пунктъ, какъ и другіе, касавшіеся Германіи, положено было рѣшить на Раштаттскомъ конгрессѣ. Послѣдній былъ открытъ самимъ Наполеономъ (9 дек.); но медленное и сложное дѣло мира не могло приковать къ себѣ надолго его бурно-дѣятельный умъ. Онъ передалъ дѣло нѣсколькимъ дипломатамъ и въ декабрѣ отправился въ Парижъ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, а директорія, которой онъ былъ представленъ Таллейраномъ, приняла съ почестями и отличіемъ. — Съ мира въ Кампо-Форміо началась новая эпоха въ европейской исторіи. Старыя международныя отношенія распались, побѣды революціонной пропаганды въ Голландіи, на Рейнѣ, въ Италиі были признаны, и сняты плотины, мѣшавшія дальнѣйшимъ успѣхамъ того же начала, быстро послѣдовавшимъ въ Церковной Области и въ Швейцаріи. Политика Тугута до того отдалась этому новому началу, что не только допустила ограбленіе имперіи и вознагражденіе потерпѣвшихъ ущербъ на чужой счетъ, но и сама съ жадностью участвовала въ раздѣлѣ великой добычи. Австрія завистливо взяла обѣщаніе съ враговъ имперіи—отнюдь не расширять прусскихъ владѣній. Такимъ образомъ внутренний разладъ, соперничество обѣихъ великихъ державъ Германіи и слабость малыхъ государствъ облегчили побѣду Французамъ. Австрія имѣла виды на Баварію и вполнѣ надѣялась — пріобрѣсти наконецъ, при помощи Франціи, эту давно желанную добычу; Пруссія столько же жаждала округленій во Франконіи и Вестфалии и не менѣе усердно старалась захватить теперь эту добычу, также съ помощію Франціи. Правда, менѣе значительныя имперскіе чины явились въ Раштаттѣ съ патріотическимъ видомъ, будто намѣрены отстаивать цѣлость имперіи но и изъ нихъ многіе уже находились въ тайномъ соглашеніи съ Франціей. признали съ своей стороны уступку лѣваго берега Рейна и пріняли предоставленныя имъ духовныя имущества. Всѣ обманывали другъ

друга, начиная съ императора до мельчайшихъ имперскихъ чиновъ южной Германіи!—Раштаттскій конгрессъ былъ тризной по священной римско-германской имперіи; казалось, весь разладъ, все педанство вся чопорность ея еще разъ должны были обнаружиться вполне. Не знаешь, чему больше удивляться: вѣтрости ли и легкомыслію дипломатовъ, или низости и безхарактерности, съ какою посланники малыхъ дворовъ заискивали покровительства Франціи низкопоклонствомъ и подкупомъ у всѣхъ принадлежавшихъ къ французскому посольству, не исключая даже лакеевъ и кучеровъ, или наконецъ дерзости и якобинской суровости республиканскихъ агентовъ, которые держали въ своихъ рукахъ разрозненныхъ большихъ владѣтелей, возбуждая между ними зависть, попеременно то ласкали, то страшили среднихъ и малыхъ, и такимъ образомъ сумѣли отлично воспользоваться безпомощнымъ состояніемъ имперіи. «Еслибы въ такой темной исторіи», говоритъ Гейсеръ, «могло служить утѣшеніемъ то, что всѣ державы и чины, составлявшіе старую имперію, одинаково содѣйствовали ея разложенію, то это, утѣшеніе въ полной мѣрѣ вышло намъ на долю. Австрія и Пруссія, Баварія, Баденъ, равно какъ и Пфальцвейбрюкенъ, какъ свѣтскіе такъ и духовные князья, всѣ равно повинны въ этомъ дѣлѣ, и ни одинъ не въ правѣ укорить другаго передъ потомствомъ большимъ отсутствіемъ патріотизма.»

§ 734. Правительство французской директоріи во внутреннихъ дѣлахъ. Члены обоихъ, составленныхъ въ силу двойнаго выбора законодательныхъ собраній, — совѣта старшинъ и пятисотеннаго, были большею частью умѣренныя республиканцы; напротивъ, выбранные совѣтами изъ среды ихъ пять директоровъ были ревностные республиканцы, отчасти въ смыслѣ жирондистовъ, какъ Ла Ревейльеръ-Лепо, отчасти въ духѣ якобинцевъ, какъ Карно, Баррасъ, Рёбель.

Ла Ревейльеръ-Лепо былъ очень почтенный человекъ, но фанатическій врагъ церкви и духовенства; онъ желалъ замѣнить христіанство естественною религіей и съ этой цѣлью основалъ общество еео-филаантроповъ (бого-человѣколюбцевъ). Остальные директора, исключая безнравственнаго гуляки Барраса, тоже были патріоты, исполнявшіе свою трудную обязанность съ величайшимъ усердіемъ и самоотверженіемъ, и жившіе въ нуждѣ, не смотря на систему хищничества, введенную ими повсемѣстно; при всемъ томъ, кромѣ одного Карно, это были вообще незначительные люди. Ревность, съ какою они старались

доставить себѣ уваженіе и вѣсь посредствомъ пестрой форменной одежды изъ алаго сукна и бархата, сдѣлала ихъ даже истинно-смѣшными.

Происки партій. Впрочемъ, правительство директоріи было ненавистно какъ крайнимъ республиканцамъ (террористамъ), такъ и роялистамъ, и должно было терпѣть нападки со стороны тѣхъ и другихъ. Первую попытку къ перевороту сдѣлали республиканцы подъ водительствомъ Гракха-Бабёфа (май 1796), стремившагося, подобно римскому трибуну, котораго онъ принималъ и самое имя, къ уравненію собственности и новому раздѣлу имущества. Къ нему примкнули нѣкоторые изъ прежнихъ якобинцевъ, именно Друэ и Россиньи оль. Предпріятію ихъ помѣшала бдительность правительства; послѣ надѣлавшаго шума процесса, Бабёфъ поразилъ себя ножомъ въ грудь; другіе были отчасти казнены, отчасти сосланы. Память Бабёфа осталась въ почетѣ у его единомышленниковъ, и на началахъ его до сихъ поръ основаны стремленія коммунистовъ и социалистовъ. — Важнѣе была опасность, грозившая безсильному правительству директоріи со стороны роялистовъ, которые основали клубъ Клиши и имѣли сторонниковъ въ законодательныхъ совѣтахъ и въ самой директоріи. Когда, согласно конституціи, по прошествии перваго года выбыла треть членовъ исовѣтъ былъ пополненъ новыми выборами, роялистамъ удалось провести въ законодательное собраніе почти однихъ только своихъ приверженцевъ. Между ними находился Пишегрю, который еще прежде, будучи главнокомандующимъ Рейнской арміи, состоялъ въ сношеніяхъ съ эмигрантами и теперь, какъ предсѣдатель пятисотеннаго совѣта, стремился къ возстановленію королевской власти. Это встревожило республиканцевъ въ директоріи и въ законодательныхъ палатахъ. Они старались сначала подавить роялистское движеніе при помощи героя Гоша (іюль 1797), а когда горячность этого генерала и собственная ихъ нерѣшительность помѣшали исполненію задуманнаго плана, они обратились къ Бонапарту. Послѣдній отправилъ въ Парижъ отрядъ своего войска подъ начальствомъ умнаго Бернадота и рубаки Ожеро, будто бы для передачи знаменъ, но въ сущности для того, чтобы служить директоріи противъ роялистовъ. 18 го фрюктидора (4 сентября 1797) Ожеро окружилъ своими солдатами Тюильри и захватилъ роялистскихъ депутатовъ послѣ чего 11 членовъ совѣта старшинъ, 42 члена пятисотеннаго совѣта (въ томъ числѣ Пишегрю и Вильіо) и двое директоровъ (Бартелеми и разладившій съ своими товарищами, убѣжденный въ

необходимости переворота республиканецъ Карно) были приговорены къ ссылкѣ въ знойновлажную Гвіану (Кайенну), въ Южной Америкѣ.

Тогда, декретомъ новаго директора Мерлена, роялистскіе выборы объявлены были недѣйствительными, возвратившіеся эмигранты и нѣкоторые, еще проживавшіе во Франціи родственники королевскаго дома изгнаны, множество журналовъ въ роялистскомъ духѣ запрещены, и ихъ издатели, редакторы и сотрудники приговорены къ ссылкѣ. Новая присяга въ вѣрности существующему государственному и религіозному порядку должна была обезпечить якобинское правительство противъ подобныхъ нападений. Съ тѣхъ поръ судьба правительствъ во Франціи очевидно зависѣла отъ штыка. Моро, котораго считали соучастникомъ плановъ Пишегрю, былъ уволенъ изъ службы, не смотря на безчестное письмо, въ которомъ онъ открылъ всю вину своего пріятели. Гошъ отправился къ Рейнской арміи, гдѣ вскорѣ нашелъ преждевременную, но славную могилу (20 сентября 1797). Карно избѣгнувъ предвѣщенной ему ссылки бѣгствомъ въ Германію, и возвратился на родину уже послѣ 18 брюмера.

Директорія считала себя до того сильною подъ защитой Бонапарта, что вскорѣ собственною властью отмигнула нѣсколько роялистскихъ, или, какъ выражались тогда, анархическихъ выборовъ. беспощадно преслѣдовала роялистовъ и друзей ихъ военнымъ судомъ и старалась суровыми законами застрашать возвратившихся дворянъ и эмигрантовъ. Въ то же время, однако, были приняты насильственные мѣры и противъ якобинцевъ, которые смѣлѣе поднимали голову. И при всемъ томъ, директорія не имѣла ни силы и вѣса за границей, ни уваженія и довѣрія внутри. Торговля, промышленность и земледѣліе были въ застоѣ, тяжкіе налоги бременили народъ, и совершенный упадокъ цѣнности ассигнацій, которыхъ выпущено было невѣроятное количество, произвели величайшее разстройство какъ въ государственной казнѣ, такъ и въ частномъ достояніи. Тщетно придумали новый родъ бумажныхъ денегъ, подъ залогъ имущества эмигрантовъ и національнаго, — какъ-называемые мандаты, которыми рассчитывали выкупить часть ассигнацій, чтобы потомъ объявить остальные недѣйствительными; новыя деньги вскорѣ такъ же упали, какъ и прежнія. Тщетно старались удовлетворить государственныхъ кредиторовъ процентными облигаціями (inscriptions) и склонить ихъ къ новымъ ссудамъ — явная несостоятельность казны лишила правительство всякаго довѣрія; потери капиталистовъ были неисчислимы, достояніе перешло отъ

богатыхъ и избранныхъ къ низшимъ классамъ. Для покрытія военныхъ и другихъ издержекъ, правительство директорія ввело въ завоеванныхъ земляхъ истинно-хищническую систему. Нидерланды, Швейцарія и особенно государи и города Италіи были безсовѣстнѣйшимъ образомъ ограблены директорами, ихъ дипломатами, полководцами и комиссарами. Насиліе, коварство и угрозы, все было употреблено въ дѣло; весь міръ жаждалъ освобожденія отъ этого стѣснительнаго и ничтожнаго правительства, но единственный человекъ, отъ котораго можно было ожидать спасенія, по окончанія своего италійскаго похода пустился въ дальнюю страну чудесъ, чтобы тамъ увѣичаться новыми лаврами. Въмѣсто того, чтобы предпринять высадку въ Англію, какъ заключали все судя по военнымъ приготовленіямъ въ морскихъ портахъ, Наполеонъ Бонапартъ отплылъ (19 мая 1798) съ частью своей италійской арміи, съ лучшими полководцами и знаменитѣйшими художниками, учеными, математиками (Монжъ), натуралистами (Бертоллѣ, Контъ), астрономами, врачами и т. под., въ Египетъ, черезъ Мальту, отнятую измѣной у Іоаннитскаго ордена. Великіе планы руководили его при этомъ отважномъ и полнымъ опасностей предпріятіи. Изъ Египта можно было господствовать надъ Средиземнымъ моремъ, гдѣ со времени мира въ Кампо-Формію Франціи уже принадлежало покровительство надъ Іонійскими островами: изъ Египта можно было поколебать шаткое владычество Турковъ въ Малой Азіи и Греціи; изъ Египта Франція могла дѣйствовать на Остъ Индію и сокрушить могущество Англи въ ея колоніяхъ. Оттого британскій народъ поднялся на новую могучую борьбу и принесъ невѣроятнѣйшія денежныя жертвы, чтобы побудить и другія державы къ такому же противодѣйствію.

§ 735. Вѣшнія дѣла. Правительство директоріи было столь же высокомерно, алчно и деспотично въ отношеніи къ другимъ странамъ, сколько слабо и ничтожно въ дѣлахъ внутреннихъ. Только теперь, когда революція пережила дикіе перевороты партій и стояла во всеоружіи, только теперь наступила та опасность, которой страшилась старая Европа еще въ 1791 и 1792 годахъ: завоевательная сила революціи, подкрѣпленная политической пропагандой, обратилась на другія земли и стала потрясать самыя основы феодальныхъ и манархическихъ порядковъ сначала въ сопредѣльныхъ Франціи странахъ. Зимою 1797 г. произошли въ Римѣ и въ другихъ частяхъ Церковной Области республиканскія движе-

нія, отчасти по неудовольствію на гнетъ папскаго правительства, отчасти вслѣдствіе французскихъ внушеній. При подавленіи ихъ лишился жизни генералъ Дюфѳ. Это дало французскому правительству поводъ двинуть въ Римъ Бертье съ арміей. На римскомъ форумѣ водружено было дерево свободы (10 февр. 1798); свѣтская власть была отнята у папы и передана республиканскому правительству, составленному по образцу французскаго изъ консуловъ, сенаторовъ и трибуновъ (15 февр.). Потомъ новые освободители (въ особенности суровый Массена) обложили городъ тяжкими военными податями, обирали церкви и дворцы, содержали и одѣвали армію на счетъ жителей и увезли въ Парижъ принадлежавшія казнѣ произведенія искусства, въ качествѣ трофеевъ. Когда же народъ задумалъ избавиться отъ навязанной ему свободы, престарѣлый папа былъ отправленъ во Францію, а кардиналы подверглись тяжкому преслѣдованію.

За кровавыми и ужасными сценами убійства и грабежа, послѣдовала республиканская комедія. Кардиналовъ принудили сложить свое достоинство и выѣхать изъ края; потомъ, 20 марта, съ обычной торженственностью, со всевозможными пышными рѣчами записныхъ говоруновъ, среди самохвальства, пѣнія, игръ и пляски, провозглашена была съ Капитолія новая республика и театрално возвѣщенъ ея союзъ съ Франціей. Даллеманъ (Dallemagne) развернулъ при этомъ знамя свободы своими, еще обогранными римской кровью, руками, и въ честь Бертье была выбита медаль, увѣковѣчивающая его въ нашихъ нумизматическихъ собраніяхъ какъ возстановителя древняго Рима (Reslitutor Urbis), а Французовъ — какъ избавителей рода человѣческаго (Gallia Salus generis humani). — Пій VI сложилъ въ могилу свою согбенную отъ старости голову въ Валансѣ (29 авг. 1799), но черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, республиканское правительство въ Римѣ было низвергнуто, и преемникъ его Пій VII могъ возвратиться въ свой Ватиканскій дворецъ.

Генуа тоже получила демократическое устройство и, въ качествѣ Лигурійской республики, находилась подъ вліяніемъ Франціи, а наконецъ (1805) была и совершенно присоединена къ ней; Лукка утратила, вмѣстѣ съ аристократическимъ правленіемъ, и свою богатую казну, и когда Сардинскій король подписалъ актъ отреченія отъ Піемонта (декабрь

1798), а Неаполь палъ предъ побѣдоноснымъ оружіемъ французской арміи, и подъ именемъ Пареннопейской республики повиновался указаніямъ директоріи, Франція была близка къ тому, чтобы подчинить своему владычеству весь прекрасный полуостровъ — цѣль подвиговъ столь многихъ Французскихъ королей и могилу не одного храбраго воина.

Въ Неаполь, слабый король Фердинандъ IV (§ 638. б.) занимался только охотой и рыболовствомъ, и жилъ среди ладзароновъ своей столицы, между тѣмъ какъ гордая, страстная супруга его Каролина, дочь Маріи Терезіи, управляла государственными дѣлами и совершенно подпала вліянію британскаго посланника и его жены, знаменитой кокетки леди Гамильтонъ. Проникнутая непримиримой ненавистью къ Франціи и цареубійцамъ республиканцамъ, она съ величайшею радостью узнала о новомъ большомъ союзѣ противъ этого государства и о роковой судьбѣ французскаго флота, который былъ отчасти увичтоженъ, отчасти полоненъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ при Абукирѣ, у береговъ Египта. Въ чадѣ радости, Каролина не выждала объявленія войны Франціи союзными державами, но склонила своего супруга сдѣлать всеобщее воззваніе и вступить въ Церковную Область съ большимъ войскомъ изъ неопытныхъ солдатъ, которыми начальствовалъ неспособный австрійскій генералъ Макъ. Римъ былъ занятъ (23 ноября 1798) и точно такъ же пострадалъ теперь отъ неаполитанскихъ полчищъ, какъ прежде отъ французскихъ. Но черезъ нѣсколько дней оттѣсненные республиканскія войска снова двинулись впередъ подъ начальствомъ Шампіоннѣ, обратили Неаполитанцевъ въ бѣгство, овладѣли Римомъ и сами проникли въ непріятельскія владѣнія. Испуганный и растерявшійся неаполитанскій дворъ бѣжалъ въ Сицилію (21 декабря), велѣлъ сжечь свой собственный военный флотъ и предалъ столицу и всю страну въ руки побѣдителя. Макъ и королевскій намѣстникъ растерялись не менѣе своихъ владыкъ. Они поспѣшно заключили договоръ, въ которомъ обѣщали сдать крѣпости Французамъ и доставить имъ десять милліоновъ посредствомъ военныхъ налоговъ. Это возмутило руководимый духовенствомъ народъ въ городѣ и въ цѣломъ краѣ. Шайки оборванной сволочи (ладзароны), вмѣстѣ съ поселянами и каторжными, овладѣли Неаполемъ и навели на всѣхъ такой ужасъ, что королевскій намѣстникъ бѣжалъ въ Сицилію, а Макъ искалъ защиты у Французовъ и, въ качествѣ военноплѣннаго, отправился въ Парижъ. По крови и трупамъ проложилъ себѣ потомъ дорогу Шампіоннѣ въ упорно защищаемую столицу (21 — 23 января

1799); по завоеваніи ея онъ учредилъ, въ согласіи съ туземными, принадлежавшими къ образованнымъ классамъ демократами, Пареннопейскую республику (25 января) съ устройствомъ, похожимъ на французское директоріальное правленіе. Всѣ знатные, образованные и проникнутые патріотизмомъ Неаполитанцы, радуясь избавленію отъ многолѣтняго гнета королевскаго и церковнаго деспотизма, примкнули къ чужеземцамъ. Короткій срокъ, въ теченіе котораго они могли предаваться своей обольстительной мечтѣ, не далъ благороднымъ мечтателямъ сознать свое заблужденіе. — Шампюніе оскорбилъ свое правительство, желая защитить новую республику отъ алчности его пословъ; поэтому онъ долженъ былъ уступить главное начальство Макдональду, а самъ былъ отозванъ и заключенъ въ тюрьму.

Швейцарія. Около того же времени было измѣнено и государственное устройство Швейцаріи. — Въ различныхъ кантонахъ этой страны власть уже давно была въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій, которыя устранили отъ всякаго участія въ управленіи не только своихъ менте знатныхъ согражданъ въ главныхъ городахъ, но и сельскихъ жителей, поступаая съ ними, какъ съ своими подданными. Особенно тяжело было это положеніе дѣл въ Бернѣ. Здѣсь властвовали нѣсколько членовъ совѣта, выбираемые изъ извѣстныхъ фамилій, и управляли не только всѣмъ этимъ кантономъ, но и покореннымъ съ 1536 года, Ваатландскимъ, родственнымъ Французамъ по языку и духу, распоряжаясь также и въ Ааргау. Ваатландцы, стремившіеся къ независимости и самоуправленію, старались при помощи Французовъ избавиться отъ чужеземнаго владычества. Въ народѣ произошли демократическія движенія, которыя, подъ вліяніемъ Франціи, наконецъ перешли въ открытое возстаніе противъ бернскихъ аристократовъ. То была демократическая реакція народа противъ выродившейся аристократіи, возстаніе подвластнаго края—противъ главныхъ городовъ, національнаго духа—противъ шаткаго союзнаго устройства. Угрожаемые Бернцами, Ваатландцы искали защиты у французскаго правительства. Последнее воспользовалось случаемъ къ вмѣшательству (февраль 1798), надѣясь добыть себѣ денежныя суммы, необходимыя для египетскаго похода. Съ содѣйствіемъ французскихъ войскъ, Ваатландцы послѣ нѣсколькихъ стычекъ освободились отъ бернскаго владычества. Но какъ тутъ были убиты нѣкоторые Французы, то это и подало генералу Брюну желанный поводъ занять Бернъ, овладѣть богатою казною и арсеналомъ, и вынудить у страны, которою и безъ того были недовольны за ея терпимость къ эмигрантамъ, большія

суммы военными налогами и грабежами. Раздоръ и вражда партій произвели также народныя движенія въ Базелѣ и въ другихъ кантонахъ, и ускорили исполненіе плана директоріи—вести въ Швейцаріи сходное съ французскимъ государственное устройство.

Швейцарская союзная республика была объявлена упраздненною, и уступила мѣсто единой и нераздѣльной Гельветической республикѣ (29 марта) съ пятью директорами (въ томъ числѣ виновники переворота — Оксъ изъ Базеля и Лагарпъ изъ Ваатланда) и двумя законодательными совѣтами, прямо избираемыми всѣмъ народомъ. Женева включена была во французскія владѣнія, а Цюрихъ, Люцернъ и др. м. подверглись тяжкому грабежу и вымогательству. Напрасно католическіе кантоны при Четырехъ-Кантонскомъ озерѣ, возстали противъ этого переворота (апрѣль 1798) по внушеніямъ своихъ священниковъ и взяли за оружіе; послѣ сильнаго сопротивленія и многихъ кровавыхъ схватокъ, они были побѣждены и вынуждены приступить къ рѣшенію остальныхъ кантоновъ.

§ 739. Новая коалиціонная война (1798—1799). Счастіе французскаго оружія, вмѣстѣ съ высокоуміемъ республиканцевъ, угрожавшихъ разрушить все старое и учредить вездѣ новые порядки, привело большинство европейскихъ державъ къ новому великому союзу.

Австрія, озабоченная дѣлами Италіи, уже давно была въ разладѣ съ директоріей, которая негодовала на то, что при одномъ народномъ праздникѣ въ Вѣнѣ было произведено нападеніе на домъ французскаго посла Бернадота (13 апрѣля 1798) и трехцвѣтное знамя, какъ бы нарочно вывѣшенное имъ на показъ, было сорвано и сожжено, а австрійское правительство не дало требуемаго удовлетворенія. Англія ожидала отъ египетскаго предпріятія опасности для своихъ внѣшнихъ владѣній и потому сыпала деньги полными руками, чтобы приготовить Франціи новыхъ враговъ. Она имѣла сверхъ того основательныя причины къ неудовольствію, такъ какъ директорія въ Парижѣ обѣщаніемъ вооруженной помощи превратила уже давно господствовавшее въ Ирландіи броженіе въ явный и открытый мятежъ. Въ надеждѣ на эту помощь, Ирландцы, доведенные до отчаянія жестокимъ управленіемъ и строгимъ судопроизводствомъ Англичанъ, взяли за оружіе (май 1798); но, не смотря на содѣйствіе храбраго генерала Омбера (Humbert), не могли усто-

ять противъ превосходныхъ силъ Англіи и военнаго искусства полководца Корнуэльса. Послѣ кровавой междоусобной войны, возстаніе было подавлено; Омберъ, имѣвшій при себѣ лишь немногочисленный отрядъ, вынужденъ былъ сдаться (августъ), и за тѣмъ вся страна подчинена строгому военному закону. Вольфъ Тоунъ, даровитый политическій писатель и главный виновникъ французскаго союза, казненъ по приговору военнаго суда. Напперъ Танди, его единомышленникъ, бѣжалъ въ Гамбургъ, но впоследствии былъ выданъ тамошнимъ сенатомъ. Соединеніе Ирландіи съ Англіей въ правительственномъ и законодательномъ смыслѣ (юль 1800) было послѣднею мѣрой, принятой для совершеннаго подчиненія безпокойной страны. — Въ Россіи съ 1796 года царствовалъ единственный сынъ императрицы Екатерины II, Павелъ I, защищавшій право самодержавія противъ опасныхъ началъ революціи. Уважая Мальтійскій орденъ, котораго онъ сталъ гротмейстеромъ, хотя этотъ орденъ принадлежалъ къ другой церкви, императоръ Павелъ призналъ взятіе Мальты Наполеономъ за основательный поводъ къ войнѣ. Въ истинно-рыцарскомъ духѣ началъ онъ борьбу за попранную законность и за восстановление прежнихъ порядковъ и возрѣній. Даже Султанъ примкнулъ къ коалиціи, когда смѣлые республиканцы стали угрожать Турецкой имперіи изъ Египта и Сири. Одна только Пруссія сохранила свой нейтралитетъ, какъ ни старались Россія и Англія склонить ее къ участію въ союзѣ. Здѣсь 16 ноября 1797 года вступилъ на престолъ украшенный всеми семейными добродѣтелями и истиннымъ благочестіемъ Фридрихъ Вильгельмъ III, жившій запросто и душа въ душу съ своей прекрасною и доблестною супругою Луизой.

Пруссія при воцареніи Фридриха Вильгельма III. Недостаточное воспитаніе въ юности не сообщило полной силы здравому отъ природы уму короля и развило въ немъ врожденную робость и шаткость характера, а окружающая среда, состоявшая изъ ничтожныхъ, мелочныхъ рутинѣровъ, какъ напр. генераль фонъ-Кёкерлицъ и кабинетный совѣтникъ Бейме, удерживала его отъ всякой энергической дѣятельности. Завѣдываніе общественными дѣлами было предоставлено по прежнему людямъ безъ любви къ отечеству, безъ чувства чести и силы характера, безнравственному Гаугвицу и вѣтряному, падкому къ удовольствіямъ Ломбарду. Генераль фонъ-Цастровъ управлялъ военными дѣлами по старой колѣѣ. Уволили въ немилости только главнаго виновника религіознаго эдикта, Вельнера, старавша

гося распространить по всему краю придворный ригоризмъ строгимъ надзоромъ, стѣсненіемъ совѣсти и тяжкою духовною ценсурой. Но дѣйствія лицемѣрства и лелѣемой въ тоже время нравственной вялости уже обнаруживались въ народѣ. Трезвое, привыкшее къ труду и лишениямъ, энергическое поколѣніе стараго времени сошло теперь со сцены; легкомысліе и жажда удовольствій распространились въ городахъ и тѣмъ больше разслабляли духъ старой Пруссіи, чѣмъ меньше жило этого духа въ самихъ правительственныхъ лицахъ. Высокомѣрное и себялюбивое дворянство не столько старалось служить общему благу доблестью и патриотизмомъ, сколько извлекать выгоды изъ своихъ привилегій, льготъ и преимуществъ, и, не довольствуясь старыми, еще приумножать ихъ.

Отнятіе Эренбрейтштейна, котораго храбрый гарнизонъ былъ вынужденъ голодомъ сдаться Французамъ (24 янв. 1799) среди мира, зажгло новую кровавую войну, которая вскорѣ приняла неблагоприятный оборотъ для республики. Въ Германіи, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Остерахѣ и Штокахѣ (21 и 25 марта) и принужденъ отступить за Рейнъ. Это побудило французскихъ посланниковъ (Робержо, Боннье и Жана Дебри), которые до сихъ поръ руководили въ Раштаттѣ переговорами о мирѣ и возбудили противъ себя общую ненависть своею настойчивостью и высокомеріемъ, потребовать себѣ паспортовъ для отъѣзда. Но едва успѣли они, по наступленіи ночи (28 апрѣля), выѣхать изъ города, какъ на нихъ напали, въ противность всякому международному праву, подсланные для умерщвленія ихъ гусары изъ Секлеровъ; бумаги ихъ были ограблены и сами они до того избиты, что двое тотчасъ же умерли, а тяжело раненный Жанъ Дебри спасся только тѣмъ, что уползъ въ какой-то ровъ. Это кровавое злодѣйство, тайныя нити котораго сходились въ вѣнскомъ кабинетѣ и котораго общеизвѣстные виновники въ Австріи остались при своихъ званіяхъ и должностяхъ, вездѣ произвело ужасъ, а директорія воспользовалась этимъ впечатлѣніемъ, чтобы воспламенить французскій народъ къ мести. Еще хуже было въ Италіи. Между тѣмъ какъ величайшій полководецъ стоялъ съ 40,000 человекъ самаго опытнаго, отборнаго войска на жгучихъ пескахъ Египта, его италійскія учрежденія пали подъ ударами закаленныхъ въ бою русскихъ войскъ, предводимыхъ вѣнчаннымъ славой

Суворовымъ. Почти семидесятилѣтній ветеранъ, но еще съ пыломъ и энергіей юности, по формѣ гибкій какъ русскій царедворецъ, но по природѣ тугой, крутой и упрямый какъ никто, свѣдущій полководецъ, но при этомъ дикій, гениальный приверженецъ первобытной простоты, смѣлый до дерзости въ своихъ планахъ, но безпримѣрно стойкій и хладнокровный въ ихъ выполнении, Суворовъ имѣлъ такую власть надъ своими солдатами, какая дана была немногимъ полководцамъ. Подобно своему государю, сильный ненавистникъ революціи и полный нетерпѣливаго стремленія къ строгому возстановленію стараго порядка, онъ былъ мастеръ возбуждать чисто по-русски религіозный и національный фанатизмъ подчиненныхъ ему массъ и направлять его къ своимъ военнымъ цѣлямъ. Онъ могъ требовать необычайнаго отъ солдата, потому что каждый рядовой былъ убѣжденъ въ томъ, что побѣда неразлучна съ знаменемъ Суворова. Русскіе и предводимые Краемъ Австрійцы въ нѣсколько недѣль завоевали Цизальпинскую республику, побѣдивъ военнаго министра Шерера, при Маньяно, на югъ отъ Вероны (5 апрѣля 1799), вновь поступившаго на службу Моро при Кассано (27 апрѣля), и призваннаго изъ неаполитанскихъ областей Макдональда (17—19 июня) при рѣкѣ Треббиа, прославленной побѣдою Аннибала. Кровавое пораженіе Французовъ въ битвѣ при Нови (15 августа), гдѣ избранный недовѣрчивою директоріей въ соперники и противники Наполеону, молодой генералъ Жуберъ, погибъ геройскою смертью, довершило потерю Италіи. Цизальпинская республика распалась въ конецъ; всѣ, кто только былъ связанъ съ новымъ порядкомъ, бѣжали; все государство походило «на пловучіе обломки тронувшагося весною льда». Франція была въ дурномъ положеніи; но разладъ между союзниками предохранилъ ее отъ крайнихъ бѣдствій.

Реакція въ Неаполѣ. Пареннопейская республика быстро распалась, когда по выступленіи Французовъ, гнусный кардиналъ Руффо взялъ городъ съ шайками калабрійскихъ поселянъ и неистовыхъ ладзароновъ (13 іюня), обозначивъ свой путь трупами и пожарищами. Благородные республиканцы долго сопротивлялись какъ истые герои и наконецъ при иностранномъ посредничествѣ заключили

договоръ, предоставлявшій имъ безопасность и свободный выѣздъ. Но едва только королевская фамилія возвратилась изъ Сициліи при помощи Нельсона, какъ влѣдствіе правила, по которому никто не обязанъ держать данное мятежнику слово, начались кровавыя гоненія не только на виновниковъ республики, но и на всѣхъ образованныхъ и достаточныхъ людей. Абукирскій побѣдитель, опутанный прелестями старѣющей леди Гамильтонъ, запятналъ свое славное имя содѣйствіемъ мстительной королевы и ея приближеннымъ. Дѣла, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы французскаго террора, совершались теперь королевскимъ правительствомъ и разъяреннымъ духовенствомъ. Когда миновались грабежи и убійства ладзаронъ, началось дѣло уголовныхъ судовъ, палачей и тюремщиковъ. Всѣ участники, приверженцы и двигатели республиканскихъ учрежденій подпали кровавой мести. Болѣе 4,000 просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ лицъ обоого пола (Пагано, Чирилло, Элеонора Караффа, Фонсека и друг.) погибли или на плахѣ или въ ужаснѣйшей тюрьмѣ. Любовь къ отечеству, чувство свободы, восторженное уваженіе къ человѣческому достоинству, стремленіе вывести народъ изъ нравственнаго упадка и оупѣнія, считались достойными казни злодѣйствами; счастливъ былъ тотъ, кому удалось вырваться бѣглымъ нищимъ за границу! Престарѣлый князь Караччиоло, прежній повѣренный Фердинанда и другъ Нельсона, былъ привязанъ къ рею и потомъ, обремененный тяжестью, брошенъ въ море. Даже страшный урокъ, данный безчувственному королю самимъ Провидѣніемъ, поднявшимъ снова изъ глубины брошенный въ море трупъ, не подействовалъ на окаменѣлую душу Фердинанда. Когда онъ возвращался изъ Палермо и стоялъ на самомъ борту корабля, по водѣ несло мертвое тѣло; вотъ подплываетъ оно ближе, волна приподняла верхъ туловища, и король видитъ лице своего стараго друга съ мокрыми слѣдыми кудрями по вискамъ. Онъ громко вскричалъ: Караччиоло! и не могъ тутъ не высказать того же, что говоритъ леди Макбетъ у Шекспира. Но впечатлѣніе было непродолжительно; король остался такимъ же, какимъ былъ съ самыхъ пеленъ.—За паденіемъ Пареннопейской республики тотчасъ послѣдовало и паденіе Римской.

Швейцарія. Счастливыѣ были Французы въ Швейцаріи. Уже въ мартѣ удалось ихъ быстротѣ и энергіи завоевать рядъ блестящихъ успѣховъ, открыть себѣ доступъ въ западный Тироль и пріобрѣсть богатую добычу плѣнными и трофеями. Массена, храбрый, но суровый и алчный полково-

децъ, счастливо сражался противъ императорскаго фельдмаршала Гоца, природнаго Швейцарца, отличившагося въ русской и австрійской службѣ, и вытѣснилъ его изъ Граубюндтенской долины Рейна въ Тироль, между тѣмъ какъ Лекурбъ перешелъ черезъ снѣжный хребетъ Бернардинъ и завоевалъ Энгадинъ, а Дессоль вступилъ въ австрійскія владѣнія черезъ Вормсскую тѣснину. Когда Австрійцы соединили свои боевыя силы подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, и въ маѣ и въ юнѣ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, обыкновенно называемыхъ первымъ сраженіемъ при Цюрихѣ, напали на войско Массены и принудили его къ отступленію. Французы и тогда удержались при Четырехъ-Кантонскомъ озерѣ и въ долинѣ Рейсы до самаго Сень-Готтардскаго прохода. Опаснѣе стало положеніе Массены, когда Суворовъ получилъ приказаніе прервать свой побѣдоносный походъ въ Итали и соединиться съ Австрійцами и съ другою русскою арміею подъ начальствомъ Корсакова, въ Швейцаріи. Съ изумительной отвагой перешелъ Суворовъ чрезъ непроходимыя ледяныя громады Альпійскихъ горъ, чтобы вытѣснить Французовъ изъ позиціи ихъ при Цюрихѣ. Въ этомъ пути русскія войска боролись съ затрудненіями и опасностями, превосходившими даже страданія французской арміи въ Сиріи и Египтѣ. На Сень-Готтардѣ, у Чертова моста, была выдержана ими такая борьба противъ природы и непріятели, которая принадлежитъ къ отважнѣйшимъ военнымъ подвигамъ въ исторіи всего міра. На горныхъ проходахъ, до тѣхъ поръ доступныхъ только одиночному страннику, на высотахъ, по которымъ еще никогда не шагала армія, располагались теперь войска и давались битвы. Закаленные, привыкшіе къ труду и войнѣ русскіе солдаты съ нѣмой покорностью слѣдовали за своимъ энергическимъ, настойчивымъ вождемъ по ледникамъ и снѣжнымъ пространствамъ. Но, не смотря на всѣ свои невѣроятныя усилія, они все-таки не могли вытѣснить Французовъ изъ Швейцаріи. Еще до соединенія съ этимъ дружественнымъ войскомъ, раздорившіе между собою Австрійцы и Русскіе потерпѣли пораженіе отъ Французовъ во второй битвѣ при Цюрихѣ (26, 27 сентября 1799), а храбрый Гоць палъ въ одной перестрѣлкѣ. При взятіи города Цюриха, знаменитый проповѣд-

никъ Лафатеръ былъ смертельно раненъ однимъ французскимъ рядовымъ. Суворовъ, находившійся въ полномъ разладѣ съ цесарскимъ полководцемъ и вѣнскимъ кабинетомъ, послѣ втораго перехода черезъ снѣжныя высоты Граубюндтенскихъ Альповъ, въ декабрѣ привелъ остатокъ своей арміи обратно въ отечество, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя скончался, навлекши себѣ немилость императора Павла. (18 мая 1800).

Альпійскій походъ Суворова. «На русскія войска», рассказываетъ новѣйшій историкъ этихъ замѣчательныхъ событій (Гейсеръ), «вдругъ перешедшія изъ благословенныхъ областей Итали въ узкія тѣсины Альповъ, по пути къ снѣжной и ледяной мѣстности Сень-Готтарда, этотъ быстрый переходъ отъ привлекательнѣйшаго плодородія къ дикой, мрачной природѣ громаднхъ размѣровъ, не могъ не произвести того впечатлѣнія, какое невольно пробуждается въ челоѣкѣ всеѣмъ ужасающимъ и необычнымъ. Они почувствовали себя подавленными, встревожились духомъ и впервые поколебались въ своемъ довѣрїи къ побѣдоносному вождю. Дожло до взрывовъ непокорности, для подавленія которыхъ нужно было все присутствіе духа Суворова и его искусство обращаться съ солдатами. Есть преданіе, что онъ велѣлъ вырыть себѣ могилу на глазахъ солдатъ, не желая, какъ онъ говорилъ, пережить позоръ мятежнаго войска; за то ему и удалось возратить своимъ полкамъ прежнее довѣрїе. — Утромъ 25-го сентября, Суворовъ достигъ Урнерскаго ущелья; его воины рвались впередъ, сотни челоѣкѣ погибли въ открытой пропасти Чертова моста; казалось невозможнымъ отстоять переходъ даже противъ слабѣйшаго числа Французовъ, какъ вдругъ Русскіе отважились на самый смѣлый шагъ: подъ непріятельскимъ огнемъ, въ одиночку, спустились они по отвѣсному крутояру Рейсы, перешли въ бродъ эту дикую, бурную рѣку и, съ тяжкими усиліями взобравшись на другой берегъ, успѣли обойти Французовъ. Такимъ образомъ мостъ былъ завоеванъ и переходъ черезъ взорванную арку возстановленъ посредствомъ кое-какихъ досокъ и пней. 26-го сентября Суворовъ прибылъ въ Альторфъ, гдѣ Сень-Готтардская дорога упирается въ волны озера Четырехъ Кантоновъ и гдѣ не было не одного готоваго судна, для переѣзда на другой берегъ. Передъ нимъ высился громадный горный кражъ и, какъ колоссальный указатель судьбы, простиралъ свою обнаженную, каменную руку въ мрачный Шехенталь. Только по пастушьимъ и охотни-

чьимъ тропинкамъ этой узкой тѣснины и крутыхъ горныхъ переваловъ можно было достигнуть болѣе гостепріимныхъ мѣстностей; но даже и то было сомнительно, послѣ того какъ исходъ битвы, гремѣвшей въ то самое время при Цюрихскомъ озерѣ, предалъ въ руки непріятели эти Альпійскіе пути. И въ какомъ состояніи находилось войско! Шестъ дней сряду оно то взбиралось на горы, то спускалось съ кручи, должно было брать съ боя тропинки и мосты, переходить въ бродъ черезъ Рейсу, карабкаться на отвѣсные обрывы, постоянно довольствуясь самою скудною пищею, между тѣмъ какъ проливные дожди еще больше затрудняли каждый его шагъ. Путь арміи отъ Айроло до Альторфа обозначался непрерывною чередой вьючныхъ животныхъ и отсталыхъ людей, не могшихъ за нею слѣдовать.

Не давая войскамъ покоя и отдыха, непреклонный полководецъ 27 сентября проложилъ себѣ дорогу въ дикій Шехенталь, чтобы отсюда пробраться въ Муттенскую долину, черезъ отвѣсныя Кинцигкульмскія высоты. Въ тотъ же вечеръ передовые козацкіе отряды вступили въ Муттенъ и захватили въ плѣнъ двѣ французскія роты, которыя были высланы туда изъ Швица, отстоявшаго только на три часа пути; движеніе цѣлой арміи переползавшей какъ рой гусеницъ по пустыннымъ массамъ утесовъ, длился цѣлыхъ шестьдесятъ часовъ. 29 сентября, все войско, послѣ невыразимыхъ усилій, прибыло въ Муттенъ; всѣ страданія, какія только могутъ постигнуть истомленныхъ солдатъ, выпали ему на долю, многіе погибли отъ усталости или нашли себѣ могилу въ страшныхъ безднахъ. Узнавъ объ участи союзныхъ войскъ и увидѣвъ невозможность соединиться съ ними, Суворовъ рѣшился, хотя и не безъ внутренней борьбы, предпринять не менѣе трудное отступленіе черезъ Граубюндтенскія Альпы съ измученными уже солдатами, не имѣвшими ни обуви, ни сѣтчатыхъ припасовъ. — Только что выпавшій на два фута рыхлый снѣгъ. — рассказываетъ эрцгерцогъ Карлъ въ своихъ Запискахъ, — покрылъ тогда узкія тропинки, по которымъ надо было въ одиночку и съ величайшими усилиями карабкаться на каменныя массы горнаго хребта. Съ высоты, на сколько простиралось зрѣніе, Граубюндтенъ и Тироль представлялись громадною снѣжной пустыней: не видно было слѣдовъ ни человѣка, ни лошади; ни одинъ кустъ не сулилъ возможности развести хотя маленькій огонекъ; ни одна вершина утеса не выдавалась впередъ, чтобы служить путнику указателемъ или опорой. На противоположномъ склонѣ снѣгъ такъ ровно замерзъ и оледенѣлъ отъ холоднаго вѣтра, что только паденіе идущихъ впереди людей и лошадей могло предостеречь

заднихъ, чтобы они мѣняли одну опасную тропинку на другую столь же опасную. Такой переходъ, естественно, стоилъ большихъ жертвъ; больные и раненые и безъ того должны были оставаться назади. Между 8 и 10 октября, армія таки достигла долины верхняго Рейна, гдѣ обрѣла наконецъ столь желанный отдыхъ и покой.

Такъ заключился этотъ дивный Альпійскій походъ, который по отважнымъ подвигамъ и непоколебимости войскъ оставляетъ за собою все, что только могутъ представить знаменитѣйшіе горные походы древней и новой эпохи. Хотя убыль людей и матеріала въ эти три недѣли равнялась проигранному сраженію, однако нравственное впечатлѣніе подвига скорѣе походило на побѣду. «Если Суворовъ и его войско — говорить Клаузевицъ — озирали однимъ взглядомъ это шествіе по столь чудному для нихъ краю, о которомъ они даже послѣ могли имѣть лишь смутныя представленія и баснословныя воспоминанья, то походъ долженъ былъ казаться имъ стремительнымъ потокомъ, прорвавшимъ всѣ плотины, противопоставленныя ему непріятельскими силами при Сень-Готардѣ, Кришпальтѣ, Амштегѣ, Альторфѣ, а каждое изъ этихъ преодолѣній — настоящею побѣдой надъ врагомъ. Они поднялись на эти чудныя горы по такимъ тропинкамъ, на которыя никогда не ступало и, вѣроятно, никогда не ступитъ ни одно войско, и когда, послѣ крайнихъ напряженій, какъ преслѣдуемая охотникомъ добыча, они изнеможенные бросились на землю въ Муттенской долині, а непріятельской полководецъ самъ поспѣшилъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобы безопасно и безъ мужества одолѣть ихъ, они, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ, съ остервенѣніемъ ринулись на незваннаго гостя и опять прогнали его въ ужасѣ и смятеніи.»

Какъ Австрійцы въ Италіи и Швейцаріи помѣшали успѣхамъ русскаго оружія превратными мѣрами, завистью и алчностью, такъ и Англичане, когда неспособный герцогъ Йоркскій хотѣлъ заодно въ Русскими выгнать Французовъ (подъ начальствомъ Брюна) изъ Голландіи и возстановить тамъ наслѣдственнаго статгаудера, ясно доказали, что ими управляютъ только эгоизмъ и низкая корысть. Предавъ Русскихъ непріятелю, неспособный полководецъ позорною капитуляціей купилъ отступленіе себѣ и своимъ (18 окт. 1799). Этотъ неблагородный поступокъ дотога раздражилъ озабоченнаго гибелью столькихъ храбрыхъ, императора Павла противъ союзниковъ, что онъ отступился отъ нихъ въ неудовольствіи и

черезъ нѣсколько времени сблизился съ Бонапартомъ, котораго твердое военное правленіе, соединенное съ порядкомъ и повиновеніемъ внутри, вскорѣ возбудило къ себѣ его удивленіе.

§ 737. Бонапартъ въ Египтѣ и Сиріи. Между тѣмъ Наполеонъ велъ свое храброе войско изъ Александріи по египетской пустынѣ на Каиръ. Лишенія войска, подъ палящимъ солнцемъ, безъ воды и достаточнаго продовольствія, были ужасны. Въ битвѣ при пирамидахъ (21 іюля 1798), «съ высоты которыхъ сорокъ вѣковъ смотрѣли на французскихъ воиновъ», Мамелюки, повелѣвавшіе въ Египтѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, были побѣждены; послѣ этого Наполеонъ вступилъ въ Каиръ и (по взятіи французскаго флота при Абукирѣ Нельсономъ, 1 и 2 августа 1798, лишась надежды скорого возврата) учредилъ тамъ новое управленіе, полицію и податную систему по европейскому образцу, между тѣмъ какъ художники и ученые, находившіеся при его войскѣ, превосходно изслѣдовали и описали достопримѣчательности природы и искусства чудеснаго края. Но какъ ни щадили Бонапартъ и его солдаты религіозные обычаи могоммеданъ, какой ни оказывали наружный почетъ ихъ священнослужителямъ, мечетямъ и обрядамъ, фанатизмъ все-таки разгорѣлся въ груди мослемовъ и внушилъ имъ величайшую ненависть къ господству христіанъ. Теперь, когда вслѣдствіе вновь введенной европейской финансовой системы, на Египтянъ были наложены подати и военные поборы, и Порта, не поддаваясь увѣреніямъ Наполеона въ дружбѣ и преданности, вызвала египетскихъ и сирійскихъ мусульманъ на борьбу съ невѣрными, въ Каирѣ произошелъ страшный мятежъ (21 окт.), который только съ трудомъ былъ подавленъ превосходствомъ европейскаго военнаго искусства, при чемъ избито до 6,000 могоммеданъ. Наполеонъ воспользовался побѣдой для новыхъ вымогательствъ и потомъ двинулся въ Сирію (1799), чтобы удержать высланныя Портой войска отъ вторженія въ Египетъ. Послѣ побѣды надъ Мамелюками при Эль-Аришѣ, Бонапартъ завоевалъ (20 февр.) Яффу (гдѣ онъ велѣлъ разстрѣлять, какъ клятвopеступниковъ, до 2,000 Арнаутовъ,

которые прежде были взяты въ плѣнъ и отпущены съ условіемъ не служить врагамъ Франціи, а теперь опять попались въ руки Французовъ) и приступилъ потомъ къ осадѣ Сень-Жанъ д'Акра (Аккона, 20 марта). Здѣсь счастье Наполеона испытало первый ударъ. Турки, вдоволь снабженные осадною артиллеріей, благодаря англійскому коммодору Сидни Смиту, успѣшно отбили всѣ приступы Французовъ, оказавшихъ при этомъ чудеса храбрости, и положили на мѣстѣ многихъ доблестныхъ воиновъ. Въ то же время турецкая армія угрожала Европейцамъ внутри края. Хотя она была побѣждена и разбѣяна при Назаретѣ генераломъ Жюно, а при Фаворѣ Клеберомъ, Бонапартъ тѣмъ не менѣе былъ вынужденъ снять осаду съ Сень-Жанъ д'Акра и предпринять отступленіе. Тогда въ войскѣ его начала свирѣпствовать чума. Всѣ лошади были навьючены больными; солдаты терпѣли крайнюю нужду; опасности и военныя страданія были ужасны; Наполеонъ раздѣлялъ всѣ невзгоды съ послѣднимъ солдатомъ своей арміи; говорятъ, онъ даже посетилъ госпиталь, наполненный чумными. Въ іюнѣ онъ возвратился въ Каиръ, а въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (25 іюля) разбилъ при Абукирѣ втрое сильнѣйшее турецкое войско, и этою побѣдой, принадлежащей къ числу славнѣйшихъ военныхъ дѣлъ его, снова поднялъ упавшій духъ солдатъ. Вскорѣ онъ узналъ изъ нѣкоторыхъ журналовъ, доставленныхъ ему изъ злорадства Сидни Смитомъ, о несчастіяхъ Французовъ въ Италіи, и это такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ тотчасъ же рѣшился возвратиться во Францію. Втайнѣ готовился онъ съ величайшею поспѣшностью къ отъѣзду. Сдавъ главное начальство надъ египетской арміей Клеберу (которому были подчинены: всѣми уважаемый Дезе, снискавшій себѣ даже у туземцевъ въ качествѣ командующаго въ Верхнемъ Египтѣ, прозвание справедливаго султана, странный, обратившійся къ исламу Мену и мн. др.), Наполеонъ отправился изъ Александрійской гавани съ 500 спутниковъ (въ томъ числѣ съ Мюратомъ, Мармономъ, Дюрокомъ, Бертье, Ланномъ, своимъ секретаремъ Буріанномъ, учеными Монжемъ, Бертолè и др.) на двухъ фрегатахъ и нѣсколькихъ мелкихъ судахъ (24 авг. 1799) и, руководясь своей счастливою звѣ-

здою, неузнанный Англичанами достигъ французскихъ береговъ, гдѣ высадился во Фрежюсъ (9 окт.) при восторженныхъ кликахъ обрадованнаго народа.

§ 738. Осьмнадцатое брюмера. Правительство директоріи утратило всякое уваженіе и состоятельность. Исполнительные директоры, между которыми Сіёсъ замѣнилъ республиканца Рёбеля, были въ разладѣ съ пятисотеннымъ законодательнымъ совѣтомъ (іюнь). Военныя неудачи, законы о налогахъ, ограниченіе свободной печати запрещеніемъ журналовъ и пр., давали поводъ оппозиціи, во главѣ которой стоялъ Наполеоновъ братъ Люціанъ Бонапартъ, къ нападкамъ на правительство. Совершенное переворотомъ 30 преріала (18 іюня) насильственное исключеніе дѣятельнаго Ларевейльера Лепё и двоихъ его товарищей, и замѣна ихъ тремя вполне ничтожными людьми, усилили всеобщее неудовольствіе. Въ провинціяхъ волновались роялисты; въ Парижѣ якобинцы собирались въ Манежѣ и возобновили подъ другими формами свой старый клубъ. Къ нимъ примкнули генералы Ожеро, Бернадотъ и Журданъ (последній, будучи членомъ пятисотеннаго собранія, оказалъ французскому военному дѣлу большую услугу введеніемъ закона о конскрипціи, который впоследствии перешелъ въ Германію и другія государства). Неудачи въ Италіи приписывали отсутствію Бонапарта, котораго директорія будто бы «сослала» изъ зависти. Существующее правительство нигдѣ не имѣло друзей, и все были убѣждены въ необходимости государственнаго переустройства, когда вѣсть о прибытіи Наполеона поглотила общее вниманіе. Опасное дѣло, предпринятое и исполненное съ какимъ-то языческимъ фатализмомъ и съ древне-римскою самоувѣренностью, еще возвысило удивленіе народа къ новому Цезарю. — Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, Бонапартъ вознамѣрился вмѣстѣ съ Сіёсомъ и своимъ братомъ Люціаномъ, выбраннымъ въ предсѣдателя пятисотеннаго совѣта, низвергнуть правительство директоріи. Для этой цѣли онъ расположилъ въ свою пользу находившихся въ Парижѣ солдатъ и офицеровъ, и потомъ при посредствѣ Люціана перевелъ засѣданія пятисотеннаго совѣта въ Сентъ-Клу, дабы члены его были въ рукахъ войска. Тамъ онъ сначала пытался убѣжденіемъ склонить депутатовъ въ пользу своихъ плановъ; когда же это не удалось ему, и пятисотенное собраніе осыпало его упреками и угрозами, онъ далъ своимъ гренадерамъ приказъ — штыками очистить залу засѣданій. Республиканцы, храбро противопоставившіе опасности, подъ-конецъ должны были уступить силѣ и спастись

кто въ двери, кто въ окна; упорѣйшіе были вынесены гренадерами на рукахъ. Исключеніе 61 члена изъ пятисотеннаго совѣта, учрежденіе консульскаго правительства, составленнаго изъ Сіёса, Рожё-Дюко и Бонапарта, и назначеніе комиссіи изъ 50 человекъ, которые должны были во время закрытія собраній совѣта заниматься законодательствомъ и изготвить проектъ новой конституціи и уложенія законовъ (кодекса), — завершили смѣлый, насильственный переворотъ 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября). Изданный черезъ два дня декретъ, по которому 37 самыхъ рѣзкихъ якобинцевъ должны были подвергнуться дальней ссылкѣ, а 22—ссылкѣ на западные берега, вскорѣ потомъ былъ отмѣненъ.

В. ВЛАСТИТЕЛЬСТВО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

І. Консульство (1800—1804).

§ 739. Консульская конституція. Новая, задуманная преимущественно Сіёсомъ, но измѣненная Бонапартомъ (четвертая) конституція, которая была принята всею націей посредствомъ поголовной подачи голосовъ, удержала только видъ республики, а въ сущности создала военную монархію, облекши перваго консула такою властью, что онъ на дѣлѣ ничѣмъ не отличался отъ государя. Главныя постановленія новой конституціи, вступившей въ дѣйствіе съ начала новаго столѣтія, были слѣдующія: І. состоящему изъ 80 членовъ (бюстительному) сенату предоставлено было избирать членовъ законодательной власти, высшихъ чиновниковъ и судей, по присланнымъ изъ департаментовъ именнымъ спискамъ. (Въ число щедро вознагражденныхъ и мало занятыхъ дѣломъ сенаторовъ включены были Сіёсъ и Рожё-Дюко). ІІ. Лишенная права почина, законодательная власть распалась а) на трибунатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, которому было присвоено разсмотрѣніе и обсужденіе предложеній правительства, и б) на законодательный корпусъ (corps législatif) изъ 300 членовъ, которые

могли только безусловно принимать или отвергать эти предложенія; пятая часть членовъ обоихъ собраній ежегодно должна была смѣняться новыми. III. Правительство составлено было изъ трехъ, выбранныхъ на 10 лѣтъ консуловъ, изъ коихъ первый, Бонапартъ, имѣлъ право непосредственно или черезъ Сенатъ замѣщать всѣ должности, одинъ рѣшать вопросъ о мирѣ и войнѣ, и учредить при себѣ государственный совѣтъ, между тѣмъ какъ два другіе консула (Камбасересъ и Лебрёнъ) были его ближайшими совѣтниками. Въ члены государственнаго совѣта и министерства Бонапартъ избралъ даровитѣйшихъ и опытнѣйшихъ людей, соединявшихъ съ образованностью стараго времени дѣятельность и дѣловую ловкость времени революціи. Умный дипломатъ Таллейранъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; Годенъ (впоследствии герцогъ Гаэтскій) — министромъ финансовъ; лукавый Фуше завѣдывалъ полиціей; Карно былъ нѣкоторое время военнымъ министромъ, когда Бертье, въ званіи начальника генеральнаго штаба, принялъ главную команду надъ италійскою арміею, такъ какъ по новой конституціи самъ Бонапартъ не могъ выѣзжать за предѣлы Франціи. Трудолюбивый Марё (герцогъ Бассано) былъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ. Французское уложеніе (Code Napoléon), въ составленіи котораго участвовали замѣчательный какъ юристъ, но презрѣнный, за тщеславіе и распутство, какъ человекъ, второй консулъ Камбасересъ, а также Мерленъ, Лебрёнъ, Рёдереръ и др., доказываетъ всю прозорливость тогдашняго государственнаго совѣта. Назначеніе префектовъ въ департаментахъ, и подпрефектовъ въ округахъ, поставило цѣлый край въ полную зависимость отъ правительства, и положило основаніе, столь роковой для французскаго государства, централизаціи¹.

А) Внѣшнія дѣла.

§ 740. Битвы при Маренго и Гогенлинденѣ. По учрежденіи новаго государственнаго устройства, Бонапартъ собственноручно написалъ къ королю Англійскому полное громкихъ фразъ письмо, въ которомъ предлагалъ ему заклю-

¹ Эпитетъ роковой върѣе было бы замѣнить словомъ характеристической, потому что централизація выработана тысячелѣтнею исторіею Франціи и не можетъ не имѣть своихъ положительныхъ основаній въ характерѣ народа и въ цѣломъ ходѣ его развитія.

ченіе мира; онъ написалъ также и къ Нѣмецк. императору. Но этотъ необыкновенный шагъ встрѣтилъ себѣ мало сочувствія; холодный дипломатическій отвѣтъ гласилъ о возстановленіи Бурбоновъ и возвращеніи къ прежнимъ границамъ (что, разумѣется, было невозможно). Контрастъ между видимою теплотой, искренностью и великодушіемъ Наполеона, и отталкивающею холодною кабинетовъ лондонскаго и вѣнскаго породило у пылкихъ Французовъ цѣлую бурю воодушевленія и воинственности. Со всѣхъ сторонъ стекались къ консулу храбрые воины, изъ которыхъ онъ образовалъ готовое въ дѣло войско, собранное имъ близъ Женевскаго озера (1800), между тѣмъ какъ расположенная въ Дижонѣ, такъ-называемая резервная армія подъ начальствомъ Бертье, отводила глаза всему свѣту и возбуждала насмѣшки Англичанъ. Счастливецъ былъ Наполеонъ въ своей попыткѣ склонить на свою сторону Русскаго императора. Умно пользуясь его любовью къ солдатамъ и неудовольствіемъ на себялюбивыхъ союзниковъ, которые не хотѣли вымѣнять плѣнныхъ Русскихъ (§ 736), Наполеонъ отпустилъ, безъ выкупа, нѣсколько тысячъ этихъ плѣнныхъ, заново одѣвъ и вооруживъ ихъ, подъ начальствомъ ихъ собственныхъ офицеровъ, черезъ Францію и Германію въ Россію, и тѣмъ до того расположилъ къ себѣ императора, что Павелъ I вступилъ въ письменныя сношенія съ нимъ и сталъ благопріятствовать его замысламъ противъ Австріи и Англій. По окончаніи вооруженій, Бонапартъ поспѣшилъ въ Женеву (гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ Некеромъ, въ маѣ 1800), и потомъ съ главною арміею предпринялъ отважный и грандіозный переходъ черезъ снѣга и льды Большаго Сенъ-Бернарда (16—20 мая), между тѣмъ какъ остальные части арміи шли въ Италію черезъ Симплонъ, Сенъ-Готардъ и другіе пути. Это смѣлое предпріятіе со всѣми его трудностями и опасностями напоминало собою героическія времена Ганнибала. Войско спустилось, мимо Пріюта, лежащаго среди снѣжныхъ и ледяныхъ горъ, въ долину рѣки Дора Бальтеа, гдѣ занятый Австріяцами фортъ Бардъ, повидимому, готовилъ ему непреодолимые трудности. Но геній Наполеона нашелся и здѣсь. По пастушьей тропинкѣ перешли войска черезъ ближнюю вершину, между тѣмъ какъ артиллерія втайнѣ была провезена ночью,

ловко и осторожно, подъ батареями крѣпости. Такимъ образомъ Французы явились совершенно неожиданно въ верхней Италіи въ ту самую минуту, когда послѣднее владѣніе ихъ Генуа, послѣ ужаснѣйшаго голода, сгубившаго болѣе 15,000 человекъ, была наконецъ сдана Австрійцамъ храбрыми, но бездушными полководцами Массеною и Сультомъ (4 іюня), и когда, поэтому, Австрійцы снова овладѣли всею тою страной. Но положеніе дѣлъ вскорѣ измѣнилось. Черезъ пять дней послѣ паденія Генуи Австрійцы потерпѣли пораженіе (9 іюня) при Монтебелло (благодаря отвагѣ Ланна), а вслѣдъ за тѣмъ произошла рѣшительная битва при Маренго (14 іюня). Австрійцы, подъ начальствомъ Меласа, дважды удерживали за собою поле битвы и принуждали Французовъ къ отступленію; фельдмаршалъ былъ до того увѣренъ въ побѣдѣ, что уже отправилъ гонцовъ въ Вѣну съ радостнымъ извѣстіемъ; но когда престарѣлый и болѣзненный полководецъ предался, по обычаю, кратковременному отдыху для подкрѣпленія своихъ слабыхъ силъ, Наполеонъ, притянувъ къ себѣ генерала Дезе, за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившагося изъ Египта, съ помощью его войска въ третій разъ возобновилъ сраженіе и наконецъ побѣдилъ, благодаря преимущественно ловкому вмѣшательству молодого Келлермана, который по собственному побужденію повелъ кавалерійскую атаку во флангъ непріятели и полонилъ генерала Цаха. Паническій страхъ овладѣлъ Австрійцами и они обратились въ бѣгство. Пораженіе было полное. Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ спасти остатокъ своего войска Александрійскимъ перемиріемъ (15 іюня), вторично пожертвовавъ всею Ломбардіей. Счастіе было на сторонѣ смѣлаго и рѣшительнаго. Дезе, одинъ изъ благороднѣйшихъ и величайшихъ людей революціонной эпохи, умеръ геройскою смертію подъ Маренго; ему и начальнику конницы Келлерманну собственно принадлежала честь этого дня. Въ то же время другая армія, подъ предводительствомъ Морё, Лекурба и др., вторглась въ Швабію и Баварію, отразила Австрійцевъ при Штокахъ (3 мая), Мёскирхъ и на знаменитомъ боевомъ полѣ (§ 632) Гёхштедта и Блендгейма (19 іюня), и принудила ихъ къ заключенію Парсдорфскаго перемирія (15 іюля), которое

точно такъ же предало Французамъ южную Германію, какъ Александрійскій договоръ — Италію. (Въ этомъ походѣ палъ храбрый Латуръ д'Овернь, «первый гренадеръ Франціи», въ кровавой стычкѣ съ однимъ австрійскимъ отрядомъ.) Но какъ вѣнскій кабинетъ еще колебался заключить миръ помимо Англии, то война вскорѣ возобновилась. Славный переходъ Макдональда и Монсея чрезъ покрытые вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ Граубюндтенскія Альпы и блестящая побѣда Морё въ кровавой битвѣ при Гогенлинденѣ (3 декабря), открывшей Французамъ путь на Вѣну, заставила Австрійцевъ заключить миръ въ Люневиль (9 февраля 1801) на состоявшихся въ Кампо-Форміо условіяхъ и признать рѣки Эчъ и Рейнъ границами французскаго государства. Образование Италійской республики подъ президентствомъ Бонапарта и условіе, что потерпѣвшіе ущербъ нѣмецкіе князья и имперскіе чины должны быть вознаграждены на правой сторонѣ Рейна секуляризованными церковными имуществами и упраздненными имперскими городами были важнѣйшія статьи Люневильскаго мира. Ближайшее исполненіе отдѣльныхъ постановленій касательно Германіи совершилось посредствомъ такъ-называемаго общаго опредѣленія имперской депутаціи¹, составляющаго дополнительный актъ Люневильскаго мира.

Люневильскій миръ. Цизальпинская республика была обращена въ Италійскую, представители которой, призванные въ Люнь и хитро-руководимые Таллейраномъ, выбрали Бонапарта президентомъ и совершенно предоставили ему правительственную власть. Власть законодательная была присвоена избранному изъ разныхъ сословій совѣту и его коммиссіямъ (государственной консультѣ). Содержаніе большаго войска къ услугамъ Франціи было тяжкимъ бременемъ для новой державы, за которое, впрочемъ, отчасти вознаграждали умѣренная свобода книгопечатанья и участіе въ публичной государственной жизни. Итальянцы, мечтавшіе о древне рим-

¹ Такъ называлась избиравшаяся императоромъ и имперскими чинами коммиссія, которой поручали исполненіе какого-нибудь особеннаго дѣла. Имперская депутація 1803 года была послѣднею въ Германіи; составленный ею актъ называется: Reichsdeputationshauptschluss.

ской свободѣ и республикѣ, вскорѣ стали пресмыкаться въ прахъ передъ новымъ властелиномъ, который въ Миланѣ въ первый разъ снова побывалъ у обѣдни: то было преддверіемъ къ заключенію конкордата. — Герцогъ Моденскій, родственникъ австрійско-императорскому дому, получилъ въ придачу къ своимъ владѣніямъ въ Брейсгау, еще Ортеннау и епископства Бриксенъ и Триентъ со всеміихъ маестностями, доходами, правами и преимуществами. — Тоскана была преобразована въ Этрурское королевство и передана одному изъ испанскихъ Бурбоновъ, Пармскому герцогу Людовику I, которому черезъ два года наследовалъ малолѣтный сынъ Карлъ Людовикъ подъ опекой своей матери Маріи Луизы Испанской; это печальное, полное несчастій правленіе продолжалось до 3 ноября 1807 г. — Австрійскій великій герцогъ Тосканы получилъ архіепископство Зальцбургъ и пробство Берхтесгаденъ, часть Пассаускаго соборнаго капитула и Эйхштедтскаго епископства, съ курфюршерскимъ званіемъ, — вознагражденія, которыя отнюдь не могли сравниться съ тѣмъ, что предоставлено было германскимъ князьямъ. 27-го марта 1799 выѣхалъ Фердинандъ III изъ своей прекрасной столицы. Хотя французскій гарнизонъ и былъ сначала временно вытѣсненъ австрійскимъ, однако теперь снова вступили Французы. При такихъ превратностяхъ, цѣлый край былъ открытъ всемъ беспорядкамъ буйныхъ гарнизоновъ, всемъ грабительствамъ, всемъ ужасамъ вражды партій.

Опредѣленіе имперской депутаціи. Нѣмецкіе имперскіе чины, лишившіеся земель и правъ, вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна Франціи, или снискавшіе себѣ благосклонность Наполеона своевременнымъ присоединеніемъ къ могучему сосѣду, получили въ силу «рѣшенія имперской депутаціи» (28 февр. 1803) богатое вознагражденіе на правомъ берегу Рейна въ видѣ секуляризованныхъ епископствъ и капитуловъ, а также въ упраздненныхъ имперскихъ городахъ. То было вознагражденіе необыкновеннаго рода, возможное только при тогдашнихъ обстоятельствахъ Германіи. Династіи были вознаграждены, а имперія оставалась въ убыткѣ; князья получили столько же или еще больше, чѣмъ утратили, а нація въ своей совокупности понесла такой ущербъ, который угрожалъ ей политической независимости. При этомъ способъ развертки и секуляризаціи, Германія лишилась 1150 кв. миль пространства и почти трехъ съ половиною милліоновъ жителей. А сколько подлости, низкопоклонства и подкуповъ обнаружилось при этомъ! Въ Парижѣ открылась торговля нѣмецкими епископствами, аббатствами,

вольными имперскими городами, причемъ свѣтлѣйшіе искатели являлись съ золотомъ передъ первымъ консуломъ, его посланниками и повѣренными въ дѣлахъ, и наперерывъ пресмыкались передъ любовницей Таллейрана, секретаремъ его Матьё и посланникомъ Лафорё въ Регенсбургѣ. Кто больше дарилъ или умѣлъ искуснѣе другихъ льстить и прохвливаться, тотъ и получалъ больше. По поводу этихъ дѣлъ Бонапартъ впервые короче узналъ Германію; степень его уваженія къ націи возникла изъ того впечатлѣнія, какое произвели на него тогда ея правители. Искусно умѣлъ французскій властелинъ рознить государей и государствъ и склонять ихъ поочередно къ отдѣльнымъ договорамъ съ Франціей. Слѣдствіемъ было то, что Пруссія и Баварія вступили во владѣніе обезпеченными имъ Франціей и одобренными Россіей земельными вознагражденіями, даже прежде чѣмъ имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ изъяснилъ на нихъ свое согласіе и утвердилъ состоявшіяся перемѣны «опредѣленіемъ имперской депутаціи».

Пруссія получила епископства Гильдесгеймъ и Падерборнъ, большую часть имуществъ Мюнстерскаго соборнаго капитула вмѣстѣ съ этимъ городомъ, многія аббатства и имперскіе города (Мюльгаузенъ, Нордгаузенъ, Госларъ), майнцскія владѣнія въ Тюрингенѣ (Эрфуртъ) и Эйхсфельдъ. Баварія, — гдѣ новый курфюрстъ Максимилианъ Гософъ Пфальцъ-Цвейбрюккенскій (съ февраля. 1799), частію изъ разсчитливой политики, частію подкупленный англійскими субсидіями, сначала принималъ дѣятельное участіе въ союзѣ противъ Франціи и тѣмъ защитилъ независимость своей угрожаемой земли отъ австрійскихъ завоевательныхъ покушеній. — Баварія получила въ награду за союзъ, заключенный съ Франціей 27-го августа 1801, и въ вознагражденіе за большія потери по обѣ стороны Рейна, духовныя княжества Вюрцбургъ, Бамбергъ, Аугсбургъ, епископство Фрейзингъ и часть имущества Пассаускаго соборнаго капитула, нѣсколько аббатствъ и имперскихъ городовъ (Швейнфуртъ, Кемптенъ, Меммингенъ, Кауфбейернъ, Нёрдлингенъ, Ротенбургъ, Виндсгеймъ и пр.). Возведенный въ курфюрсты маркграфъ Фридрихъ Баденскій получилъ упразднившіеся за смертью курфюрста Карла Теодора († 1799) пфальцскіе округа Бретенъ, Гейдельбергъ и Ладенбургъ съ городомъ Маннгеймомъ; далѣе — лежація по сю сторону Рейна владѣнія секуляризованныхъ епископствъ: Констанцскаго, Базельскаго, Страсбургскаго и Шпейерскаго, маестность Ларъ, многіе имперскіе города (Фуллендорфъ, Уберлингенъ, Оффенбургъ, Целль, Генгенбахъ

и др.) и многие монастыри и капитулы (Салемъ, Лихтенталь, Аллерхейлигенъ, Эттенгейммюстеръ и др.). Баденъ былъ вознагражденъ всѣхъ богаче, не столько, какъ увѣрялъ Бонапартъ, «за правительственныя доблести маркграфа Карла Фридриха, уже давно снискавши ему уваженіе Европы», сколько потому, что тутъ совпадали желанія императора Александра I въ пользу родственнаго ему дома съ собственнымъ интересомъ Франціи—имѣть дружественнаго сосѣда. Самовластный, но умный герцогъ Фридрихъ Вюртембергскій получилъ за свою утрату во Франціи (Мёмпельгардъ и пр.) бездну секуляризованныхъ аббатствъ и монастырей, и многие значительныя имперскія города (Рейтлингенъ, Галль, Гмюндъ, Роттвейль, Гейльброннъ, Эслингенъ, Гингенъ и др.). Такимъ же образомъ были вознаграждены и расширены: Гессенъ-Кассель (Фриляромъ, Амёнебургомъ, Гельнгаузеномъ и др.), Гессенъ-Дармштадтъ (майнцикими округами Гервегеймомъ, Бенсгеймомъ, Лоршемъ, Геппенгеймомъ и др., съ остаткомъ вормесскаго епископства, нѣкоторыми пфальцскими округами—Линденфельсомъ и др., — многими духовными учрежденіями—Гиршгорномъ, Зелигенштадтомъ и др.—и имперскимъ городомъ Фридбергомъ); Нассау (многими майнцикими и пфальцскими участками въ Рейнгау—напр. Гёхстомъ, Рюдесгеймомъ, Оберланштейномъ, Гохгеймомъ на Майнѣ, Бадъ-Соденомъ, многими капитулами и аббатствами, напр. Лимбургомъ и пр. По пресѣченіи Нассау-Узингенской линіи въ 1816 году, эти пріобрѣтенія перешли къ нынѣ-царствующей Вейльбургской линіи); Ганноверъ (епископствомъ Оснабрюкскимъ); нѣкоторые, впоследствии медиатизованные князья, какъ напр. князья Лейнингенъ (аббатствами Аморбахъ и Герлахгеймъ, и нѣкоторыми майнцикими и вюрцбургскими округами, напр. Мильтенбергомъ, Бухеномъ, Боксбергомъ, Таубербишофсгайномъ и др.) Бреценгеймъ (получившіе Линдау); Изенбургъ, Гогенлоэ, Лёвенштейнъ и многие имперскія графы. Вильгельмъ Оранскій, сынъ бѣжавшаго наследственнаго статгаудера Голландіи (§ 727) получилъ Фульду и Корвей. Нѣмецкіе рыцари и Иоаннитскій орденъ тоже получили вознагражденія, послѣдній преимущественно во Шварцвальдѣ и въ Брейсгау. Напротивъ, оба духовныя курфюршества, Кёльнское и Трирское, и множество епископствъ были окончательно упразднены, архіепископство Майнцское ограничено немногими участками (Ашаффенбургомъ, Вецларомъ), а большое число имперскихъ городовъ сокращено до шести (Гамбургъ, Бременъ,

Любекъ, Франкфуртъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ). Высшій духовный санъ получилъ князь Карлъ Дальбергъ, какъ курфюрстъ-архикапцлеръ и князь-примасъ имперіи. Кромѣ остатка майнцакаго курфюршества, онъ владѣлъ еще епископствомъ регенсбургскимъ. Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Кассель возведены были на степень курфюршества. Съ этими переменами необходимо связывалось переустройство совѣта имперскихъ князей и новое распредѣленіе голосовъ на сеймѣ. Такимъ образомъ Люневильскій миръ подѣлалъ въ самомъ корнѣ Нѣмецкую имперію и положилъ основаніе новому государственному порядку, получившему въ слѣдующіе гола свое дальнѣйшее необходимое развитіе. «Новая система будущихъ правительствъ Рейнскаго союза», говоритъ Гейсеръ, «уничтожила вмѣстѣ съ старою неурядицей и нѣкоторые зародыши добра; она вездѣ хотѣла уравнивать, единообразить, и потому табу же враждебно относилась ко всему напоминавшему личную, общинную или корпоративную свободу, какъ и къ негоднымъ плеведамъ феодальной анархіи; но всѣ эти темныя стороны отошли на задній планъ предъ тѣми благами правлаго и живаго порядка, которыя дотолѣ были вовсе неизвѣстны во многихъ областяхъ Германіи. На мѣсто прежней неурядицы явилась нѣкотораго рода правомѣрность и равенство передъ закономъ, введено лучшее отправленіе юстиціи, отмѣнены наследственность и покупка должностей, данъ новый толчекъ промышленности и торговлѣ, пришедшимъ въ совершенный упадокъ, во многомъ облегчено положеніе крестьянъ, устранены вредныя избытки монашеской и духовной праздности, и общественное благо двинуто впередъ дѣятельнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда либо помышляли о томъ въ совѣтѣмъ прогнившихъ мелкихъ владѣнницахъ стараго покроя. И здѣсь, какъ при всѣхъ вообще революціяхъ, поступали во многихъ случаяхъ насильственно и грубо; искусственное уравниваніе, пошлое рвеніе къ одной внѣшней пользѣ, страсть рѣшать все за письменнымъ столомъ, неприязнь ко всему историческому и основанному на преданіи, даже вандализмъ въ отношеніи къ художественнымъ символамъ и памятникамъ старины, — все это довольно ярко обнаружилось теперь, какъ потомъ въ эпоху Рейнскаго союза. Однако же распаденіе стараго было неизбѣжно и даже этотъ насильственный переходный періодъ сокрушилъ множество тяжкихъ путъ и сталъ пробуждать обильныя жизненныя зародыши, дотолѣ славленные жалкой мелочностью миниатюрныхъ державъ и слишкомъ тѣснаго городского быта.»

Между тѣмъ въ Россіи произошло важное событіе. Отношенія импера-

тора Павла къ Австріи и Англии сдѣлались на столько же непріязненны, на сколько стала дружественнѣе и тѣснѣе связь его съ Бонапартомъ (§ 740). Онъ возвратился къ плану своей матери (§ 677) — посредствомъ вооруженнаго нейтралитета, въ союзѣ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей, сломить британское господство на моряхъ и старался заодно съ первымъ консуломъ Франціи устроить итальянскія дѣла противно выгодамъ и цѣлямъ Австрійскаго кабинета. Но императоръ Павелъ внезапно кончилъ жизнь 11 марта 1801 года, и на престолъ вступилъ сынъ его Александръ I. Примиреніе съ Англіей и распаденіе вооруженнаго нейтралитета было ближайшимъ слѣдствіемъ этой перемѣны царствованія во внѣшней политикѣ; однако добрыя отношенія съ Франціей были сохранены и даже скрѣплены формальнымъ мирнымъ трактатомъ (8 окт. 1801). Съ тѣхъ поръ и нѣмецкія дѣла рѣшались отчасти подъ русскимъ вліаніемъ.

§ 741. Аміэнскій миръ. Послѣ того какъ Испанія и Португалія также заключили миръ съ Франціей, изъ всѣхъ членовъ большой коалиціи, одна Англія продолжала еще войну. Этотъ энергическій, обороняемый моремъ край съ своимъ свободнымъ государственнымъ устройствомъ и неисчерпаемыми богатствами столько же увеличилъ войною свое могущество на морѣ и въ колоніяхъ, сколько Франція разрослась въ то же время на материкѣ. Но и въ Англии народъ желалъ успокоенія и отдыха, особенно съ тѣхъ поръ какъ императоръ Павелъ, въ неудовольствіи на себялюбивыхъ и высокомерныхъ островитянъ, возобновилъ союзъ вооруженнаго нейтралитета съ Пруссіей, Швеціей и Даніей (§ 740, 16 дек. 1800), чѣмъ вовлекъ Англию въ войну съ Датчанами и принудилъ ее содержать военный флотъ въ Зундѣ, а вооруженіе многочисленныхъ французскихъ кораблей заставляло опасаться вторичной высадки непріятеля на берегъ угнетенной Ирландіи. Завязались переговоры, которые однако долго оставались безъ всякихъ послѣдствій, потому что обѣ стороны не могли согласиться между собой на счетъ Египта; и только тогда, когда Англичане убѣдились, что ни британская, на вербованная изъ разныхъ племенъ армія, ни безпомощныя турецкія войска, не въ состояніи одолѣть опытныхъ въ войнѣ Французовъ въ принильскомъ краѣ, только тогда рѣшился англійскій кабинетъ на сдѣлку относительно Египта, и потомъ, послѣ смѣны ми-

нистерства, на заключеніе невыгоднаго Аміэнскаго мира (27 марта 1802), въ которомъ было выговорено возвращеніе прежнимъ владѣльцамъ большей части внѣшнихъ завоеваній.

Египетъ. По отбытіи Бонапарта, недовольный Клеберъ заключилъ съ англійскимъ коммодоромъ Сидни Смитомъ и Турками договоръ о свободномъ выходѣ изъ того края. Но когда англійское правительство не утвердило этого договора, а настаивало на томъ, чтобы французскія войска сдались военноплѣнными, тогда Клеберъ съ негодованіемъ прервалъ всѣ переговоры, побѣдилъ Турковъ въ сраженіи при Геліополѣ (20 марта 1800), имѣя въ шестеро меньше войска, и опять завоевалъ отнятую у него между тѣмъ Мамелюками столицу Каиръ, среди кровавыхъ битвъ и жестокаго разоренія. Но въ день битвы при Маренго (14 іюня) онъ погибъ въ саду своего дворца подъ ножомъ одного фанатическаго могаммеданина. При отсутствіи подвозовъ и помощи изъ Франціи, преемникъ Клебера, неспособный Мену, могъ лишь съ величайшимъ трудомъ устоять противъ англійскихъ войскъ подъ начальствомъ храбраго генерала Аберкромби, какъ ни мужественно бились французскіе солдаты и ихъ опытные вожди (особенно Ренье и Бельяръ). И только тогда, когда побѣдоносный Аберкромби умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ дѣлѣ при Канопѣ (21 марта 1801), состоялся наконецъ договоръ, по которому французскія войска (24,000 человекъ), съ оружіемъ, военными запасами и со всѣми сокровищами науки и искусства, были отвезены на англійскихъ корабляхъ во Францію. На Аміэнскому миру Англичане обѣщали возвратить Іоаннитскому ордену отнятый у Французовъ островъ Мальту, и согласились на то, чтобы Египетъ, какъ и республика Іонійскихъ островъ, оставались подъ верховною властью Порты.

§ 742. Новый разладъ. Аміэнскій миръ былъ заключенъ Англіей съ большою поспѣшностью, вслѣдствіе чего тамошняя журналистика громко заговорила противъ него враждебнымъ къ Бонапарту тономъ. Протекторство, присвоенное французскимъ правительствомъ не только надъ Италіей (§ 740), но также надъ Голландіей (§ 727) и Швейцаріей, было выставлено какъ нестерпимое тиранство.

Въ Швейцаріи Бонапартъ воспользовался раздоромъ между приверженцами стараго покантоннаго устройства и друзьями вновь введенныхъ единства и нераздѣльности, съ цѣлью преобразовать такъ-называемымъ посредническимъ (медіаціоннымъ) актомъ государст-

венное устройство того края по примѣру французскаго. Въ этомъ актѣ Бонапартъ, какъ протекторъ Швейцаріи, возстановилъ прежнюю независимость кантоновъ, но такъ однакоже, что вся страна, какъ совокупное государство, была представляема земскимъ головою (ландамманомъ) и общимъ сеймомъ. Посредническій актъ, одно изъ благотворнѣйшихъ политическихъ дѣяній Наполеона, возстановилъ кантоны и въ тоже время скрѣпилъ Швейцарію союзно-государственной связью, которая держала разумную средину между единствомъ и особенностью.

Нападки свободной печати, которыхъ англійское правительство не могло остановить безъ нарушенія конституціи, возбудили сильное неудовольствіе Бонапарта, не умѣвшаго переносить ни порицаній, ни противорѣчій. Французская официальная газета, «Монитёръ», въ которую Бонапартъ самъ присылалъ статьи, отвѣчала такимъ тономъ, который становился все болѣе ѣдкимъ и презрительнымъ, когда обнаружилось, что Англія нарочно медлитъ очищеніемъ Мальты. Большая дѣятельность на французскихъ корабельныхъ верфяхъ и путешествіе Себастиани на Востокъ, казалось, свидѣтельствовали о предстоящемъ враждебномъ замыслѣ противъ Англіи. Даже приверженцы мира въ Великобританіи скоро убѣдились въ необходимости дальнѣйшей борьбы съ Бонапартомъ. Война, поэтому, была снова объявлена Франціи, и возвращеніе Питта въ министерство, главой котораго онъ оставался до своей смерти (1806), могло служить доказательствомъ, что англійское правительство рѣшилось такъ же энергически бороться противъ новаго военного владыки и присвоеннаго имъ протекторства надъ сосѣдними краями, какъ прежде боролась противъ революціи.

Санъ-Доминго. Новая война помѣшала французскому правительству завоевать обратно Санъ-Доминго. Вслѣдствіе провозглашенія правъ человѣка и освобожденія невольниковъ, въ этой французской колоніи произошли страшныя смуты: мулаты и негры возстали на бѣлыхъ плантаторовъ, потребовали равныхъ съ нами правъ и наконецъ учредили негритянскую республику подъ водительство хитраго и предприимчиваго Туссенъ-Лувертюра. Послѣдній, игравшій такую же роль на Санъ-Доминго, какую Бонапартъ во Франціи, былъ въроломно захваченъ затемъ Наполеономъ, Декларкомъ, и отвезенъ во Францію, гдѣ векоръ умеръ (8 іюня 1802); но храбрость негровъ и вредный климатъ острова въ два года истребили около 40,000 сухопутныхъ и морскихъ солдатъ, и между прочимъ самого предводителя. Когда, по возоб-

новленіи войны, французское правительство должно было обратить свои морскія силы противъ Англіи, цвѣтнокожіе и черные поднялись снова, учредили республику Гаити, и поставили во главѣ ея кровожаднаго тирана, негра Дессалина (окт. 1805). По убіеніи его возникли внутреннія распри, кончившіяся распаденіемъ острова (1808) на (негритянскую) монархію, съ негритянскимъ королемъ Христофомъ, и на (мулатскую) республику, подъ начальствомъ мулата Александра Песона; но послѣ самоубійства короля Христофа, президентъ Буойѣ въ 1820 году опять совокнуилъ весь островъ въ одну республику. Французскіе владѣльцы плантацій были впоследствии вознаграждены по договору съ французскимъ правительствомъ; но такъ какъ высокая сумма вознагражденія потребовала наложенія тяжелыхъ податей на негровъ и мулатовъ, которые только одни и пользуются правами гражданства, то въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ произошли тамъ новыя волненія, слѣдствіемъ которыхъ были бѣгство и низверженіе (1843) Буойѣ. Съ тѣхъ поръ междоусобіе и анархія господствуютъ на этомъ несчастномъ островѣ, который только обезьянски перенялъ внѣшнія формы образованныхъ державъ, не будучи способенъ усвоить себѣ ихъ государственный и общественный порядокъ. Земледѣліе въ упадкѣ, разведеніе кофе въ дикомъ состояніи, воздѣлка сахарнаго тростника исчезла совсѣмъ. Только банану и полудикимъ свинымъ обаянъ «свободный негръ» тѣмъ, что живя на этой поистинѣ райской землѣ, до сихъ поръ еще не погибъ съ голоду отъ лѣни.

Б) ДѢЛА ВНУТРЕННІЯ.

§ 743. Новый дворъ и конкордатъ. Первоначальное стремленіе Бонапарта, примирить старое съ новымъ и связать плоды революціи съ монархическими учрежденіями, было благоразумно и похвально; но онъ слишкомъ скоро допустилъ пристрастію своихъ близкихъ къ формамъ королевской эпохи увлечь его на безусловное возстановленіе стараго порядка, нравовъ и обычаевъ. При дворѣ перваго консула появились снова прежніе наряды и моды, формы стараго этикета, шегольство и пышность королевской эпохи. Аристократическіе нравы, благовоспитанность и тонкіе приемы вѣкоръ стали опять считаться преимуществами. Суетная и страстная къ нарядамъ, но при этомъ истинно любезная супруга Бонапарта, Жозефина, и ея дѣти (Евгеній и Гортензія Богарнѣ), сестры перваго консула, особенно Полина, и зять его Мю-

рять, блистали красотой и юностью и своими свѣткими талантами способствовали стремленію властителя, облегчали ему путь*). Сокращеніе списка эмигрантовъ возвратило многихъ роялистовъ въ предѣлы отечества, а оказанная имъ благосклонность сдѣлала ихъ уступчивѣе и податливѣе на службу при новомъ дворѣ. Г-жа де-Сталь (дочь Некера) по прежнему собирала въ своемъ салонѣ кружокъ образованныхъ и замѣчательныхъ людей (въ томъ числѣ былъ Бенжаменъ Констанъ). Тщеславіе Французовъ особенно способствовало возврату къ отличіямъ орденами и титулами; якобинецъ Камбасересъ выступалъ въ Палѣ-Роялѣ настоящимъ «павлиномъ», весь въ лентахъ и орденахъ; а когда Наполеонъ учредилъ орденъ Почетнаго Легіона, республиканцы и роялисты жадно погнались за этою новой игрушкой человѣческой слабости и тщеславія. — Одною изъ первыхъ заботъ консула было возстановленіе христіанскаго

*) Родословная фамиліи Бонапартъ изъ Аяччіо на островѣ Корсикѣ.

Карло Буонапарте—Летиція, урожд. Рамолинн
(† 1836 въ Римѣ).

1. Иосифъ Бонапартъ, 2. Наполеонъ Б. (I), 3. Люціанъ Б., 4. Элиза—Бачіонки,
графъ Сюрвилле, князь Канино, † 1820.
† 1844 † 1840.

Наполеонъ (II),
герцогъ Рейхштадтскій, † 1832.

5. Людовикъ Б., 6. Полина—Боргезе, 7. Каролина—Мюрать, 8. Геронимъ Б.,
герцогъ Сень-Лѣ, † 1825. графиня Липона (Наполи), род. 1784,
† 1839. герцогъ Монфорте-скій
(губернаторъ Дома
Инвалидовъ въ Парижѣ, † 1860).

Наполеонъ Бонапартъ—Жозефина Богарнѣ (урожд. Таше де ла Пажери).

Евгеній,
герцогъ Лейхтенбергскій,
† 1824.

Гортензія—Людовикъ Бонап.,
герцогъ Сень-Лѣ,
умерла 1837.

Людовикъ Наполеонъ (III)
(съ 1848 по 1852 президентъ французской
республики, со 2 дек. 1852 императоръ
Французовъ).

богослуженія во французскихъ церквахъ. Отмѣнивъ республиканскіе праздники (10 августа и 21 января) и указавъ праздновать воскресенье, онъ открылъ переговоры съ римскимъ дворомъ, которые привели къ заключенію конкордата (15 іюль 1801). Чтобы сдѣлать церковь и ея служителей столь же гибкими и покорными, какъ государство и чиновниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ ни возстановленія старой галликанской церкви съ ея соборами и управою самостоятельностью, ни давшаго гражданскую присягу, демократическаго духовенства революціонной эпохи. Онъ предпочелъ согласиться съ римской куріей въ установленіи такого порядка, по которому французская церковь подчинялась бы вмѣстѣ и папѣ и свѣтскому государю. Новое церковное раздѣленіе края должно было изгладить старыя воспоминанія, а производство жалованья высшему и низшему духовенству отъ казны и утвержденіе епископовъ римскою куріей — уничтожить прежнюю ихъ независимость. Но союзъ свѣтскаго и духовнаго властелиновъ не былъ ни спасителемъ, ни прочнымъ. Каждый изъ нихъ стремился къ исключительному преобладанію, и римскій прозелитизмъ векорѣ сталъ досадовать на то постановленіе конституціи, по которому не только всѣ христіанскія исповѣданія, но даже и Евреи должны были пользоваться гражданскою и церковною равноправностью и наслаждаться полною терпимостію вѣры.

Конкордатъ, заключеніе котораго было отпраздновано публично въ первый день Пасхи (18 апрѣля 1802), содержалъ въ себѣ слѣдующія существенныя постановленія: 10 архіепископовъ и 50 епископовъ назначаются правительствомъ, отъ него же получаютъ и жалованье, но утверждаются папой. Всѣ духовныя лица, какъ не присягнувшія, такъ и присягнувшія и женатыя, равно отказываются отъ своихъ мѣстъ, но могутъ опять получить ихъ. Отлученные снова принимаются въ лоно церкви и до смерти своей получаютъ содержаніе отъ казны. Отобранное церковное имущество остается въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ; число праздниковъ ограничивается.

Большую силу и вліяніе получила монархическая власть передатей народнаго обученія въ вѣдѣніе свѣтскаго правительства. Тѣмъ, что всѣ преподаватели и учебныя заведенія стали зависѣть отъ государства, послѣднее пріобрѣло себѣ такое же вліяніе на умственное направленіе народа, какимъ прежде обладала церковь.

Заботливость перваго консула главнымъ образомъ была обращена на высшія учебныя заведенія (въ особенности на учрежденную Мон-

жемъ Политехническую школу въ Парижѣ). Эти заведенія были снабжены богатыми средствами изъ государственной казны, между тѣмъ какъ среднія и низшія школы были предоставлены общинамъ, но съ подчиненіемъ ихъ надзору государственной власти. Въ эпоху императорства, во главѣ ихъ былъ поставленъ зависящій отъ правительства императорскій университетъ, съ обязанностью устроить всѣ учебныя заведенія и наблюдать за ними, подвергать преподавателей испытанію и руководить всею учебною частью — великолѣпная вѣра, которая отнимала надзоръ за преподаваніемъ у духовенства и передавала его правительству. Учрежденный директоріей, на мѣсто упраздненныхъ академій, Національный Институтъ для обработки и развитія искусствъ и наукъ, былъ вновь устроенъ и расширенъ Наполеономъ, но при этомъ сталъ параднымъ ученымъ учрежденіемъ, въ которомъ воскурялся өміямъ консулу, а потомъ императору.

§ 744. Заговоры. Наполеонъ, какъ почти всѣ люди, привыкшіе къ военной дисциплинѣ, имѣлъ крутой, деспотическій нравъ. Поэтому онъ болѣе и болѣе ограничивалъ свободу и политическія права гражданъ, преслѣдовалъ якобинцевъ и теоретиковъ республиканцевъ («идеологовъ») и возложилъ все свое довѣріе на свою гвардію и строгую тройную полицію, состоящую подъ управленіемъ лукаваго, способнаго на всѣ происки и хитрости, Фушѣ и др. Эти преслѣдованія усилились, когда смѣлый корсикавецъ Арена и даровитый ваятель Черакки съ нѣкоторыми товарищами посягнули на жизнь перваго консула, но, открытые Фуше (2 дек. 1800), заплатились за то собственной жизнью. Съ тѣхъ поръ всѣми заговорами и покушеніями на убійство пользовались на пагубу республиканцамъ, даже когда они вовсе не участвовали въ заговорѣ, какъ напр. по поводу дерзкаго замысла — посредствомъ такъ-называемой адской машины, то-есть искусно начиненной порохомъ, ядрами и горючими веществами бочки, взорвать Бонапарта на воздухъ при проѣздѣ его въ оперный театръ (24 дек. 1800). Только проворство его кучера спасло Наполеона отъ смерти, но машиной разрушено много домовъ и много людей перебито. Вслѣдствіе этого злодѣйства, 130 якобинцевъ, признанныхъ за террористовъ и сентябрьскихъ убійцъ или по крайней мѣрѣ за подозрительныхъ, были приговорены къ ссылкѣ и не помилованы даже и тогда, когда оказалось, что покушеніе сдѣлано роялистами изъ круга графа д'Артуа (Кадудалемъ, Гиль-де-Нёвиллемъ и др.). Опаснѣе и обширнѣе стали заговоры противъ Бонапарта, когда подача голосовъ во всемъ міромъ доставила ему пожизненное кон-

сульство (2 авг. 1802) и право назначить себѣ преемника. Этимъ была отрѣзана у Бурбоновъ послѣдняя надежда, вслѣдствіе чего эмигранты, которымъ англійское министерство, его посланники и дипломаты въ Германіи помогали деньгами и другими средствами, всячески старались погубить Наполеона. Орудіями явились опять дерзкій Жоржъ Кадудаль и генераль Писегрю, одаренный чрезвычайною силой; послѣдній еще прежде былъ въ сношеніяхъ съ Кондѣ и послѣ своего бѣгства изъ Южной Америки (§ 734) проживалъ въ Англій. Они тайно отправились во Францію, имѣли свиданіе съ Морё, ненавидѣвшимъ господство Наполеона, но были открыты и вмѣстѣ съ 40 соумышленниками заключены въ тюрьму. Еще прежде чѣмъ рѣшилась ихъ участь, Наполеонъ, которому представили, будто герцогъ Англенскій, благородный внукъ принца Кондѣ, есть душа всѣхъ роялистскихъ заговоровъ, далъ увлечь себя къ возмутительному поступку. По его приказанію, молодой, даровитый принцъ былъ схваченъ ночью (15 марта 1804) въ баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ шайкою вооруженныхъ людей, съ величайшей поспѣшностью отвезенъ черезъ Страсбургъ въ столицу Франціи, быстро приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти и, не смотря на свое благородное защищеніе, въ которомъ онъ рѣшительно отвергалъ всякое участіе по заговору, тотчасъ же разстрѣлянъ въ Венсенскомъ рвѣ (21 марта). Это дѣло, поставившее Бонапарта на ряду съ неистовыми террористами 1793 года, возмутило всю Европу и заставило молчать его поклонниковъ. Романтическій поэтъ Шатобріанъ, авторъ знаменитаго сочиненія: «Духъ Христіанства», проложившаго путь къ возстановленію христіанскаго богослуженія и къ заключенію конкордата, отказался тогда отъ своей государственной должности, доставленной ему сестрою Бонапарта Элизой, и удалился въ Швейцарію. Россія, Швеція (за Померанію) и Англія (за Ганноверъ) старались въ Регенсбургѣ выхлопотать декларацію, какой повидимому требовали достоинство и независимость имперіи при такомъ нарушеніи ея территоріальныхъ правъ; но уполномоченные нѣмецкихъ правительствъ до тѣхъ поръ медлили подачей своихъ голосовъ, пока вакація сейма дала имъ возможность поспѣшно выѣхать изъ Регенсбурга. Такъ великъ былъ страхъ передъ могущественнымъ сосѣдомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ Рёмбольдъ по такой же причинѣ былъ насильственно схваченъ (24 окт.) на Гамбургской территоріи, но потомъ отпущенъ по ходатайству Пруссіи. Вскорѣ послѣ того рѣшилась участь заговорщиковъ. Писе-

грю уже умеръ въ тюрьмѣ насильственной смертью (25 іюня), неизвѣстно отъ своей ли руки, или отъ чужой; Жоржъ Кадудаль погибъ съ одиннадцатью соучастниками на гильотинѣ, а слабый, руководимый своею женою и тещею Морё согласился на добровольное изгнаніе въ Америку, послѣ того какъ былъ приговоренъ крайне произвольнымъ судомъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію и уплатѣ судебныхъ расходовъ. Остальные были частію наказаны тюрьмой, частію отданы подѣ надзоръ полиціи. Страхъ къ скрытому могуществу легитимизма былъ причиной, что Наполеонъ постоянно смотрѣлъ съ безпокойствомъ и опасеніемъ на выселившуюся королевскую фамилію, а когда жившій въ Варшавѣ Людовикъ XVIII, обманувшись въ своихъ надеждахъ, разоблачилъ попытки Наполеона, въ началѣ его консульства, вступать съ нимъ въ тайные переговоры, то это еще болѣе раздражило властителя Франціи противъ бурбонской династіи. Убіеніе герцога Англенскаго и впоследствии низверженіе Бурбоновъ въ Неаполь и Испаніи вытекли прямо изъ этого чувства гнѣва и мести.

СОДЕРЖАНІЕ VIII-го ВЫПУСКА.

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІИ.

А. Предвѣстія революціи.

	Стр
I. Литература вольномысленнаго просвѣщенія (Aufklärung)	1
1. Англійскіе вольнодумцы (деисты)	—
§ 670. Локкъ. Шафтсбери. Коллинсъ. Толандъ. Тиндаль. Морганъ. Мандевиль. Чоббъ. — Историки: Болинброкъ. Гиббонъ. Юмъ. Робертсонъ.	
2. Противоцерковная литература во Франціи	5
§ 671. Вольтеръ. Монтескьё. Руссо, Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты: Гельвецій. Дидро. Д'Аламберъ.	
3. Вліяніе литературы. § 672	12
II. Борьба Сѣверо-американцевъ за независимость	15
§ 673. Введеніе, стр. 15. — § 674. Поводъ къ войнѣ (Юніевы Письма), стр. 16. — § 675. Военныя событія, стр. 18. — § 676. Расширеніе войны, стр. 20. — § 677. Вооруженный нейтралитетъ (Голландія), стр. 22. — § 678. Гибралтаръ. Мирные трактаты, стр. 25.	
III. Преобразовательныя попытки государей и министровъ	28
1. Западъ и югъ	—
§ 679. а) Португалія при Помбалъ, стр. 28. — § 680. б) Испанія и Неаполь подѣ управленіемъ Карла III и его министровъ, стр. 30.	
2. Сѣверъ Европы	32
§ 681. а) Данія. Штруэнзе, стр. 32. — § 682. б) Швеція подѣ державой Густава III, стр. 35. — § 683. Конецъ Густава III, стр. 38.	

3. Германія во время Фридриха Великаго и Иосифа II 40

§ 684. а) Немецкая имперія, стр. 40. — § 685. Планы Иосифа II, стр. 44. — § 686. б) Австрія, стр. 46. — § 687. Преобразование Иосифа II, стр. 48. — § 688. Ссора Иосифа съ Нидерландцами и Венграми. Императоръ Леопольдъ II и императоръ Францъ II (I), стр. 49. — § 689. в) Пруссія, стр. 54. — § 690. Фридрихъ Вильгельмъ II, стр. 58. § 690. г) Духовныя владѣнія стр. 63.

4. Россія при Екатеринѣ II (1762—96) и раздѣлъ Польши. . . 65

- а) Внутреннія дѣла, § 691.
- б) Первый раздѣлъ Польши и первая Турецкая война 68
§ 692. Немошь Польши. — § 693. Дѣло диссидентовъ, стр. 70. — Первая Турецкая война, стр. 71. — § 695. Первый раздѣлъ Польши (1772), стр. 72. — § 696. Приобрѣтеніе Крыма, стр. 75.
- в) Второй раздѣлъ Польши. 76
§ 697. Вторая Турецкая война, стр. 76. — § 698. Польская конституція, стр. 77. — § 699. Косцюшко и Тарговицкая конфедерация, стр. 77. — § 700. Новый раздѣлъ (1793), стр. 79. — § 701. Конецъ Польши (1794), стр. 80.

Б. Французская революція.

1. Послѣдній періодъ неограниченной монархіи 83

§ 702. Конецъ Людовика XV. а) Придворная жизнь, стр. 83. — § 703. б) Податная система, стр. 84. — § 704. в) Ссора съ парламентомъ, стр. 85. — § 705. Людовикъ XVI. а) Дворъ, стр. 86. — § 706. б) Преобразовательные планы Мальзербъ и Тюрго, стр. 88. — § 707. в) Трудное финансовое положеніе, стр. 89. — § 708. г) Раздоръ съ парламентомъ, стр. 90. — § 709. д) Созывъ государственныхъ чиновъ, стр. 91.

II. Учредительное Собраніе (съ 5 мая 1789 по 30 сентября 1791). 93

§ 710. Национальное собраніе, стр. 93. — § 711. Королевское засѣданіе, стр. 94. — § 712. Взятіе Бастиліи, стр. 95. — § 713. Двѣдствія національнаго собранія, стр. 98. — § 714. Перемѣщеніе короля и національнаго собранія въ Парижъ, стр. 99. — § 715. Учрежденіе новаго порядка вещей, стр. 100. — § 716. Праздникъ братства. Бѣгство короля, стр. 103.

III. Законодательное собраніе (съ 1 октября 1791 по 20 сентября 1792 г.) 106

§ 717. Распространеніе республиканства, стр. 106. — § 718. Бури противъ королевской власти, стр. 108. — § 719. Паденіе королевской власти 10 августа, стр. 110. — § 720. Сентябрьскіе дни, стр. 115.

IV. Республиканская Франція подъ властью національнаго конвента (сент. 1792 — окт. 1795) 117

§ 721. Казнь короля, стр. 117. — § 722. Военныя событія, стр. 121. — § 723. Паденіе жиронды, стр. 127. — § 724. Ужасы на югѣ Франціи, стр. 131. — § 725. Кровавыя сцены въ Вандеѣ, стр. 134. — § 726. Первая коалиционная война (1793—96) (Англія), стр. 136. — § 727. (Голландія), стр. 137. — § 728. (При-Рейнскія владѣнія), стр. 143. — § 729. Владычество ужаса (терроризмъ), стр. 145 — § 730. Паееніе Дантонистовъ, стр. 148 — § 731. Паденіе Робеспьера, стр. 161 — § 732. Послѣднія времена конвента, стр. 152.

V. Франція подъ властью директоріи съ 26 окт. 1795 — 9 ноября (18 брюмера) 1799 г. 154

§ 733. Итальянскіе походы Наполеона до мира въ Кампо-Форміо, стр. 154. — § 734. Правительство французской директоріи внутри, стр. 160. — § 735. Внѣшнія дѣла, стр. 163. — § 736. Новая коалиционная война (1798 — 1799), стр. 167. — § 737. Бонапартъ въ Египтѣ и Сиріи, стр. 176. — § 738. Осьмнадцатое Брюмера, стр. 178.

В. Властительство Наполеона Бонапарта.

I. Консульство (1800—1804) 179

§ 739. Консульская конституція, стр. 179.

- а) Внѣшнія дѣла, стр. 180.
§ 740. Маренго и Гогенлинденъ стр. 180. — § 741. Амѣнскій миръ, стр. 188 — § 742. Новый разладъ (Санъ-Доминго), стр. 189.
- б) Внутреннія дѣла, стр. 191.
§ 743. Новый дворъ и конкордаты, стр. 191. § 744. Заговоры, стр. 184.

177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

ВАЖНѢЙШЕ НЕДОСМОТРЫ.

Томъ III, стр. 446, на 3 строкъ снизу, напечатано: Кирилловичъ, вмѣсто Григорьевичъ.
Томъ IV, стр. 167, вмѣсто § 736 напечатано: § 739.